

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА



AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скоба Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спириidonовка, д. 30/1 fvrdr@rambler.ru

Тиберио Грациани – директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАЕН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва г, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Буданова Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук.119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) ,

профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжков Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru .

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudargin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudargin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvr@rambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenka@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

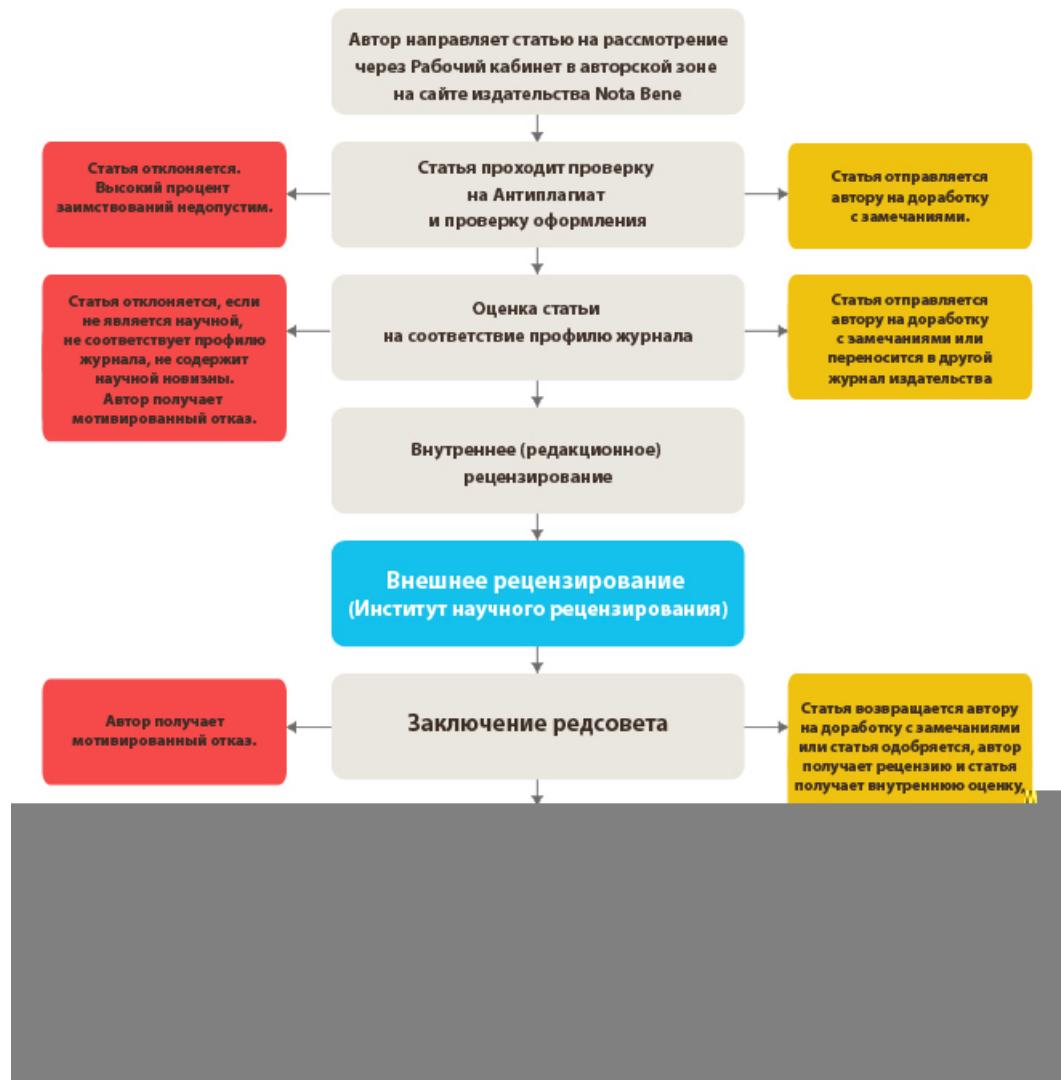
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Хуанфу Ч. Национальная стратегия кибербезопасности США и ее глобальное влияние	1
Кочеров О.С. Перспективы применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния	12
Мафуанг С. Сигнализация и тактическое хеджирование как политические инструменты при формировании минилатеральных коалиций безопасности на примере Quad и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе	30
Майоров И.Е. Динамические факторы, влияющие на формирование образа России в восприятии молодежи Германии	41
Шлюндт Н.Ю., Нефедов С.А., Боташева А.К. Обратные эффекты от применения финансовых инструментов в международно-политических целях: случай США	56
Гурковский А.А., Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Международные неправительственные организации в конструктивистской парадигме исследования международных отношений	64
Малашевская М.Н. Культурная дипломатия Японии в КНР в 1970-1980-е гг. на примере деятельности Иноуэ Ясуси и Японо-китайской ассоциации культурных обменов	72
Англоязычные метаданные	87

Contents

Huangfu Z. The National Cybersecurity Strategy of the United States and Its Global Impact	1
Kocherov O.S. Prospects for China's Use of Artificial Intelligence in the Context of the US-China Geopolitical Rivalry	12
Mafuang S. Signaling and Tactical Hedging as Political Tools in the Formation of Minilateral Security Coalitions: Quad and AUKUS in the Indo-Pacific Region	30
Mayorov I.E. Dynamic factors influencing the formation of Russia's image in the perception of German youth	41
Shlyundt N.Y., Nefedov S.A., Botasheva A.K. The Backfires of the Use of Financial Instruments for International Political Purposes: the Case of the United States	56
Gurkovskii A.A., Klichnikov Y.Y., Linets S.I. International Non-Governmental Organizations in the Constructivist Paradigm of International Relations Research	64
Malashevskaya M.N. Cultural diplomacy of Japan towards the PRC in the 1970s and 1980s: the case Inoue Yasushi and Japan-China Cultural Exchange Association activities	72
Metadata in english	87

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Хуанфу Ч. Национальная стратегия кибербезопасности США и ее глобальное влияние // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72317 EDN: JMHOEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72317

Национальная стратегия кибербезопасности США и ее глобальное влияние

Хуанфу Чжэнхуэй

кандидат политических наук

аспирант, кафедра международная безопасность; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

✉ hfstudy@yandex.ru



[Статья из рубрики "Информационные войны"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72317

EDN:

JMHOEF

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2024

Дата публикации:

14-11-2024

Аннотация: В условиях все более интенсивной цифровизации кибербезопасность становится ключевым элементом мирового политического дискурса. США, являясь родиной интернета и лидером в области информационных технологий, существенно влияют на формирование мировых стандартов управления кибербезопасностью. Настоящая статья представляет анализ американских официальных документов для оценки изменений в политике кибербезопасности администрации Байдена и их потенциального воздействия на международные отношения и глобальные стандарты управления киберпространством. Анализ начинается с рассмотрения рыночно-ориентированного подхода времён Клинтона, переходит к стратегическому включению кибербезопасности в национальную архитектуру безопасности при младшем Буше, а также касается различий в подходах администраций Обамы и Трампа. Особое внимание

уделено детальному обзору «Национальной стратегии кибербезопасности» администрации Байдена, подчеркивающей инновации в укреплении сетевого регулирования, углублению сотрудничества между государством и частным сектором и реформированию ответственности за кибербезопасность. Статья также исследует, как эти изменения могут повлиять на международные стандарты в сфере кибербезопасности, и анализирует стратегическое значение и глобальные последствия сотрудничества Китая и России в этой области, обосновывая их важность для будущего глобального управления киберпространством. Методология исследования основана на анализе официальных документов и стратегий администрации США в области кибербезопасности. Статья выявляет тенденции и стратегические изменения, оценивая их глобальное воздействие и взаимодействие с частным сектором. Научная новизна данной статьи выражается в тщательном анализе реформирования стратегии кибербезопасности при администрации Байдена, особенно в контексте её влияния на международные отношения и глобальные стандарты управления киберпространством. Исследование выявляет углубление взаимодействия между государством и частным сектором, а также усиление регулятивных механизмов, что отличается от предыдущих подходов, основанных на добровольной основе. Особое внимание уделяется тенденции перехода глобальной сетевой безопасности от единой модели к многоуровневому сотрудничеству и конкуренции. Статья подчеркивает, что внедрение рамок нулевого доверия может спровоцировать глобальные изменения, усиливающие сложность и многообразие международных отношений в области кибербезопасности. Основным выводом работы является признание стратегического значения сотрудничества между Китаем и Россией в кибербезопасности, что существенно влияет на глобальное управление киберпространством и подчеркивает необходимость международной координации в этой сфере.

Ключевые слова:

кибербезопасность, управление кибербезопасностью, Кибербезопасность администрации Байдена, цифровой суверенитет, безопасность информационной эры, Национальная стратегия кибербезопасности, Модель нулевого доверия, Международные киберотношения, Сотрудничество в киберполитике, Глобальное управление кибербезопасностью

Стратегия кибербезопасности США прошла через множество этапов развития с момента зарождения интернета, каждый из которых значительно отражает влияние технологического прогресса, глобальной политической обстановки и внутренних политических дебатов. В период правления Клинтона (1993-2001) политика в области кибербезопасности в основном была не регулируемой и ориентированной на рынок. В 1997 году администрация Клинтона приняла «Основы глобальной электронной коммерции»^[1], подчеркнув поддержку свободы технологий и инноваций, что способствовало коммерциализации интернета и быстрому развитию технологий, но также обнажило недостатки в области кибербезопасности.

С началом XXI века значимость кибербезопасности начала постепенно возрастать. После терактов 11 сентября 2001 года администрация младшего Буша немедленно отреагировала, разработав в 2003 году «Национальную стратегию безопасности киберпространства»^[2], которая впервые включила кибербезопасность в архитектуру национальной безопасности США, символизируя переход от рыночного управления к

государственному вмешательству. Фактически, это первая стратегическая инициатива, которая определяет необходимость координации и централизации усилий всех федеральных ведомств для защиты национального информационного пространства [\[3\]](#). Данный документ, а также другие цели указывают на необходимость укрепления координации между Министерством обороны США и национальными разведывательными службами в области противодействия киберугрозам. Несмотря на начало создания более структурированных мер обороны, акцент все еще делался на роли рынка.

Во время президентства Барака Обамы (2009-2017 гг.) не была разработана новая стратегия кибербезопасности в виде формализованного документа, однако администрация активно стремилась укрепить взаимодействие с частным сектором, особенно уделяя внимание обмену информацией о киберугрозах. Это стало частью усилий по созданию гибкой и эффективной системы защиты от кибератак, которые могли бы нанести значительный ущерб экономике и социальной структуре страны [\[4\]](#). Значимость этих усилий была особенно подчеркнута в результате кибератаки на киностудию Sony Pictures в 2013 году, осуществленной Северной Кореей в ответ на планируемый выпуск фильма, издавательски относящегося к её лидеру. Атака привела к масштабной утечке конфиденциальной информации, включая личные данные сотрудников, внутреннюю переписку и неопубликованные фильмы, что серьёзно ударило по репутации и финансам компании. Кибератака на Sony Pictures выявила значительные уязвимости в системе защиты информационной инфраструктуры крупных корпораций и подтвердила необходимость усиления национальной и корпоративной кибербезопасности [\[5\]](#). Попытки администрации Обамы ужесточить меры защиты, в том числе путем законодательного введения обязательных стандартов для критически важной инфраструктуры, встретили сопротивление в Конгрессе из-за давления со стороны частного сектора и опасений, связанных с возможными финансовыми затратами и ограничением корпоративной автономии [\[6\]](#). В ответ на это администрация Обамы сфокусировала свои усилия на развитии добровольных партнерских отношений между государством и частным сектором, продолжая поддерживать инновации в области технологий кибербезопасности и укрепляя координацию мер реагирования на киберугрозы на национальном уровне, в частности, через такие структуры, как Национальный центр кибербезопасности и интеграции коммуникаций (NCCIC) и другие государственные агентства.

Во время администрации Трампа (2017-2021) в своей «Национальной стратегии кибербезопасности» 2018 года был сделан акцент на активной защите и наступательных действиях в киберпространстве, подчеркивая стратегический переход от преимущественно оборонительной позиции к более агрессивной и инициативной роли в кибербезопасности [\[7\]](#). Этот подход позволял не только реагировать на угрозы, но и предотвращать их, усиливая национальную и международную безопасность через стратегически организованные кибероперации. В рамках администрации Трампа произошли значительные изменения в политике кибербезопасности, включая приостановку диалога по кибербезопасности между Китаем и США, что было связано с обвинениями в адрес Китая в кибершпионаже и недобросовестной конкуренции. Дополнительно, было усилено давление на китайские интернет-компании, включая такие крупные фирмы, как Huawei и ZTE, которые столкнулись с санкциями и ограничениями, основанными на обвинениях в угрозе национальной безопасности. Эти действия привели к определенному отступлению США от ранее занимаемых лидирующих позиций в глобальной системе управления киберпространством. Такой подход способствовал возникновению новых вызовов в киберпространстве для последующей администрации

Байдена, которой предстояло решать проблемы, связанные с восстановлением международного сотрудничества и доверия, а также с реформированием политики кибербезопасности для адаптации к новым глобальным вызовам и угрозам. Администрация Трампа также активно использовала киберпространство для продвижения национальных интересов, что означало применение кибервозможностей не только для защиты, но и для достижения стратегических целей США на международной арене. Это включало использование киберопераций как инструмента политического давления и защиты экономических интересов, подчеркивая роль кибербезопасности как важного элемента национальной стратегии безопасности.

Администрация Байдена (2021-настоящее время) совершила заметный пересмотр политики в области кибербезопасности. В мае 2021 года, в ответ на инцидент с атакой SolarWinds, Microsoft Exchange и с топливопроводом Colonial Pipeline был издан «Административный приказ о кибербезопасности», требующий усиления защиты критически важной инфраструктуры и создание Комиссии по обзору кибербезопасности. В марте 2023 года опубликованная «Национальная стратегия кибербезопасности» впервые включила регулирование в ключевые позиции национальной безопасности, что ознаменовало значительный поворот в американской стратегии кибербезопасности. Эти стратегические корректировки и эволюция политики не только отражают зрелость взглядов США на кибербезопасность, но и демонстрируют глубокое влияние технологического прогресса и международной политико-экономической обстановки на национальную стратегию кибербезопасности.

Новая стратегия кибербезопасности администрации Байдена

В связи с быстрым развитием цифровых технологий и увеличением угроз кибербезопасности, правительство США приняло ряд инновационных мер для противодействия этим вызовам. 12 мая 2021 года президент США Байден подписал указ о кибербезопасности и защите сетей федерального правительства от кибератак [\[8\]](#), который отмечает значимый поворот в стратегии кибербезопасности США. Этот приказ требует от всех поставщиков ИТ-услуг уведомлять правительство о любых потенциальных кибератаках, что обеспечивает своевременный ответ и соответствующие действия со стороны государства. Кроме того, приказ предусматривает создание Комитета по рассмотрению кибербезопасности, состоящего из экспертов из публичного и частного секторов, задача которого — анализировать инциденты сетевых атак и предлагать меры по защите от будущих атак, что направлено на укрепление киберобороны через коллективные усилия и обмен ресурсами.

После этого приказа, 2 марта 2023 года, администрация Байдена выпустила "Национальную стратегию кибербезопасности" [\[9\]](#), которая дополнительно укрепляет рамки управления кибербезопасностью, отходя от традиционной модели, основанной на добровольном саморегулировании рыночных субъектов и акцентах на сотрудничестве между государственным и частным секторами и обмене информацией. Новая стратегия четко включает "регулирование" в важные аспекты национальной безопасности, подчеркивая ведущую роль правительства в области кибербезопасности, особенно в защите критически важной инфраструктуры и ключевых сфер национального значения. Кроме того, стратегия перераспределяет обязанности по кибербезопасности, уточняя роли и обязанности всех участников в поддержании кибербезопасности, тем самым укрепляя системный фундамент кибербезопасности. Эти политические меры не только изменили способы управления кибербезопасностью внутри США, но и оказали глубокое влияние на правила управления киберпространством на мировом уровне. Путем

введения более строгих регулятивных мер и перераспределения ответственности, США стремятся способствовать созданию более защищенной и оборонительной глобальной сетевой среды. Этот поворот в стратегии является важным дополнением к предыдущему подходу, основанному на решении проблем кибербезопасности силами рынка, и демонстрирует необходимость государственного вмешательства и международного сотрудничества в условиях усложняющихся вызовов кибербезопасности.

Опубликованная администрацией Байдена "Национальная стратегия кибербезопасности" направлена на создание более защищенной и устойчивой цифровой экосистемы. Стратегия усиливает инвестиции в киберинфраструктуру, укрепляет партнерские отношения с частным сектором и повышает контроль за ключевыми секторами, особенно подчеркивая механизмы ответственности для компаний, не исполняющих обязательства по безопасности. Центральная цель стратегии — создать "цифровую экосистему с более высоким уровнем внутренней защиты, устойчивости и соответствующую американским ценностям". В стратегии акцент на "защите" подразумевает усиление мер кибербезопасности на всех этапах проектирования и эксплуатации, что делает стоимость атаки значительно выше, чем стоимость защиты, эффективно перенося контроль от атакующих к защищающимся. "Устойчивость" означает способность сетевых систем быстро восстанавливаться после неудач и предотвращать катастрофические последствия, обеспечивая, чтобы киберинциденты не оказывали системное воздействие на реальный мир. Кроме того, "ценности" в стратегии означают, что цифровая экосистема должна отражать ценности ее создателей и пользователей, с ясным соблюдением основных демократических принципов США в процессе ее создания.

Для достижения этих целей стратегия администрации Байдена фокусируется не только на реформе внутренней политики, но и активно ищет международное сотрудничество, особенно в борьбе против транснациональной киберпреступности и укреплении глобального управления киберпространством. США совместно с союзниками, такими как Европейский союз и НАТО, стремятся к созданию международных стандартов и обмену лучшими практиками. Это направлено на повышение уровня кибербезопасности на глобальном уровне, укрепление сотрудничества с союзниками, продвижение унификации глобальных стандартов кибербезопасности, что позволит совместно противостоять цифровым вызовам и угрозам. Посредством этой всеобъемлющей стратегии администрация Байдена демонстрирует осознание новых вызовов в области кибербезопасности и готовность к их преодолению, стремясь повысить защиту и устойчивость, чтобы обеспечить способность США и их глобальных партнеров справляться с возрастающей сложностью кибератак, поддерживая стабильность национальной и глобальной кибербезопасности.

Переосмысление обязанностей и стимулов в рамках "Национальной стратегии кибербезопасности"

США долгое время опирались на модель управления кибербезопасностью, основанную на рыночных принципах и автономии отраслей, что часто возлагало тяжесть ответственности на конечных пользователей, малый бизнес и местные власти, которые обычно не располагают необходимыми профессиональными навыками и ресурсами, что делает их бессильными перед лицом всё более сложных киберугроз. В связи с этим срочно требуется системная перестройка ролей, обязанностей и ресурсов в киберпространстве.

Правительство Байдена, признавая эту проблему, выпустило "Национальную стратегию кибербезопасности", которая предлагает два фундаментальных изменения. Стратегия

выступает за перераспределение обязанностей по кибербезопасности от индивидуальных пользователей, малого бизнеса и местных властей к менеджерам цифровых экосистем, обладающим наилучшими возможностями, таким как федеральное правительство и интернет-провайдеры. Федеральному правительству особенно поручается защита собственных сетевых систем и критически важной инфраструктуры, а также использование своих ключевых функций, включая дипломатию, разведку, экономические санкции, правоприменение и проведение операций для эффективного противодействия киберугрозам [\[10\]](#). Владельцы и операторы критической инфраструктуры, производители оборудования, разработчики программного обеспечения, поставщики услуг и другие ключевые участники также будут нести большую ответственность за кибербезопасность.

Стратегия также акцентирует внимание на пересмотре стимулирующих механизмов для поощрения долгосрочных инвестиций. Правительство поощряет защитников сетей к принятию долгосрочных решений, а не к зависимости от временных исправлений, предлагая финансовую поддержку, налоговые льготы и другие формы стимулов, чтобы коренным образом усилить киберзащиту. Эти меры реформируют распределение обязанностей по кибербезопасности и вводят новые стимулирующие механизмы, целью которых является обеспечение стабильности и безопасности киберпространства. Эта стратегия представляет собой современное применение теории "социального контракта" Запада, определяя обязанности и права всех сторон, создавая тем самым более справедливую и эффективную модель управления кибербезопасностью. Ожидается, что такой подход окажет значительное влияние на кибербезопасность в США и во всем мире.

Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктур США (CISA) является ключевым элементом национальной архитектуры кибербезопасности, отвечающим за координацию и укрепление кибербезопасности и защиты инфраструктур по всей стране. В дальнейшей реализации "Национальной стратегии кибербезопасности" [\[11\]](#), опубликованной в марте 2023 года, CISA объявило о трёхлетнем "Стратегическом плане по кибербезопасности на 2024-2026 финансовые годы", опубликованном 4 августа 2023 года. Этот план определяет три долгосрочные цели, направленные на улучшение киберзащиты США и продвижение всей национальной сетевой среды в сторону большей безопасности и устойчивости.

В рамках цели "Устранение непосредственных угроз" CISA планирует сотрудничать с внутренними и внешними партнёрами для совместного противодействия сетевым вторжениям и разрушительным действиям, направленным против США. Стратегия включает активное наблюдение и защитные меры, а также преследование и вмешательство в деятельность потенциальных опасных субъектов. Достижение этой цели будет осуществляться через усиление обмена разведданными, повышение скорости и эффективности реагирования на инциденты, а также проведение совместных операций для подавления или устранения угроз для американской сетевой инфраструктуры.

Цель "Укрепление ландшафта" направлена на сокращение возможности разрушительных сетевых вторжений путём продвижения, поддержки и оценки эффективных практик безопасности и устойчивости. CISA будет разрабатывать и продвигать строгие стандарты безопасности и передовые практики, помогая государственным и частным организациям улучшить свои способности киберзащиты. Это включает усиление безопасности критически важной инфраструктуры, укрепление мер по защите данных и повышение способности сетевых систем к реагированию и восстановлению.

Цель "Способствование масштабированию безопасности" рассматривает кибербезопасность как основную проблему безопасности, приоритизируя внедрение мер безопасности на этапе проектирования продуктов. CISA будет сотрудничать с технологическими компаниями, производителями и дизайнерами для интеграции защитных функций и мер в новые продукты и услуги с самого начала. Это направлено на продвижение всей отрасли к более безопасному и надёжному развитию, минимизируя уязвимости и риски на исходном уровне.

Реализация этих стратегических целей позволит CISA активно и ключевым образом участвовать в обеспечении национальной кибербезопасности и повышении устойчивости инфраструктуры. Эти меры помогут США создать более безопасную, устойчивую и адаптивную цифровую среду, обеспечивая твёрдую защиту национальной безопасности.

Реализация модели нулевого доверия и её влияние на международную безопасность

На фоне быстрого развития цифровых технологий, реализация модели нулевого доверия в области кибербезопасности оказывает глубокое влияние на международную обстановку. Эта стратегия играет ключевую роль в увеличении сложности и стоимости стратегических взаимодействий в области военной и сетевой безопасности. Модель нулевого доверия, усиливая аутентификацию и контроль доступа, эффективно защищает ключевые военные связи и данные, обеспечивая защиту передаваемой информации от кражи или искажения, тем самым поддерживая глобальное технологическое превосходство США и их союзников.

"Меморандум для руководителей исполнительных департаментов и ведомств США" [\[12\]](#) от 28 января 2022 года подробно описывает решение правительства США перейти к архитектуре нулевого доверия (ZTA) для усиления кибербезопасности. Как подчеркнул президент Байден в исполнительном указе №14028, "постепенное улучшение не может обеспечить необходимую безопасность; напротив, федеральному правительству нужны смелые изменения и значительные инвестиции для защиты важнейших учреждений, поддерживающих американский образ жизни." Политика перехода федерального правительства к архитектуре нулевого доверия и использование преимуществ облачной инфраструктуры гарантируют, что все федеральные агентства достигнут минимальных стандартов безопасности, установленных правительством. Модель нулевого доверия следует принципу "никогда не доверяй, всегда проверяй", применяя строгие меры аутентификации и авторизации как для внутренних, так и для внешних пользователей, обеспечивая высокий уровень безопасности. Этот подход революционно меняет уровень кибербезопасности, особенно в защите чувствительной военной связи и данных. Отчёт о положении в области кибербезопасности в США [\[13\]](#) за март 2024 года еще раз подчеркивает необходимость для США внедрения модели нулевого доверия для ответа на усиливающиеся киберугрозы. Это стратегическое изменение стимулирует развитие международной системы управления сетями в направлении более строгой и систематизированной организации. Установление новых стандартов кибербезопасности предоставляет международному сообществу модель для подражания, которая может направить усилия международного сообщества на более согласованное и унифицированное управление сетями, особенно в таких областях, как аутентификация, защита данных и трансграничный поток данных.

В то же время, по мере увеличения глобальной зависимости от цифровых технологий, особенно искусственного интеллекта, страны увеличивают инвестиции в кибербезопасность и постепенно формируют уникальные режимы управления.

Европейский союз акцентирует внимание на "цифровом суверенитете" и "зашите приватности", регулируя обработку данных и стандарты защиты приватности согласно Общему регламенту по защите данных (GDPR). Китай и Россия рассматривают кибербезопасность как продолжение государственного суверенитета, приоритетно занимаясь информационной безопасностью и контролем правительства над интернетом, внедряя строгую политику цензуры и локализации данных для защиты национальной безопасности и общественной стабильности. США традиционно следуют рыночно-ориентированной модели управления кибербезопасностью, сосредотачиваясь на технологических инновациях и решениях, лидирующих в отрасли, но также постепенно усиливают вмешательство правительства в область кибербезопасности.

В целом, глобальные тенденции в управлении кибербезопасностью переходят от единой модели к многоуровневому сотрудничеству и конкуренции. Реализация модели нулевого доверия, ожидается, вызовет цепную реакцию на глобальном уровне, стимулируя развитие технологий, политики и международных отношений, направляя международную обстановку к большей сложности и разнообразию. Перемены в политике кибербезопасности США направлены на сотрудничество с международным сообществом для создания объединенного фронта против глобальных киберугроз, улучшения кибербезопасности как внутри страны, так и за рубежом, а также на сохранение лидирующих позиций в быстро меняющейся глобальной среде.

Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности: стратегическое дополнение и международное влияние

В условиях современного развития международных отношений, где кооперация и конкуренция образуют неразделимую дилемму, особенно на фоне углубления цифровизации и глобализации, кибербезопасность становится ключевой сферой на глобальной политической арене, затрагивающей важнейшие аспекты национальной безопасности и международного сотрудничества. Недавно сотрудничество между Китаем и Россией в этой критически важной области углубилось, что демонстрирует стратегическое дополнение двух стран в противостоянии кибервызовам. Как сообщил руководитель Департамента международной информационной безопасности МИД России Артур Лукманов, сотрудничество не ограничивается двусторонним уровнем, но также включает совместные позиции и действия на многосторонних форумах.

Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности охватывает несколько аспектов: во-первых, две страны усиливают свои возможности противодействия киберугрозам через обмен информацией и разведданными о киберугрозах, включая вредоносное ПО, модели кибератак и активности в рамках продвинутых постоянных угроз (АРТ). Во-вторых, стороны сотрудничают в области технологий и стратегического развития, совместно разрабатывая решения и защитные системы кибербезопасности, что улучшает их способности защищать свои сети, одновременно противостоя определенным технологическим санкциям или ограничениям со стороны западных стран. Кроме того, Китай и Россия приводят в международном управлении интернетом законы и политики кибербезопасности, отвечающие их интересам, укрепляя государственный контроль над национальным киберпространством, особенно выступая в защиту прав развивающихся стран на автономию в интернете в рамках международных организаций. Также проводятся совместные тренировки и учения, повышающие способность реагировать на киберинциденты и укрепляющие профессиональные навыки и взаимное доверие технических специалистов обеих стран. Наконец, в ответ на стратегии и действия США и их союзников в киберпространстве, Китай и Россия исследуют сотрудничество в области

киберобороны и контрстратегий, формируя совместный фронт противодействия западному превосходству в сети.

Эти направления сотрудничества не только обеспечивают важную поддержку национальной безопасности обеих стран, но и оказывают глубокое влияние на глобальную кибербезопасную среду. Благодаря этому стратегическому партнерству Китай и Россия укрепляют свои позиции и влияние в глобальном управлении кибербезопасностью, подчеркивая, что в будущем международных отношениях кибербезопасность продолжит оставаться важной сферой сотрудничества и конкуренции. Эта тенденция указывает на то, что управление кибербезопасностью в мире развивается в сторону большего многообразия и сложности, и странам необходимо искать возможности для сотрудничества и взаимной выгоды, защищая при этом собственные интересы.

В процессе быстрого перехода от индустриальной эпохи к информационной эре наше общество преобразовывается из "общества на колесах" в "общество в киберпространстве". Это преобразование коренным образом изменяет "правила игры" в нашей социальной жизни, особенно в вопросах баланса между безопасностью и развитием. В этом контексте изменение модели управления кибербезопасностью, предложенное администрацией Байдена, представляет научный и практический интерес. Это не только реакция на вызовы, вызванные быстрым развитием цифровых технологий, но и глубокий пересмотр и инновация на основе опыта управления интернетом за последние тридцать лет.

Национальная стратегия кибербезопасности США показывает, что традиционная модель управления кибербезопасностью, основанная на государственных усилиях по предотвращению и борьбе с кибератаками, больше не соответствует текущим вызовам в области безопасности. Вместо этого, новая стратегия выступает за сотрудничество публичного и частного секторов для создания надежной системы защиты киберпространства, подчеркивая ключевую роль участников рынка в усложнении и удорожании кибератак. Этот пересмотр стратегии не только выделяет надзорные функции государства, например, установление минимальных стандартов безопасности для критически важной инфраструктуры, но и акцентирует внимание на важности использования рыночных стимулов для создания устойчивой системы кибербезопасности. Стратегия дополнительно подчеркивает, что большинство инцидентов кибербезопасности можно предотвратить с помощью эффективных профилактических мер, поэтому кибербезопасность рассматривается как вопрос управления внутренними рисками компаний. Роль государства заключается в исследовании возможностей использования рыночных стимулов для поддержки этих мер предосторожности, а также в разработке защитных механизмов для ответа на серьезные киберриски, которые не могут быть устраниены через рынок. Как отмечает специалист по кибербезопасности Брюс Шнайер: "Безопасность никогда не бывает взломана, ее всегда обходят". Это высказывание не только подчеркивает продолжительность и сложность работы по кибербезопасности, но и акцентирует внимание на необходимости постоянного обновления защитных мер для адаптации к новым угрозам.

Библиография

1. The White House. A Framework for Global Electronic Commerce// The White House.1997//URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce> (дата обращения: 20.02.2024).

2. The White House. The National Strategy to Secure Cyberspace// The White House. February 2003//URL: www.us-cert.gov (дата обращения: 20.02.2024).
3. Корсаков Г. Б., Информационное оружие супердержавы // ИМЭМО РАН. 2012. №1 (42). (дата обращения: 20.02.2024).
4. Bleiberg, Joshua; West, Darrell M. Obama Argues for Technology Policy Reforms in State of the Union/ Joshua Bleiberg, Darrell M. West, 20.01.2015. URL: <https://www.brookings.edu/articles/obama-argues-for-technology-policy-reforms-in-state-of-the-union> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Baylon, Caroline. Expert view: Tracking the Sony hackers/ Caroline Baylon//The World Today, 6.02.2015//URL: <https://www.chathamhouse.org/2015/02/expert-view-tracking-sony-hackers> (дата обращения: 20.02.2024).
6. The White House. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative// Обама Белый дом: архивы//URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/cybersecurity/national-initiative> (дата обращения: 24.02.2024).
7. United States. White House Office. National Cyber Strategy of the United States of America/ United States. President (2017-2021 : Trump); United States. White House Office//Washington D.C. : United States. White House Office, 2018//URL: <https://www.whitehouse.gov/> (дата обращения: 24.02.2024).
8. The White House. FACT SHEET: President Signs Executive Order Charting New Course to Improve the Nation's Cybersecurity and Protect Federal Government Networks/ The White House, 12.05.2021//URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/12/fact-sheet-president-signs-executive-order-charting-new-course-to-improve-the-nations-cybersecurity-and-protect-federal-government-networks> (дата обращения: 06.03.2024).
9. The White House. National Cybersecurity Strategy/ The White House. – March 2023//URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).
10. Internet Security Alliance. ISA and Executive Order 13636 – Internet Security Alliance// Internet Security Alliance. – URL: <https://isalliance.org/isa-and-executive-order-13636> (дата обращения: 06.03.2024).
11. The White House. FACT SHEET: Biden-Harris Administration Announces National Cybersecurity Strategy// The White House – Briefing Room – Statements and Releases. – March 02, 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/02/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-national-cybersecurity-strategy> (дата обращения: 06.03.2024).
12. Янг, Шаланда Д. М-22-09 Меморандум для руководителей исполнительных департаментов и ведомств. Тема: Переход правительства США к принципам кибербезопасности с нулевым доверием [Текст] //Вашингтон, Округ Колумбия, 26 января 2022 г. – Перевод. ФГБУ «НИИ»Интеграл»».
13. The White House. National Cybersecurity Strategy, March 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/05/2024-Report-on-the-Cybersecurity-Posture-of-the-United-States.pdf>, свободный

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают национальная стратегия кибербезопасности США и ее глобальное влияние.

Методология исследования базируется на изучении программных документов в области кибербезопасности, а также реакции государственных органов власти на инциденты в сфере кибербезопасности в США за последние десятилетия.

Актуальность работы обусловлена возрастающей значимостью кибербезопасности для защиты национального информационного пространства, ее включением в архитектуру национальной безопасности США и влиянием на глобальные процессы.

Научная новизна работы, по мнению рецензента состоит в обобщении и систематизации опыта управления интернетом за последние тридцать лет в США, сформулированных результатах авторского анализа сложившейся американской модели управления кибербезопасностью.

Структурно в тексте публикации выделены следующие разделы: Новая стратегия кибербезопасности администрации Байдена, Переосмысление обязанностей и стимулов в рамках "Национальной стратегии кибербезопасности", Реализация модели нулевого доверия и её влияние на международную безопасность, Сотрудничество Китая и России в области кибербезопасности: стратегическое дополнение и международное влияние и Библиография.

В публикации рассмотрена эволюция подходов к кибербезопасности в США в новейшей истории – в периоды правления Клинтона (1993-2001 гг.), Барака Обамы (2009-2017 гг.), Трампа (2017-2021 гг.), Байдена (2021-настоящее время); показано, что традиционная модель управления кибербезопасностью, основанная на государственных усилиях по предотвращению и борьбе с кибератаками, больше не соответствует текущим вызовам в области безопасности; отмечено, что новая стратегия выступает за сотрудничество публичного и частного секторов для создания надежной системы защиты киберпространства, подчеркивая ключевую роль участников рынка в усложнении и удорожании кибератак; сказано о том, что кибербезопасность в современных условиях рассматривается как вопрос управления внутренними рисками компаний, а роль государства заключается в исследовании возможностей использования рыночных стимулов для поддержки этих мер предосторожности, а также в разработке защитных механизмов для ответа на серьезные киберриски, которые не могут быть устранены через рынок.

Библиографический список включает 13 источников – интернет-ресурсы, а также научные публикации зарубежных и российских авторов по рассматриваемой теме на английском и русском языках. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из резервов улучшения статьи следует отметить следующие. Во-первых, в тексте статьи не озаглавлены вводная и заключительная части. Во-вторых,

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания и ценные для практики итоги исследовательской работы, соответствует тематике журнала «Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Кочеров О.С. Перспективы применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72438
EDN: MMMSNG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72438

Перспективы применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния

Кочеров Олег Сергеевич

кандидат политических наук

доцент; факультет политологии ГАУГН

603064, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, Ленина, 70, кв. 40

✉ netherdead@yandex.ru



[Статья из рубрики "Политическая стабильность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72438

EDN:

MMMSNG

Дата направления статьи в редакцию:

22-11-2024

Дата публикации:

29-11-2024

Аннотация: Искусственный интеллект (ИИ) становится всё более важным фактором влияния как на динамику международных отношений, так и на трансформацию войны в XXI веке. Основные международные игроки активно исследуют возможности применения ИИ и смежных технологий как в конвенциональных областях, так и в новых, ранее слабо доступных, сферах (полярный вектор, глубоководное измерение и т.д.). Особый интерес представляет собой анализ политического измерения развития программы ИИ в Китае, видящем в "умных" технологиях важнейшее средство достижения проекта "международных отношений нового типа". В связи с этим предметом исследования настоящей статьи являются перспективы применения КНР ИИ в рамках китайско-американской политической войны в контексте китайской внешнеполитической

стратегии. На основе анализа нормативных документов, институциональной трансформации КНР в последние десятилетия, а также концептуальных оснований китайского внешнеполитического курса выявляется три наиболее перспективных измерения китайско-американского ИИ-противоборства: стратегический контроль над пространствами, создание баз двойного назначения и формирование выгодной КНР международной повестки. В рамках первого измерения КНР может использовать ИИ для реализации своих интересов в Индо-Пацифике в рамках концепции "сдерживания через обнаружение", а также через применение роевого интеллекта для блокады неприятеля. Второе измерение даёт КНР возможность не только получить доступ к природным ископаемым в Арктике и океанических впадинах, но и проецировать своё влияние в этих регионах и формировать нормы поведения в них. Наконец, в рамках третьего измерения КНР может применять ИИ для реализации своей "дискурсивной силы" при помощи различных методов: от создания мета-норм в сфере глобального управления ИИ до использования "умных" ботов для "диалоговой пропаганды" среди интернет-пользователей и даже использования потенциала сильного ИИ для генерации новых "конфуцианско-марксистских" политических концепций. В заключении статьи также даются рекомендации относительно потенциальных треков сотрудничества РФ и КНР по геополитическому измерению ИИ: подключение России к китайской программе военно-гражданской интеграции, обмен опытом в сфере дискурсивного противостояния США с применением "умных" технологий, а также сотрудничество по арктическому вопросу.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, политическая война, интеллектуальная война, американо-китайское противостояние, глобальное управление ИИ, сдерживание через обнаружение, стратегическая стабильность, дискурсивная сила, три войны, база двойного назначения

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0004 «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты»).

Проблема влияния искусственного интеллекта (ИИ) и смежных технологий (процедурная генерация, языковые модели, большие данные, облачное хранение и т.д.) на социально-политическую сферу в последнее десятилетие стала одним из наиболее актуальных вопросов. Особый интерес вызывают перспективы и риски, которые ИИ привносит в международные отношения – особенно в рамках их современной фундаментальной трансформации и обострившегося противостояния между основными акторами (прежде всего КНР, РФ и США). Конечно, любые попытки прогнозирования здесь осложняются тем, что, хотя в развитии ИИ заметен значительный прогресс, очевидно, что эта область во многом ещё находится в зачаточном состоянии, и её потенциал, вероятно, не до конца способны верно оценить даже сами передовые «умные» компьютеры (не говоря уже о политических экспертах). Тем не менее, влияние ИИ на международные отношения в самых различных сферах не вызывает сомнений и уже широко обсуждается в трудах как отечественных [\[11\]](#), так и западных [\[24\]](#), и китайских [\[20\]](#) экспертов.

Довольно много публикаций посвящено проблеме применения ИИ в военной сфере. Своебразной точкой отсчёта здесь можно считать 1991 г., когда операция «Буря в

пустыне» показала всю перспективность применения в боевых действиях информационно-коммуникативных технологий и передового высокотехнологичного вооружения. В дальнейшем «умное» оружие (высокоточные боеголовки, беспилотники и т.д.) применялось США во всех ближневосточных конфликтах, а в последние годы в рамках СВО использует его и РФ. Конечно, пока военное применение ИИ не особо соответствует сложившимся в научной фантастике жанровым клише о супер-ИИ и роботах-убийцах. Тем не менее, всё чаще в исследованиях фигурирует не слабый ИИ, а более сложные его типы, благодаря которым становится возможным не столько появления более высокоточных вооружений, сколько трансформация самой войны. К примеру, значительный интерес экспертов вызывает концепция «алгоритмической войны» (algorithmic warfare), в рамках которой необходима настолько высокая скорость принятия решений и реагирования на действия противника, что люди-комбатанты вынуждены полагаться в этом на ИИ [\[33\]](#). В ряде других концепций войны человек фактически вообще перестаёт быть её участником и лишь наблюдает за сражением машин со стороны [\[1\]](#).

Особый интерес исследователей вызывает КНР, в последний раз участвовавшая в войне 50 лет назад, но при этом крайне активно развивающая ИИ-технологии, в том числе и в военной сфере (по оценкам некоторых исследователей, анализирующих геополитику ИИ и лидерство в области высоких технологий, КНР пока отстаёт в этой сфере по ряду параметров лишь от США [\[26\]](#)). В работах отечественных исследователей применение КНР ИИ изучается в основном в контексте защиты «умных» китайских систем от внешних угроз [\[9\]](#), а также правового регулирования ИИ-сферы (в том числе и в международном измерении) [\[18\]](#), что объяснимо широкими возможностями для российско-китайского сотрудничества в этих вопросах. Рассмотрение вопросов военного применения ИИ в отечественных трудах встречается гораздо реже. Среди них следует выделить работы Е.А. Разумова [\[13\]](#) и Р.А. Кутняка [\[8\]](#). В то же время, на наш взгляд, несмотря на все достоинства этих работ, главный их недостаток заключается в том, что они практически не учитывают ни специфику современных войн (где гораздо более важное значение приобретает несиловая компонента, в связи с чем границы между войной и миром размываются), ни конкретные геополитические обстоятельства, в которых находится Китай. В англоязычных исследованиях вопросам применения КНР ИИ в «серой» сфере уделено гораздо больше внимания (см., например, [\[30, 25\]](#)), но при этом в большинстве случаев действия КНР рассматриваются как агрессия, а сами исследования зачастую содержат рекомендации для политического и военного руководства западных стран.

В своём подходе к рассматриваемой проблеме мы исходим из предпосылки о том, что прямое столкновение между КНР и США по многим причинам маловероятно (но отнюдь не неизбежно, в связи с чем справедливо мнение Г. Киссинджера и Г. Аллисона о необходимости ответственного американо-китайского диалога по ИИ-вопросам [\[32\]](#)). Поэтому гораздо большую значимость приобретает вопрос использования Пекином ИИ в «политической войне» [\[2\]](#) против США. Конечно, необходимо учитывать, что «война» эта (с конвенциональной точки зрения войной в принципе не являющаяся) во многом оборонительная: она вызвана дискурсивной и нормативной агрессией против Китая со стороны США, где многие представители истеблишмента рассматривают Пекин как важнейшего конкурента Вашингтона на мирополитической арене, а китайские ценности и нормы – как угрозу западным ценностям и модели либеральной демократии. В связи с этим КНР вынуждена искать способы для противостояния такой агрессии и вместе с тем недопущения того, чтобы «политическая» война перетекла в войну «кинетическую», т.е.

конвенциональную. В этом смысле и рост товарооборота между странами, и встречи высокопоставленных лиц с обеих сторон в формате «всеобъемлющего экономического диалога» (во многом замороженного при Трампе, но возобновлённого при Байдене, хоть и в иных формах), и попытки поиска общего знаменателя по широкому спектру международных проблем (от «корейского вопроса» до борьбы с терроризмом и экстремизмом), и неизменная риторика Си Цзиньпина о том, что США и КНР не являются противниками, а отношения между ними не должны диктоваться концепциями в духе «ловушки Фукидода», предсказывающими неизбежность их столкновения, – всё это также можно рассматривать в качестве китайских тактик «политической» войны, целью которых является не реализация коварных замыслов и скрытых амбиций Китая, а предотвращение эскалации. В любом случае, пока едва ли есть основания считать, что американская администрация, с одной стороны, изменит свою концептуализацию Пекина как важнейшего соперника, а, с другой стороны, вступит с Китаем в конвенциональное вооружённое противоборство, в связи с чем, на наш взгляд, «политическая» война будет определять динамику американо-китайских отношений в долгосрочной перспективе, а развитие конвенциональных военных возможностей будет прежде всего осмысляться в качестве важного фактора предотвращения агрессии противника.

Перед тем, как рассмотреть перспективы применения КНР ИИ в политической войне, целесообразно проанализировать, какое место ИИ занимает во внешнеполитической стратегии Пекина в контексте китайских взглядов на войну на современном этапе.

Роль ИИ во внешнеполитической стратегии КНР

Специфика китайской военной сферы заключается в том, что Народная освободительная армия Китая (НОАК) во многом подчиняется китайской Коммунистической партии^[3], в связи с чем военная стратегия также находится в зависимости от внешнеполитических целей КНР. Поскольку одной из важнейших задач современного Пекина является конструирование альтернативной системы международных отношений («международных отношений нового типа», *синьсин гоцзи гуаньси* 新型国际关系), базирующейся не на философии перманентной войны всех против всех западного политического реализма, а на уходящей корнями в китайскую интеллектуальную традицию идее гармоничного, мирного и равноправного сосуществования различных акторов, неудивительно, что краеугольным камнем китайской военной стратегии остаётся сформулированный ещё Мао Цзэдуном принцип «активной обороны» (цицизи фанъюй 积极防御). В рамках этой концепции КНР выражает свою приверженность принципу ненападения первой, но вместе с тем и предупреждает о гарантированности массированного возмездия. В связи с тем, что условиях повсеместной информатизации и высокотехнологичности войны могут начинаться и разворачиваться крайне стремительно, НОАК уделяет значительное внимание разведке и предупреждению неприятельской агрессии, а также развитию своих возможностей в сфере информационно-коммуникативных технологий. На доктринальном уровне это отразилось в идентификации в качестве основных конфликтов, в которых в будущем может быть вовлечена КНР, «войн в условиях информатизации». Тем не менее, в связи с развитием в последнее десятилетие технологии ИИ в китайском дискурсе всё чаще встречается другой термин – «интеллектуальные войны» (чжинэнхуа чжаньчжэн 智能化战争).

Интерес к стратегическим возможностям ИИ, а также необходимость обеспечения безопасности КНР в этой сфере отражены в ряде китайских нормативных документов. Так, в 2017 г. китайское правительство опубликовало «План развития искусственного интеллекта нового поколения», в котором заявлялось: «Искусственный интеллект

оказался в самом центре международного соперничества. Это стратегическая технология, которая определит будущее, и все основные развитые страны рассматривают разработку ИИ как важную стратегию повышения своей международной конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности... В настоящее время Китай находится в весьма непростой ситуации в плане безопасности и международного соперничества, и в глобальной перспективе необходимо рассматривать развитие ИИ на стратегическом уровне...» [\[16\]](#). Согласно Плану, к 2025 г. ИИ должен систематически использоваться в самых различных сферах жизнедеятельности общества (в том числе и в национальной обороне) и стать двигателем развития китайской промышленности и драйвером экономической трансформации. Кроме того, к этому времени также должны быть разработаны основные регулирующие ИИ-сферу законы и этические нормы. К 2030 г. КНР же должна стать главным мировым центром инноваций в ИИ-сфере и достичь прорыва во всех связанных с ИИ технологиях, которые должны привести к глубокой трансформации всех сфер жизнедеятельности общества.

Важная роль ИИ отмечается и в официальных документах КНР в военной сфере. Так, в белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху» от 2019 г. (последней на текущий момент) заявляется, что «война стремительно эволюционирует в информатизированную войну, и уже начинают проявляться очертания интеллектуальной войны» [\[15\]](#).

В 2020 г. интегрированное развитие «механизации, информатизации и интеллектуализации» НОАК были концептуализированы китайским руководством как одна из «Целей столетней борьбы в сфере военного строительства» (цзяньцзюнь байнянь фэньдуо мубяо 建军百年奋斗目标) – программы модернизации китайской армии к столетию её основания (2027 г.) [\[22\]](#). В 2021 г. «Цели» были включены в «План социально-экономического развития КНР на 14 пятилетку». Как отмечает В. Кашин, приоритезация «интеллектуального» компонента ярко видна и в докладе Си Цзиньпина XX съезду КПК (2022 г.) [\[6\]](#).

Интеллектуализация всё чаще встречается и в литературе НОАК. Так, в 2017 г. в переиздании фундаментальной работы «Наука стратегии» конфлиktу в сфере «интеллектуального измерения» была посвящена отдельная глава. В переиздании 2020 г. в ней сделаны следующие выводы:

- Война постепенно эволюционирует в «интеллектуальную войну». Беспилотные аппараты стали важной частью вооружённых сил, и их удельный вес на поля боя будет лишь повышаться, в связи с чем необходимо адаптировать традиционные военные стратегии и тактики и организационную структуру армии к войнам в условиях «интеллектуализации».
- В связи со стратегической важностью разработок в сфере военного ИИ некоторые акторы (прежде всего США) пытаются различными методами замедлить прогресс своих конкурентов в этой сфере. Вашингтон концептуализировал свою борьбу в этой сфере в формате «третьей стратегии компенсации» (third offset strategy) [\[4\]](#).
- «Интеллектуализация» военной сферы даёт странам, отстающим по мощи конвенциональной армии от своих соперников, редкую возможность совершить скачок в развитии и существенно повысить свою конкурентоспособность. Для того, чтобы воспользоваться этим шансом, КНР нужно разработать стратегию и план развития ИИ, а также приоритезировать связанные с ИИ исследования [\[39, с. 174-181\]](#).

Наконец, КНР играет активную роль и в международном нормотворчестве в области

военного применения ИИ. Так, в 2021 г. КНР представила в ООН меморандум «О регулировании военного применения ИИ», в которой призывала мировое сообщество к добросовестному и ответственному использованию ИИ в этой сфере, а при разработке и боевом применении «умного» оружия неукоснительно соблюдать национальные и региональные этические нормы и международное гуманитарное право. Кроме того, в этом документе Пекин отметил необходимость разработки международных норм по регулированию ИИ на основе принципов многосторонности, открытости и инклюзивности, в формате непрерывного диалога между странами с привлечением экспертов в области ИИ [\[37\]](#).

В 2023 г. на полях третьего форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» китайская концепция глобального ИИ-нормотворчества кристаллизовалась в виде инициативы «глобального управления искусственным интеллектом» (циаңьцю жэньгүн чжинэн чжили чанъи 全球人工智能治理倡议). В своей приветственной речи Си Цзиньпин отметил необходимость обмена информацией в области ИИ-разработок и важность «человекоориентированности» при развитии любых высоких технологий. Китайский лидер также заявил о недопустимости использования ИИ для вмешательства в дела третьих стран (например, влияние на результаты выборов через массовое создание фейков и манипулирование с их помощью общественным мнением) или в частную жизнь, а также о важности обеспечения доступа к ИИ-технологиям, дискуссиям о нормах в этой сфере и её глобальном управлении развивающимся странам [\[41\]](#). В 2024 г. эти принципы были несколько более детализированы в Шанхайской декларации о глобальном управлении ИИ [\[40\]](#).

Конечно, интерес Пекина к информатизации и интеллектуализации проявляется не только на нормативном, но и на институциональном уровне. Подробный анализ основных китайских институций, мозговых центров и центров разработки ИИ-технологии представлен в обстоятельной работе Эльзы Кания [\[30\]](#), эксперта в области китайских «умных» разработок. В настоящей же работе достаточно отметить, что в ходе китайской военной реформы 2015 г. был создан новый вид войск – Силы стратегического обеспечения, в чью компетенцию вошли вопросы кибервойны и информационной войны. Кроме того, в период лидерства Си Цзиньпина в Китае важную роль начала играть программа гражданско-военной интеграции (цзюньминь жунхэ 军民融合), в рамках которой гражданский сектор сотрудничает с военным по стратегически важным направлениям [\[5\]](#).

Таким образом, ИИ начинает играть всю большую роль в китайском политическом дискурсе и рассматривается в качестве важнейшей в стратегическом плане технологии. ИИ, с точки зрения КНР, является незаменимым компонентом как в рамках модернизации НОАК, так и в процессе формирования безопасной для Пекина внешнеполитической среды. При этом, учитывая акцент КНР на «активной обороне», принципе ненападения и сдерживании потенциального неприятеля, «политическая» война становится важнейшим измерением современной китайской стратегии. На наш взгляд, применение Китаем ИИ в рамках «политической» войны с США в ближайшие годы будет наиболее перспективно в трёх областях: стратегическом контроле над пространствами и ограничении доступа к ним соперника, поиске новых месторождений критически важных ресурсов и формировании выгодной КНР международной повестки.

Стратегический контроль и ограничение доступа

Одним из наиболее перспективных направлений применения ИИ в условиях глобального

геополитического противостояния держав становится их контроль над пространствами и недопущение в эти пространства неприятеля. Зачастую для обозначения комплекса таких мероприятий применяется термин «A2AD» (anti-access and area denial), возникший в западном дискурсе, но активно применяющийся и китайскими военными теоретиками и политологами.

Смежной концепцией, также вызывающей интерес у китайских исследователей, является идея «сдерживания через обнаружение» (deterrence by detection), разработанная экспертами washingtonского Центра стратегических и бюджетных оценок. Согласно этой концепции, «неприятель с меньшей вероятностью прибегнет к оппортунистским актам агрессии, если знает, что находится под постоянным наблюдением, и что о его действиях могут быстро узнать» [\[34, с. iii\]](#).

В контексте американо-китайского геополитического противоборства особую важность приобретает «сдерживание через обнаружение» и ограничение доступа в Индо-Пацифике. В первую очередь речь здесь идёт об акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, где КНР имеет споры с большинством стран Восточной и Юго-Восточной Азии относительно территориальной принадлежности ряда островов, а также границ эксклюзивных экономических зон. Хотя на современном этапе эти споры не перетекают в вооружённые конфликты, в акваториях нередко возникают стычки из-за того, что стороны пытаются усилить своё присутствие на спорных территориях через ползучее проникновение. Хрестоматийным примером здесь служит китайская «великая песчаная стена» (ша чанчэн 沙長城), проект Пекина по созданию насыпей на рифах в Южно-Китайском море для расширения своего военного присутствия на них. В последние годы эту стратегию начали применять и другие участники споров в Южно-Китайском море (прежде всего Вьетнам [\[42\]](#)).

Кроме того, в связи с тем, что в Южно-Китайского моря обнаружено несколько крупных нефтегазовых месторождений, важным фактором противоборства в регионе становится подводное противостояние. Как отмечает в своём ежегодном докладе Международный институт стратегических исследований [\[43, с. 7\]](#), одним из последствий российско-украинского конфликта в военной сфере стал растущий интерес мировых армий (в том числе и вооружённых сил Китая и стран Юго-Восточной Азии) к подводным беспилотникам.

Неудивительно, что в таких условиях крайне важным становится создание системы слежения за действиями конкурентов, а также оперативное реагирование на угрозы. И здесь ведущую роль может сыграть ИИ, который уже используется Пекином для создания «великой подводной стены» (шуйся чанчэн 水下长城) – комплекса гидроакустических систем и датчиков, предназначенных как для поиска полезных ископаемых, так и для контроля над акваторией и ограничения в доступе к ней неприятельских судов.

Другим важным потенциальным применением ИИ в сдерживании противников в акватории может стать использование технологии «роевого интеллекта», которая позволяет группам беспилотников синхронно выполнять одну цель. Одна из наиболее распространённых тактик, к которой прибегает Пекин в Южно-Китайском море – «тактика капусты» (цзюаньсиньцай чжаньшу 卷心菜战术). Суть её заключается в том, что суда или наземные объекты неприятеля окружаются несколькими кольцами китайских кораблей (тактика может применяться и в обратную сторону, для защиты китайских объектов от блокады). Использование роя беспилотников в рамках этой тактики может существенно повысить стратегические возможности КНР в акватории и снизить риски для китайского

военного персонала.

Особую значимость для КНР проект стратегического контроля в Южно-Китайском море приобретает в связи с тем, что у США и её азиатских союзников есть своя радиолокационная система, направленная на сдерживание КНР: подводная укреплённая линия «рыболовного крючка» (Fish Hook Undersea Defense Line), идущая от Южной Кореи и Японии к Тайваню, Филиппинам, Индонезии и индийским Андаманским островам (рис. 1). Конечно, эта система сама по себе не сможет предотвратить выход КНР в тихоокеанское пространство, но она предоставляет соперникам Китая в регионе контроль над информацией вдоль важнейшей для Китая торговой артерии – Морского Шёлкового пути. Более того, в Индийском океане Китай может попасться уже на один из двух индийских «рыболовных крючков», под которыми понимается сеть баз Индии и её партнёров в западной и восточной частях океана.



Рис. 1. «Рыболовный крючок» США (источник: <https://apjjf.org/hamish-mcdonald/4309>)

Ещё одним перспективным направлением применения ИИ в сфере сдерживания является контроль над границей между КНР и Индией, одним из партнёров США в противостоянии с Китаем.. Специфика конфликтов здесь состоит в том, что граница проходит в труднодоступных для конвенциональной армии горных регионах. В связи с этим неудивительно, что одним из практических результатов индийской военной программы ИИ стало размещение вдоль индийских границ с Пакистаном и Китаем 140 умных систем наблюдения [35], что в ближайшем будущем должно вызвать симметричный ответ со стороны КНР. Интерес Индии к военному использованию ИИ во многом вызван соперничеством между Дели и Пекином и нежеланием первой отставать от последнего в сфере оборонительных возможностей. Как отмечают индийские эксперты, хотя Индия в целом эффективно реагирует на попытки Китая осуществить ползучее проникновение на спорные территории, в последние годы наблюдается и иная тенденция, когда КНР удаётся закрепиться на новых рубежах (в том числе благодаря более развитой разведке), а Индия вынуждена мириться с новой границей [41].

Тем не менее, как отмечает пакистанская исследовательница С. Мансур, действия Индии приводят к нарушению стратегической стабильности в Южной Азии, поскольку другой

соперник Индии в регионе, Пакистан, пока не обладает столь же развитыми ИИ-технологиями и вынужден обращаться к КНР для помощи в их разработке [\[35\]](#). Индия же в свою очередь делает акцент на развитии собственных возможностей в сфере военного применения ИИ, но при этом также активно сотрудничает по этому треку и с «врагом своего врага» – США. Так, Индия и США запустили программу финансирования совместных стартапов в области квантового компьютеринга и ИИ. Кроме того, Вашингтон стремится включить Нью-Дели в свой альянс «Chip 4» – сеть, в которую входят крупные производители полупроводников (важнейшего для развития ИИ-технологии компонента), большинство из которых являются также геополитическими соперниками США [\[36\]](#). Таким образом, динамика американо-китайского конфликта осложняется и индийско-пакистанским противостоянием, и гонки вооружений (в том числе в сфере «умных» технологий) в обеих парах будут в ближайшем будущем неизменно влиять друг на друга и обуславливать необходимость стратегического сдерживания.

Базы «двойного назначения»

Второе, тесно связанное с первым, перспективное направление использования ИИ в политическом противоборстве КНР против США – создание «умных» баз «двойного назначения». Такие базы могли бы, с одной стороны, поспособствовать развитию китайской науки (в частности, обеспечить автоматизированный сбор биологических, геологических и иных данных), а, с другой стороны, поспособствовать поиску новых залежей энергетических ресурсов и критически важных минералов, а также потенциально обеспечить проецирование китайского влияния в самых разных точках земного шара.

Как и в рамках первого направления, особенно перспективно создание таких баз в регионах, где человеческая деятельность затруднительна или невозможна из-за окружающих условий. Одним из таких регионов является морское и океаническое дно (в том числе ультраабиссаль), которые с развитием технологий становятся одним из новых фронтов геополитики [\[29\]](#). В частности, в 2018 г. началось проектирование строительства глубоководной китайской «беспилотной» базы [\[27\]](#). Кроме того, КНР уже активно использует беспилотники для сбора информации об определённых глубоководных (до 10 км вглубь) участках в Индо-Пацифики и анализирует данные при помощи ИИ [\[28\]](#).

Другим регионом является Арктика, становящаяся одной из важнейших арен соперничества основных международных акторов. Хотя Арктика интересует КНР прежде всего в плане залежей ресурсов, Пекин реализует свою арктическую стратегию в духе холистического подхода: «одновременно определять дискурс и юридические нормы, связанные с Арктикой (политический аспект), реализовывать свои экономические интересы (экономический аспект), способствовать военно-гражданской интеграции и техническому прогрессу (научный аспект) и подготавливаться к военному присутствию в Арктике (военный аспект)» [\[38, с. 239\]](#). При этом китайские эксперты видят широкие перспективы для применения ИИ в китайском арктическом проекте. Так, Дун Юэ и Шэн Цзяньцин предлагают разработать план использования ИИ для устойчивого развития Арктики, применять ИИ для более эффективного глобального управления в регионе (в том числе и через трансформацию существующих механизмов управления в рамках Арктического совета), а также заявляют о необходимости укрепления регионального мультилатерализма и совершенствования механизмов диалога и обмена информацией для предотвращения арктической гонки вооружений (в том числе ИИ-вооружений) [\[3\]](#). При этом пока нет оснований считать, что в условиях современной международной

напряжённости КНР, США и остальные арктические игроки смогут достичь договорённостей относительно мирного исследования Арктики, в связи с чем военная компонента остаётся необходимым измерением полярной стратегии Пекина. Китай уже довольно прочно обосновался в регионе: в 2024 г. он открыл уже пятую арктическую базу и активно использует для освоения региона дроны [\[30, с. 19\]](#).

Дискурсивное противоборство

Третьим важным измерением, гораздо в меньшей степени воплощённым в формате «физической» геополитики, но вместе с тем оказывающим огромное влияние на её динамику, становится использовании ИИ в рамках китайско-американского дискурсивного противоборства.

Проблема для КНР в этой сфере заключается в том, что США во многом задают глобальную политическую повестку и пытаются сформулировать определённую глобальную точку зрения на чувствительные для Пекина вопросы (от «обязанности защищать» и гуманитарной интервенции до торговых норм и правил глобального регулирования киберпространством). КНР не может позволить себе не участвовать в формировании глобального дискурса и его конкретных нормативных и институциональных манифестациях, поскольку в таком случае китайские интересы просто не будут учтены иными акторами. В связи с этим в современной китайской внешнеполитической стратегии произошла определённая смена акцентов: от мягкой силы КНР пришла к идее реализации «дискурсивной силы» (хуаюй цюань 话语权) [\[2\]](#). Для описания различных её аспектов используется множество различных терминов: от идеи «хорошо рассказывать китайскую историю» (цзян хао Чжунго гуши 讲好中国故事) до «Инициативы глобального развития» (цианьцю фачжань чанъи 全球发展倡议) [\[12\]](#). В самом общем виде под этой концепцией, регулярно фигурирующей в выступлениях официальных лиц [\[6\]](#), понимается возможность державы влиять на глобальный дискурс (в том числе и через формирование международных норм и институций) и реализовывать с его помощью свои интересы. Хрестоматийным примером тут является противодействие КНР западным обвинениям в её адрес в нарушении прав уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Ответом Пекина стало прояснение своей позиции относительно борьбы с сепаратизмом и радикализмом, повышение прозрачности правительственные практик в регионе, а также приглашение представителей незападных стран на инспекции в СУАР. Результатом дискурсивных усилий КНР стало то, что многие представители «Глобального Юга» поддержали китайское правительство по этому вопросу.

В сфере «политической войны» дискурсивная сила концептуализируется Китаем в формате «трёх войн» – идеологемы, впервые возникшей в китайском внешнеполитическом нарративе в 2003 г. в документе «Правила политической работы НОАК» [\[18\]](#). К трём войнам относятся три разновидности политики-военных операций: борьба за общественное мнение (юйлуунь чжань 奥论战), юридическая война (фалу чжань 法律战) и психологическая война (синыли чжань 心理战). Под первой понимается создание отвечающей интересам КНР международной повестки (прежде всего при помощи СМИ), под второй – обращение как к национальному, так и международному законодательству для противодействия противнику, а под последней – психологическое воздействие на неприятеля в самых различных его проявлениях. Все эти войны, с точки зрения китайских теоретиков, являются важной частью концепции «активной обороны», поскольку позволяют реализовывать сдерживание неприятеля, а также формировать выгодную Пекину внешнеполитическую среду. Такая точка зрения выражается, в

частности, в уже упоминавшейся ранее «Науке стратегии» [\[39, с. 240-244\]](#).

Можно говорить о разных соотношениях дискурсивной силы и ИИ. Во-первых, для Пекина крайне важно реализовать свою дискурсивную силу для определения норм глобального управления ИИ (в данном контексте их можно назвать «мета-нормами»). По мнению ряда китайских исследователей, КНР не должна бояться использовать дискурсивную силу для продвижения упоминавшейся ранее инициативы «глобального управления искусственным интеллектом», которая, с их точки зрения, во многом выражает интересы прежде всего развивающихся стран [\[10\]](#).

Во-вторых, Пекин может прибегнуть к разнообразным ИИ-инструментам для реализации дискурсивной силы: от анализа контента и распознавания фэйков [\[7\]](#) до создания «умных» ботов, которые смогут не просто выражать заданную позицию, а эффективно переубеждать интернет-пользователей в формате «диалоговой пропаганды» [\[1, с. 26\]](#). В связи с тем, что китайское правительство сейчас активно вкладывается в развитие инициативы «Цифрового Шёлкового пути», возможности Пекина в этой сфере весьма широки. Другим весьма интересным направлением является развитие с помощью ИИ уже существующих китайских политических концепций и разработка новых. При этом важно понимать, что эффективность ИИ в этой сфере напрямую зависит от его силы, а её верное применение – от ценностей, которым такой сильный вариант ИИ будет следовать. В связи с этим важным вопросом становится разработка не просто ИИ, но «конфуцианско-марксистского» ИИ. Китайские исследователи уже активно обсуждают, какие традиционные китайские этические нормы можно использовать для формирования нравственности ИИ. Так, Фан Сюйдун предлагает заложить в качестве одной из ценностей ИИ конфуцианскую максиму «посредством человеческого выправлять человека, и, лишь исправив, остановиться» (и жэнь чжи жэнь, гай эр чжи 以人治人, 改而止), сформулированную в 13 чжане классического конфуцианского трактата «Чжун юн» («Следование середине») [\[16\]](#). По мнению Фана, следует закладывать в ИИ не такие этические принципы, которые обуславливают полное повиновение ИИ человеку, а ценности в русле эвристического подхода, при котором ИИ пытается рассматривать проблемы с точки зрения наилучшего для «человеческой ситуации» решения [\[13\]](#).

Безусловно, с развитием ИИ нынешние форматы «политической войны» значительно трансформируются, а у сторон появится множество новых методов контестации стратегического равновесия. В настоящей работе были представлены далеко не все потенциальные форматы противоборства КНР и США в этой области, и в целом её можно считать лишь приглашением к более детальному обсуждению этих вопросов в российских академических и экспертных кругах.

Если Россия, за последние десятилетия, к сожалению, во многом растерявшая свой политический капитал в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стремится закрепиться здесь в качестве важного игрока, обращение к ИИ-технологиям для повышения геополитического влияния является необходимостью. Одним из потенциальных треков взаимодействия между КНР и Россией в этой сфере может стать подключение Москвы к китайской программе военно-гражданской интеграции в том или ином формате. Своеобразным козырем РФ здесь является опыт непосредственного боевого применения «умного» оружия. Другим перспективным направлением российско-китайского взаимодействия может стать координация действий в рамках дискурсивного противоборства с США (в котором Пекин и Москва исходят во многом с одними и тех же

позиций) и обмен опытом использования ИИ-технологий для политической борьбы, а также для обсуждения широкого спектра этических вопросов в сфере применения ИИ и регулирования норм глобального управления в этой сфере. Наконец, третье перспективное направление – согласование позиций по арктическому вопросу, особенно важное в связи с активизацией в последние годы Северного морского пути. ИИ здесь может применяться как для противодействия усилению западного присутствия в регионе, так и для повышения эффективности российско-китайского экономического и инфраструктурного сотрудничества. Вместе с тем, безусловно, России не стоит развивать сотрудничество в сфере ИИ с одним лишь Китаем, но следует диверсифицировать свою внешнеполитическую повестку.

[\[11\]](#) В определённом смысле такая война во многом соответствовала бы древнекитайскому идеалу военных действий, предполагающему бескровность, приоритезацию политических средств разрешения конфликта и непрямые пути достижения стратегических целей. Так, известный китайский философ XX в. Фэн Юлань, описывая отношение к войне древнекитайской философской школы моистов, характеризует его следующими образом: «[моистская философия войны] дает хороший урок всем нам, как улаживать споры между двумя странами. Сражаться на поле боя нет необходимости. Достаточно ученым и инженерам с обеих сторон продемонстрировать лабораторное атакующее и оборонительное оружие, и исход войны будет решен без сражения!» [\[14, с. 72\]](#)

[\[2\]](#) Классическое определение этому термину дал Дж. Кеннан, согласно которому политическая война – это применение доктрины Клаузевица в мирное время (т.е. если война – это политика другими средствами, то и политика – это война при помощи других средств). В самом широком смысле это применение всех имеющихся в распоряжении у государства средств, за исключением войны, для реализации своих внешнеполитических целей [\[31\]](#). Политическая война может реализовываться как в публичных действиях государства (от разных форм дипломатии до «белой» пропаганды и использования финансово-экономических рычагов), так и в тайных операциях (лоббирование своих интересов, финансирование своих агентов за рубежом и т.д.).

[\[3\]](#) Контроль партии над армией усилился в 2015 г. в результате инициированной Си Цзиньпином военной реформы.

[\[4\]](#) «Первая стратегия компенсации» применялась Вашингтоном в 1950-е гг. и подразумевала, с одной стороны, ядерное сдерживание, с другой – попытки предотвратить или замедлить разработку ядерного оружия в недружественных странах. «Вторая стратегия» относится к 1970-м гг.; в её рамках США сделали ставку на развитие высокотехнологичного оружия и информатизации войны в противовес численному преимуществу конвенциональных сил противника. «Третья стратегия» возникла во второй половине 2010-х гг. прежде всего для противодействия росту военного могущества КНР (в частности, в Южно-Китайском море). Подробнее о «третьей стратегии» и китайском ответе на неё см. [\[7\]](#).

[\[5\]](#) Подробнее о сути этого феномена см. [\[5\]](#).

[\[6\]](#) В контексте настоящей работы крайне любопытно заявление Си Цзиньпина о том, что «соревнование великих держав в сфере Интернет-безопасности не сводится к технологическому соревнованию: это ещё и идейное соревнование, соревнование в дискурсивной силе» [\[14\]](#).

[7] Ещё одной потенциальной тактикой в этой сфере может стать генерация самим Китаем крайне реалистичных фэйков для дискурсивного «ослабления» США. Такая практика порождает множество этических вопросов, а её оценка китайскими учёными и официальными лицами, безусловно, требует отдельного исследования. Ограничимся здесь двумя соображениями. С одной стороны, создание фэйков, безусловно, вступает в противоречие с декларируемыми КНР ценностями в сфере глобального управления ИИ и Интернет-пространством. С другой стороны, если фэйки могут стать мощным инструментом не только для противодействия дискурсивной агрессии со стороны США, но и для предотвращения конвенционального глобального конфликта, стоит ли игнорировать такую технологию?

Библиография

1. Воронова О.Е., Трушин А.С. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы. М.: Аспект Пресс, 2021.
2. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022.
3. Дун Юэ, Шэн Цзяньнин. Жэngун чжинэн фачжань дуй бэйцзи аньцюань тайши дэ инсян хэ Чжунго цаньюй [Влияние развития искусственного интеллекта на арктическую безопасность и присутствие Китая в регионе] // Чжунго хайян дасюэ сюэбао шэхуэй кэсюэ баш [Вестник Океанического университета Китая: общественные науки]. 2024. № 1. С. 14-26. <https://doi.org/10.16497/j.cnki.1672-335X.202401002>
4. Инициатива глобального управления искусственным интеллектом // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html(дата обращения: 10.11.2024)
5. Каменнов П.Б. Военно-гражданская интеграция в КНР на современном этапе: достижения и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2022. №. 5. С. 119-131. <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
6. Кашин В.Б. ХХ съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны // Журнал «Российское китаеведение. 2023. №. 1. С. 35-45. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.79.99.002>
7. Кашин В.Б. КНР и «Третья стратегия компенсации» Министерства обороны США // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. №. 3. С. 52-71.
8. Кутняк Р.А. Как развитие профессионального мастерства в области искусственного интеллекта и новых технологий влияют на вооружённые силы: на примере армии Китая // Информационные технологии и информационная безопасность в профессиональной деятельности. Новосибирск, 2022. С. 55-58.
9. Лексютина Я.В. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: риски для информационно-психологической безопасности Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. №26. С. 256-273. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-256-273>
10. Ло Вэйхуа. Тишэн жэньгун чжинэн аньцюань чжили дэ Чжунго хуаюй цюань [Развивать китайскую дискурсивную силу в сфере управления безопасностью искусственного интеллекта] // Жэньминь жибао: теория. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0408/c40531-40211326.html> (дата обращения: 10.11.2024)
11. Пашенцев Е.Н. Искусственный интеллект и geopolитика: доклад. М.: ДА МИД России, 2024.
12. Песцов С.К. Состязание в дискурсивной силе: глобальная инициатива развития

- Китая // Россия и АТР. 2024. №. 3. С. 62-83. <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2024-3-62-83>
13. Разумов Е.А. Анализ политики КПК по внедрению искусственного интеллекта в военные операции НОАК // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 42. С. 98-110. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-98-110>
14. Си Цзиньпин: мэй ю ванло аньцюань цю мэй ю гоцзя аньцюань [Си Цзиньпин: без безопасности в Интернете нет и национальной безопасности] // Сайт Государственной канцелярии Интернет-информации КНР. URL: https://www.cac.gov.cn/2018-12/27/c_1123907720.htm (дата обращения: 28.11.2024)
15. Синь шидай дэ Чжунго гофан [Национальная оборона Китая в новую эпоху] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 13.11.2024)
16. Синьидай жэньгун чжинэн фачжань гуйхуа дэ тунчжи [Сообщение о плане развития искусственного интеллекта нового поколения] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 10.11.2024)
17. Фан Сюйдун. Жуцзя дуй жэньгун чжинэн луньли дэ и гэ кэнэн гунсянь: цзинью Босытэлому эр сы [Возможный вклад конфуцианства в этику искусственного интеллекта: ответ Н. Бострому] // Чжунго исюэ луньлисюэ [Китайская медицинская этика]. 2020. № 7. С. 778-788. <https://doi.org/10.12026/j.issn.1001-8565.2020.07.01>
18. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. №1. С. 46-73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>
19. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. на рус. Р.В. Котенко. СПб: Евразия, 1999.
20. Хуан Жихань, Яо Хаолун. Бэй чунсу дэ шицзе? ChatGPT цзюэци ся жэньгун чжинэн юй гоцзя аньцюань синь тэчжэн [Трансформирующийся мир? Новые особенности искусственного интеллекта и национальной безопасности в условиях развития ChatGPT] // Гоцзи аньцюань янъцю [Исследования международной безопасности]. 2023. №. 4. С. 82-106.
21. «Чжун юн» («Следование середине») / пер. с кит. А.Е. Лукьянова // Конфуциансское «Четверокнижие» («Сышу») / под ред. Л.С. Переломова. М.: Вост. лит., 2004. С. 123-148.
22. Чжунго гунчаньдан ди шицю цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди у цы цюаньти хуэйи гунбао [Коммюнике пятого пленарного заседания ЦК КПК 19-го созыва] // Сайт коммунистической партии Китая. URL: <https://www.12371.cn/2020/10/29/ART1603964233795881.shtml> (дата обращения: 13.11.2024)
23. Чжунго жэньминь цефандзюнь чжэнчжи гунцзо тяоли [Правила политической работы НОАК] // Сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/test/2005-06/28/content_10543.htm (дата обращения: 11.11.2024)
24. Baele S.J. et al. AI IR: Charting International Relations in the Age of Artificial Intelligence // International Studies Review. 2024. Т. 26. №. 2. <https://doi.org/10.1093/isr/viae013>
25. Bommakanti K. AI in the Chinese Military: Current initiatives and the implications for India. Observer Research Foundation, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20230712112837.pdf> (дата обращения: 28.11.2024)
26. Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R.S. Charting the Emerging Geography of AI // Harvard Business Review, December 12, 2023. URL: <https://hbr.org/2023/12/charting-the-emerging-geography-of-ai> (дата обращения: 10.11.2024)

27. Chen S. Beijing plans an AI Atlantis for the South China Sea – without a human in sight // South China Morning Post, November 26, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2174738/beijing-plans-ai-atlantis-south-china-sea-without-human-sight> (дата обращения: 28.11.2024)
28. Fan Anqi. China accelerates big data, AI application in ocean industry, anticipating revolutionary changes // Global Times, September 26, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202409/1320435.shtml> (дата обращения: 12.11.2024)
29. Hannigan J. The Geopolitics of Deep Oceans. Hoboken: John Wiley & Sons, 2016.
30. Kania E.B. Chinese military innovation in artificial intelligence. Washington: Center for a New American Security, 2019.
31. Kennan G.F. Policy Planning Staff Memorandum // Foreign Relations of the United States, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment / ed. by C.T. Thorne, Jr., D.S. Patterson. Washington: United States Government Printing Office, 1996. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269> (дата обращения: 10.11.2024)
32. Kissinger H., Allison G. The Path to AI Arms Control: America and China Must Work Together to Avert Catastrophe // Foreign Affairs, October 13, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/henry-kissinger-path-artificial-intelligence-arms-control> (дата обращения: 08.11.2024)
33. Layton P. Algorithmic warfare: Applying artificial intelligence to warfighting. Canberra: Air Power Development Centre, 2018.
34. Mahnken T.G., Sharp T., Kim G.B. Deterrence by Detection: a key role for unmanned aircraft systems in great power competition. Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2020. URL: [https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA8209_\(Deterrence_by_Detection_Report\)_FINAL.pdf](https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA8209_(Deterrence_by_Detection_Report)_FINAL.pdf) (дата обращения: 12.11.2024)
35. Mansoor S. India's AI Militarization: Security Repercussions for Pakistan // Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/Analytics-and-Comments/columns/military-and-security/india-s-ai-militarization-security-repercussions-for-pakistan/> (дата обращения: 12.11.2024)
36. New Partnership with India to Explore Semiconductor Supply Chain Opportunities // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/new-partnership-with-india-to-explore-semiconductor-supply-chain-opportunities/> (дата обращения: 12.11.2024)
37. Position Paper of the People's Republic of China on Regulating Military Applications of Artificial Intelligence (AI) // Сайт постоянного представительства КНР при ООН. URL: https://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202112/t20211213_10467517.htm (дата обращения: 13.11.2024)
38. Puranen M., Kopra S. China's Arctic Strategy: A Comprehensive Approach in Times of Great Power Rivalry // Scandinavian Journal of Military Studies. 2023. Т. 6. №. 1. С. 239-253. <https://doi.org/10.31374/sjms.196>
39. Science of Military Strategy / ed. by Xiao Tianliang // China Aerospace Studies Institute. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Translations/2022-01-26%202020%20Science%20of%20Military%20Strategy.pdf> (дата обращения: 13.11.2024)
40. Shanghai Declaration on Global AI Governance // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zxw/202407/t20240704_11448351.html (дата обращения: 10.11.2024)
41. Sridhar S. India's Key to Keeping the Status Quo on Its Border With China // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2023/03/indias-key-to-keeping-the-status-quo-on-its-border-with-china/> (дата обращения: 10.11.2024)
42. Tan R., Karklis L. Vietnam accelerates island building to challenge China's maritime

claims // The Washington Post, August 9, 2024. URL:

<https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2024/vietnam-south-china-sea-islands-growth/> (дата обращения: 10.11.2024)

43. The Military Balance 2024 / ed. by R. Wall. London: Routledge, 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, направленная для публикации в журнале «Мировая политика», затрагивает ключевые аспекты применения искусственного интеллекта (ИИ) в контексте американо-китайского геополитического противостояния. Технологии ИИ, основанные на инструментах машинного обучения, все больше проникают как в управленческие процессы, так и в различные отрасли экономики, что делает актуальным проблему исследования влияния данных технологий на развитие динамики международных отношений. Автор детально анализирует роль ИИ в военной и политической стратегии Китая, подчеркивая его значение в формировании новой международной повестки. Однако, несмотря на очевидные достоинства работы, в ней можно выделить несколько аспектов, требующих критического рассмотрения.

Статья имеет четкую структуру, однако переходы между разделами иногда выглядят резкими. Например, автор переходит от обсуждения военных аспектов применения ИИ к стратегическому контролю и ограничению доступа без достаточного переходного контекста. Это может затруднить восприятие читателем логической связи между различными аспектами темы. Более плавные переходы и ссылки на предыдущие разделы могли бы улучшить читаемость текста.

Автор предоставляет обширный анализ применения ИИ в военной сфере и его роли в стратегическом контроле, однако недостаточно внимания уделяется более широким социальным и этическим последствиям использования ИИ в политической войне. Например, в контексте «дискурсивной войны» упоминается использование ИИ для генерации фейков и манипуляции общественным мнением, но не рассматриваются вопросы, связанные с этикой подобного рода действий. Складывается впечатление, что автор не полностью учитывает комплексность проблемы.

Статья изобилует ссылками на различные исследования и нормативные документы, что придаёт ей научную обоснованность. Однако, в некоторых местах автор ссылается на источники, которые могут быть восприняты как односторонние или недостаточно репрезентативные. Например, упоминание о «трех войнах» и концепции «дискурсивной силы» требует более глубокого контекста и дополнительных примеров из практики, чтобы читатель мог лучше понять, как эти концепции применяются на практике.

Автор подводит итоги, выделяя три ключевых направления применения ИИ в контексте американо-китайского противостояния. Однако выводы выглядят несколько обобщенно и не всегда подкреплены конкретными примерами или прогнозами. Например, в разделе о «умных» базах «двойного назначения» автор упоминает о возможности проецирования влияния, но не предоставляет конкретных примеров или сценариев, как это может реализоваться на практике.

Несмотря на научный подход, в тексте прослеживается определенная предвзятость в отношении к Китаю и его стратегиям. Например, использование терминов, таких как «политическая война» и «дискурсивная сила», может восприниматься как негативная характеристика китайской внешней политики. Следовало бы более нейтрально подойти к анализу, избегая эмоционально окрашенных формулировок.

В целом, статья представляет собой важный вклад в изучение влияния ИИ на международные отношения и геополитическое противостояние. Однако для повышения её научной ценности и удобности восприятия читательской аудиторией автору стоит обратить внимание на структуру изложения, глубину анализа, использование примеров и источников, а также на необходимость политической нейтральности. Углубление в эти аспекты сделает работу более убедительной и полезной для широкой аудитории, интересующейся вопросами глобальной политики и технологий. Стоит большее внимание уделить также степени научной разработанности данной проблематики и научной полемике, которая существует в литературе. Статью требуется доработать и направить на рецензирование повторно.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена изучению перспектив применения КНР искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния

Методология исследования базируется на изучении и обобщении современных научных публикаций и интернет-ресурсов по рассматриваемой теме.

Актуальность исследования авторы связывают с тем, что проблема влияния искусственного интеллекта и смежных технологий (процедурная генерация, языковые модели, большие данные, облачное хранение и т.д.) на социально-политическую сферу в последнее десятилетие стала одним из наиболее актуальных вопросов и особый интерес вызывают риски, которые искусственный интеллект привносит в международные отношения – особенно в рамках их современной фундаментальной трансформации и обострившегося противостояния между основными акторами (прежде всего КНР, РФ и США).

Научная новизна исследования, к сожалению авторами не сформулирована с достаточной степенью точности и четкости, впрочем, как и сама цель проводимой работы. В тексте статьи выделены следующие разделы: Роль ИИ во внешнеполитической стратегии КНР, Стратегический контроль и ограничение доступа, Базы «двойного назначения», Дискурсивное противоборство, Библиография.

Рецензируемая публикация позиционируется авторами как приглашение к более детальному обсуждению в российских академических и экспертных кругах вопросов применения искусственного интеллекта в контексте американо-китайского геополитического противостояния. В своём подходе к рассматриваемой проблеме авторы исходят из предпосылки о том, что прямое столкновение между КНР и США по многим причинам маловероятно, поэтому гораздо большую значимость приобретает вопрос использования Пекином искусственного интеллекта в «политической войне» против США. Отмечается, что применение Китаем искусственного интеллекта в рамках «политической» войны с США в ближайшие годы будет наиболее перспективно в трёх областях: стратегическом контроле над пространствами и ограничении доступа к ним соперника, поиске новых месторождений критически важных ресурсов и формировании выгодной КНР международной повестки. В заключительной части работы внесены предложения по потенциальным направлениям взаимодействия между КНР и Россией в сфере искусственного интеллекта для усиления присутствия и геополитического влияния России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Библиографический список включает 43 источника – современные научные публикации зарубежных и отечественных авторов на русском и иностранных языках, а также

интернет-ресурсы по рассматриваемой теме, на которые в тексте приведены адресные ссылки, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Из недочетов следует отметить следующие. Во-первых, начальная, вводная часть публикации не озаглавлена как «Введение», также не озаглавлен заключительный раздел (как «Заключение» или «Выводы»). Во-вторых, в статье не сформулирована цель исследования и не отражены полученные авторами элементы приращения научного знания. В-третьих, не понятно с какой целью после некоторых терминов в одних случаях приводится их перевод на английский язык, в других – их транскрипция на китайском языке и соответствующие иероглифы – в публикации на русском языке это представляется неуместным, поскольку отвлекает внимание читателя от основной излагаемой авторами мысли.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Мировая политика», отражает результаты проведенной авторами работы, может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Мафуанг С. Сигнализация и тактическое хеджирование как политические инструменты при формировании минилатеральных коалиций безопасности на примере Quad и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72184 EDN: UTULYI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72184

Сигнализация и тактическое хеджирование как политические инструменты при формировании минилатеральных коалиций безопасности на примере Quad и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе



Мафуанг Супатат

ORCID: 0000-0002-2494-5602

аспирант; кафедра сравнительной политологии; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы



117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

supatratmafuang@gmail.com

[Статья из рубрики "Региональные конфигурации международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72184

EDN:

UTULYI

Дата направления статьи в редакцию:

02-11-2024

Дата публикации:

11-12-2024

Аннотация: В статье исследуется динамика таких минилатеральных институтов, как «четырёхсторонний диалог по безопасности: Quad» и «трехстороннее партнерство по безопасности: AUKUS». По мере перехода мирового порядка от однополярности к многополярности актуализируется поиск реальных «единомышленников» для стратегической координации. Так, государства как «хеджеры» используют инструменты сигнализации и тактического хеджирования, чтобы создать базовое доверие к себе и найти «единомышленников». Возрождение Quad в 2017 г. стало ответом на усиление стратегической конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе, где Китай все более активно влияет на региональную архитектуру безопасности. Недавнее создание AUKUS можно рассматривать как тактическое хеджирование США, Великобритании и Австралии по отношению к вызовам со стороны Китая в спорах по Южно-Китайскому морю. В рамках данной статьи подходы к сигнализации и тактическому хеджированию рассматриваются как средство оценки готовности союзников сотрудничать в минилатеральном формате. Минилатеральные партнерства способствуют сотрудничеству между ключевыми региональными игроками, в то время как механизмы сигнализации используются для передачи намерений и сдерживания противников. Автором также анализируется концепция тактического хеджирования, подчеркивающая нюансированные стратегии, используемые странами для навигации в сложных условиях безопасности. Анализ показывает, что государства прибегают к тактическим маневрам сигнализации и хеджирования для того, чтобы продвигать свои интересы и ограничивать влияние конкурентов, одновременно избегая ненужной конфронтации. Например, последствия минилатерализма выходят за рамки простого военного сотрудничества; они охватывают также экономические и дипломатические измерения, которые могут влиять на региональную стабильность. Например, в то время как Quad декларирует свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (FOIP), его фокус — на нетрадиционных вопросах безопасности, таких как изменение климата и политика в области здравоохранения. Таким образом, минилатеральные форматы, подобные Quad и AUKUS, приобретают все большее значение в качестве инструментов гибкого сотрудничества для регулирования безопасности в регионе. Исследуя эти взаимосвязанные элементы, автор поставил себе задачу дать представление об эволюционирующей архитектуре безопасности Quad и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова:

AUKUS, Quad, минилатерализм, сигнализация, тактическое хеджирование, Индо-тихоокеанский регион, многосторонность, США, Австралия, Япония

Введение

Как формируется и институционализируется минилатеральное сотрудничество? В условиях перехода от однополярности к многополярности современных международных отношений (МО) сотрудничество в формате минилатерализма становится ключевой стратегией, обеспечивающей национальные интересы и идентичности.

Минилатерализм как субформа многостороннего взаимодействия представляет собой стратегический подход, позволяющий государствам формировать коалиции с ограниченным числом участников, что способствует более эффективному решению конкретных проблем. Минилатерализм позволяет избежать сложностей, связанных с расхождением множества национальных интересов, и предлагает более гибкие механизмы для достижения согласия между государствами. Кроме того, сигнализация как процесс передачи стратегических намерений играет важную роль в формировании

таких минилатеральных коалиций, позволяя избежать недопонимания и разногласий и создать атмосферу доверия между государствами с разными группами интересов. В этом контексте концепция тактического хеджирования, основанная на динамическом взаимодействии между государствами, предлагает новый взгляд на процесс формирования коалиций, акцентируя внимание на важности стратегических нарративов и дипломатического общения.

Примеры таких коалиций, как четырёхсторонний диалог по безопасности между Австралией, Индией, США и Японией (Quad) и трехстороннее партнерство по безопасности между Австралией, Великобританией и США (AUKUS), иллюстрируют, как государства могут использовать тактическое хеджирование в минилатеральных структурах для управления сложными вызовами безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Эти структуры демонстрируют, как государства, стремящиеся к сотрудничеству, могут адаптировать свои стратегии в ответ на изменения в международной среде, одновременно минимизируя риски и напряжение. Таким образом, исследование минилатерализма, сигнализации и тактического хеджирования не только обогащает теоретическую базу МО, но и предоставляет практические инструменты государствам, стремящимся к эффективному сотрудничеству в условиях неопределенности.

В этой статье впервые рассматриваются феномены минилатерализма и сигнализации в целях создания коалиций. В следующем разделе представлена идея тактического хеджирования, описываются его издержки и преимущества. В третьем разделе анализируются конструктивные особенности Quad и AUKUS, демонстрирующие применение тактического хеджирования, несмотря на различия в траекториях их развития и внедрении.

Минилатерализм и сигнализация к «созданию коалиций»

Создание коалиций крайне важно для государств, стремящихся участвовать в формировании международной стратегической среды, особенно в условиях отсутствия существенной материальной мощи [\[1, р. 387\]](#); однако расширение участия в этих коалициях затрудняет достижение консенсуса из-за различий в национальных интересах. Эта проблема коллективных действий предполагает, что государство должно начать создавать коалицию с теми странами, которые с большей вероятностью будут разделять его собственные стратегические цели, интересы и видения – то есть минилатерализм.

Минилатерализм можно объяснить, сравнив его характеристики с многосторонностью, которую Р. Кеохан определяет как «практику координации национальной политики в группах из трех или более государств с помощью специальных соглашений или институтов» [\[2, р. 731\]](#). При определении отличий минилатерализма от многосторонности качественные характеристики имеют такое же значение, как и количественные показатели. Многосторонность отличают три фундаментальных черты: *обобщенные принципы организации, неделимость и диффузная взаимность* [\[3, р. 566–567; 4, р. 2\]](#). Обобщенные принципы многосторонней организации – это нормы поведения, применимые к той или иной категории действий, независимо от индивидуальных интересов или конкретного стратегического контекста [\[3, р. 571–572\]](#). Диффузная взаимность означает, что от многостороннего соглашения ожидается возможность «обеспечить приблизительно эквивалентные выгоды в совокупности и с течением времени» [\[2, р. 19–24; 3, р. 571\]](#). В то время как многосторонность работает на основе неделимости и общих организующих принципов, что требует широкого и инклюзивного

подхода, минилатерализм фокусируется на сборе «критической массы» [\[5, р. 4-5, 6, р. 5\]](#). Это означает «привлечение к переговорам наименьшего возможного числа стран, необходимого для оказания наибольшего возможного влияния на решение конкретной проблемы» [\[7\]](#).

Эта концептуализация включает три ключевых аспекта. Во-первых, минилатерализм определяет *ограниченную группу стран*, способных решать конкретные проблемы, вовлекать их в процесс принятия решений [\[8, р. 88-94\]](#). Во-вторых, минилатерализм, по-видимому, более *гибок (adaptability)* и *устойчив (resilience)* в силу меньшего числа заинтересованных сторон и групп вовлеченных интересов [\[8, р. 89; 9, р. 32\]](#). В-третьих, минилатерализм отличается *неформальностью и практичностью*. «Минилатерализм заполняет пробел между двусторонними отношениями (возглавляемыми как США, так и Китаем) и более широкими региональными многосторонними блоками (такими, как АСЕАН), охватывающими от трех до девяти стран и характеризующимися как «исключительные, гибкие и функциональные по своей природе» [\[5; 10\]](#). Минилатерализм становится реальной альтернативой для государств, не получающих адекватной поддержки посредством двусторонних или многосторонних механизмов. Это может укрепить глобальную многосторонность в условиях ослабления обязательств государств в многосторонних отношениях [\[11\]](#).

Феномен минилатерализма обусловлен необходимостью противостоять угрозам безопасности и стратегическому соперничеству, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе, где Китай стал гораздо более напористым в создании минилатеральных сотрудничеств с странами Юго-восточной Азии как «сообщества единой судьбы» под руководством Китая; тем не менее, минилатерализм может создавать проблемы, в т.ч. необходимость управления балансом сил между участниками и риск исключения других государств, что может усугубить региональные разногласия [\[12\]](#). Несмотря на это, минилатерализм остается ценным инструментом для государств, стремящихся ориентироваться в сложных геополитических ландшафтах и достигать общих стратегических целей без ограничений, накладываемых формальными альянсами. Таким образом, сигнализация, создание коалиций и минилатерализм в совокупности способствуют динамичному и стратегическому взаимодействию в рамках МО, предлагая государствам гибкие механизмы для реализации своих интересов во все более взаимосвязанном мире.

Термин «коалиция» часто используется небрежно, двусмысленно; не проводятся отличия коалиции от «альянса» или объединения. Следует, однако, указать, что данный термин обозначает «группу государств-единомышленников (like-minded states)», которые согласны с необходимостью совместных действий по конкретной проблеме в определенное время без обязательств по долгосрочным отношениям». В этом ее ключевое отличие от «альянса — «формального объединения государств с целью использования (или неприменения) военной силы в определенных обстоятельствах против государств, не входящих в их состав» [\[13, р. 4\]](#).

Как создаются минилатеральные коалиции? Мы считаем нужным обратить внимание на то, что государства, стремящиеся к сотрудничеству, несмотря на отсутствие общей предыстории, идентичности или даже общих воспоминаний и нарративов, часто сталкиваются со значительными трудностями в прохождении пути от базового доверия до единого мышления. Поэтому часто возникает необходимость в выявлении и использовании убедительных механизмов, направленных на формирование и

активизацию коллективного восприятия совместного опыта, особенно чувства общей опасности и незащищенности.

Так, формирование коалиций между государствами не происходит автоматически, несмотря на общие стратегические интересы, поскольку отсутствие обязательных договоров требует четкого информирования о намерениях во избежание недоразумений, могущих поставить под угрозу сотрудничество. Поэтому коммуникация — *сигнализация* — становится ключевым фактором [\[13, р. 4\]](#).

Существующая литература об *сигнализации* недостаточно отражает динамику формирования коалиций. Во-первых, часто предполагается, что у субъектов есть заранее определенные стратегические цели, такие как укрепление альянсов или укрепление военного доверия, что в недостаточной степени применимо к формированию коалиций из-за отсутствия четких стратегических целей на начальных этапах их формирования, поскольку коалиции могут преследовать несколько целей в мирное время, а государства-члены могут по-разному расставлять стратегические цели [\[13, р. 4\]](#). Во-вторых, в процессе создания коалиции все еще могут быть полезны так называемые «дешевые разговоры: cheap talk». Как правило, «дешевые разговоры» относятся к «бесплатным, непроверяемым заявлениям», поэтому они не являются достоверным сигналом, поскольку не гарантируют приверженности государств сделанным заявлениям [\[14, р. 1214\]](#). Например, у США не было конкретных идей относительно повестки дня и функций Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF), за исключением подчеркивания своей приверженности идеи экономического сотрудничества в регионе [\[13, р. 5\]](#). В-третьих, хотя процесс создания коалиции весьма динамичен от формулировки до консолидации, существующая сигнализация недостаточно учитывает динамичный характер формирования коалиций, уделяя больше внимания государственным обязательствам, чем формированию альянсов, в то время как создание коалиций в основном относится к категории «сигнализация альянса», которая подчеркивает желательность государства в качестве союзника и ожидания от нынешних или потенциальных партнеров [\[13, р. 5\]](#). Другая потенциальная категория — «псевдо-сигналы: pseudo-signals», которые являются «дешевыми разговорами, тщательно завуалированными и публично продаваемыми как значимые сигналы». Тем не менее, эта сигнализация предполагает, что отправитель сигнала не рассматривает создание коалиции, поскольку в итоге он «не может убедительно сообщить то, что этот сигнал якобы содержит» [\[13, р. 5\]](#).

Простого формирования коалиции недостаточно для достижения стратегического эффекта. Это вынуждает государства-члены согласовывать свои стратегические цели и приоритеты. Более того, сигналы менее эффективны, когда они противоречат существующим убеждениям [\[15\]](#). И наоборот, если прежние убеждения совпадают с посылаемым сигналом, эти «единомышленники» могут быть склонны координировать свои стратегии. Так, концепция «тактического хеджирования» может служить основой для анализа динамики формирования коалиций.

Концепция тактического хеджирования

Тактическое хеджирование, основанное на стратегической неопределенности, делает упор на ориентированную на процесс сигнализацию, позволяющую оценить международную поддержку или противодействие до стратегических изменений и тем самым снизить потенциальную напряженность. Такой подход крайне важен для формирования коалиций, поскольку он позволяет государствам отстаивать общие

интересы посредством диалога с потенциальными союзниками, используя «стратегические нарративы», в которых основное внимание уделяется изменению восприятия для формулирования проблем и определения будущих обязательств [\[13, р. 6–8\]](#).

Тактическое хеджирование служит внешнеполитическим сигнальным механизмом, позволяющим переходить от «дорогостоящих сигналов: *costly signals*» к «дешевым переговорам: *cheap talks*», направленным на понимание стратегических ориентаций государств и соответствующее определение целей. Его отличительной чертой является ориентированность на процессы, подчеркивающая интерактивную динамику между государствами при оценке надежности партнеров перед принятием материальных обязательств. Этот процесс предполагает разработку конкретных нарративов, увязывающих исторический контекст со стратегическими целями для достижения консенсуса в отношении формирования коалиции [\[16\]](#).

Автор полагает, что Quad и AUKUS построены на базе либеральных нарративов от влиятельного хеджера (государство, использующее стратегию хеджирования), такого, как США. С точки зрения хеджера, этот нарратив преследует двойную цель: он помогает обосновать свое понимание международной обстановки, идеологических убеждений и стратегического поведения с целью получения дипломатического одобрения или, по крайней мере, молчаливого согласия со стороны государства-объекта санкций. Это похоже на концепцию «стратегического нарратива», которая характеризуется как «представление последовательности событий и идентичностей, коммуникативный инструмент, с помощью которого политические деятели — как правило, занимающие элитные должности — пытаются придавать особое значение прошлому, настоящему и будущему в достижении политических целей» [\[17; 18, р. 5\]](#). Это следует из того, как государства и политические акторы используют коллективные воспоминания и мифы для выражения сплоченной идентичности, тем самым снижая непредсказуемость и уязвимость. Дискурс нарратива США «Кто является реальной угрозой?» является побудительной мотивацией для сотрудничества, поскольку, как подчеркивает Миллер, чувство общей опасности является самым сильным мотиватором для сотрудничества [\[19\]](#). Так, тактическое хеджирование иллюстрируется абстрактными концепциями Индо-Тихоокеанского региона, выдвигаемыми региональными государствами. Например, это стратегия Японии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион (FOIP)», которая направлена на то, чтобы вызвать реакцию союзников и партнеров для создания коалиции [\[20\]](#).

Как реализуется тактическое хеджирование при создании коалиций? Тактическое хеджирование для создания коалиций состоит из трех основных этапов, которые подробно описаны в специальной литературе [\[21; 22\]](#). На начальном этапе хеджер, зачастую государственный лидер, инициирует символическую и неоднозначную внешнеполитическую доктрину, называемую «дипломатическим знаком». Этот знак призван привлечь внимание и вызвать реакцию со стороны других государств, особенно тех, которые имеют схожие стратегические интересы. Эти дипломатические знаки, выраженные в виде лозунгов или крылатых фраз, крайне важны, поскольку они отражают неоднозначную версию событий; преимущественно, точку зрения хеджера, обосновывая его действия и подчеркивая императивы формирования коалиций [\[13, р. 10\]](#).

На втором этапе хеджер оценивает реакцию других государств и шансы создания реальной коалиции. Положительные реакции могут побудить к ускорению переговоров с

государствами-единомышленниками в формате минилатерализма. И, наоборот, разные реакции могут привести к тому, что хеджер будет способствовать формированию общих интересов с потенциальными союзниками в целях расширения возможностей коалиции [\[13, р. 11\]](#).

Третий этап включает в себя хеджера и оценку возможности создания коалиций на основе согласования представлений об угрозах, национальных интересов и мировоззрений. Более тесное согласование этих факторов способствует быстрому формированию коалиций. Без тесного сотрудничества дипломатические шаги могут быть отвергнуты как простая риторика, подрывающая доверие. Важнейшим первым шагом в реализации стратегических концепций является институционализация мягкой коалиции [\[23, р. 90\]](#). На данном этапе конструированные нарративы иллюстрируют трансформацию глобальной стратегической среды, включая общие политические принципы и рамки стратегических достижений. Установление единых стратегических целей и эффективных подходов необходимо для укрепления коалиции. Эффективная коалиция превзойдет предыдущую «мягкую» коалицию на втором этапе, что будет способствовать сотрудничеству государств-членов в реализации совместных инициатив, укреплению стратегических партнерств и потенциальному переходу к формальным альянсам. Можно утверждать, что минилатерализм служит эффективным подходом к созданию прочной основы для более широких коалиций, позволяющим на начальном этапе сотрудничать с государствами коалиции, решать проблемы коллективных действий и управлять ростом коалиций [\[13, р. 11-12\]](#). На базе этих теоретических положений в последующих разделах рассматривается появление Quad и AUKUS в рамках стратегий хеджирования, применяемых Японией и Австралией.

Эволюция Quad

Quad, включающая в себя США, Японию, Австралию и Индию, с момента своего создания прошла различные этапы формирования коалиции. Первая инициатива по созданию коалиции под названием «Quad 1.0» возникла в 2004 г. и была направлена на координацию гуманитарной помощи и помощи в случае стихийных бедствий после катастрофы в Индийском океане. Это предварительное сотрудничество заложило основу для последующих стратегических альянсов, но не привело к официальной институционализации из-за слабых связей с Индией и расхождений в стратегических приоритетах участников [\[13: 24\]](#). Впервые Quad была официально оформлена как коалиция в период 2007–2008 гг. по инициативе Японии для реализации «стратегии, основанной на демократии (democracy-based strategic framework)». Эта инициатива провалилась из-за различных представлений об угрозах со стороны Китая и смены руководства в странах-членах, в результате чего Австралия и Индия не пожелали полноценно участвовать в этой инициативе [\[13; 20\]](#). Второй этап формирования коалиции, Quad 2.0, начался в 2016 г. с реализации японской стратегии FOIP, направленной на противодействие напористости Китая, которая растет вдоль побережья Южной Китайской моря. На этом этапе основное внимание уделялось дипломатии, направленной на смягчение напряженности в отношениях с Китаем при одновременном постепенном обеспечении поддержки со стороны США и других демократических стран [\[13\]](#). На протяжении этих этапов Quad превратилась из разрозненной группы, сфокусированной на ликвидации последствий стихийных бедствий, в более структурированную организацию, занимающуюся более широкими региональными проблемами безопасности и экономики, продолжая при этом ориентироваться в сложном геополитическом ландшафте Индо-Тихоокеанского региона [\[24\]](#).

В Quad 3.0 институционализация ускорилась из-за влияния США, вызванного стратегическим хеджированием Японии после 2020 г. На этом этапе Quad делала упор на невоенное сотрудничество в таких областях, как инфраструктура, кибербезопасность, изменение климата и безопасность на море, тем самым действуя как дипломатическая сеть, а не военная коалиция [12; 25; 26; 27]. Этот этап отражает стратегический сдвиг в сторону функционального сотрудничества и разработки общих норм, однако без прямого военного сотрудничества с целью предотвращения антагонизма с Китаем и поддержания региональной стабильности [20; 28; 27]. Эта стратегическая двусмысленность обеспечила Quad гибкость для постепенной институционализации без прямой конфронтации с Китаем и одновременным продвижением и соблюдением «либерального международного порядка (LIO) или международного порядка, основанного на правилах (rules-based international order: RBIO)» [28]. Сосредоточение внимания Quad на региональных общественных благах и центральной роли АСЕАН является примером стратегии тактического хеджирования, направленной на устранение региональных опасений по поводу конкуренции великих держав и развитие сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Таким образом, формирование Quad с целью тактического хеджирования — метод МО, позволяющий гармонизировать стратегическое сотрудничество и необходимость учитывать сложную региональную динамику.

AUKUS: двойное тактическое хеджирование

Двойное тактическое хеджирование отражается в двух основополагающих компонентах AUKUS. Первый компонент направлен на укрепление военного потенциала Австралии путем приобретения атомных подводных лодок при технической помощи США и Великобритании, что служит стратегическим сдерживающим фактором против региональных угроз, особенно со стороны Китая [29; 13]. Этот компонент потребовал от Австралии преодоления дипломатических сложностей, таких как отмена сделки с Францией по подводным лодкам, что стало важным шагом, отражающим стратегический сдвиг Австралии в сторону AUKUS [13; 27]. Второй компонент посвящен сотрудничеству в области передовых оборонных технологий, таких как кибервозможности, искусственный интеллект и квантовые технологии, что способствует будущей интеграции стран альянса [29], сотрудничеству между основными членами и отражает дискуссии по Японии и Южной Корее, соответствующие стратегиям государств-членов в Индо-Тихоокеанском регионе [24]. Стратегия двойного тактического хеджирования позволяет AUKUS сбалансировать военную эксклюзивность и технологическую инклюзивность, снижая риски создания коалиций и усиливая меры региональной безопасности.

На начальном этапе формирования коалиции AUKUS Австралия приняла решение ускорить заключение соглашения о подводных лодках с Францией путем сотрудничества с США и Великобританией в области атомных подводных лодок. Эта резолюция была утверждена на саммите G7 в июне 2021 г., а кульминацией стало официальное создание AUKUS в сентябре 2021 г., что ознаменовало заметную трансформацию оборонной стратегии Австралии и ее дипломатических отношений, особенно с Францией [13, р. 15]. Австралия быстро создала нарративную основу, позволяющую трем странам быстро пройти начальный, вторичный и третичный этапы тактического хеджирования. Таким образом, в первом этапе всего за три месяца в сентябре 2021 года Австралия предпочла AUKUS, а не Францию. Это решение существенно повлияет на дипломатический статус Австралии в отношении Франции. В марте 2023 года был предложен «оптимальный путь: optimal pathway» для решения проблем, связанных со сроками боевой готовности подводных лодок AUKUS, построенных в Австралии. А второй этап — это быстрый

инициатив AUKUS по созданию атомных подводных лодок началась с ротации атомных подводных лодок из города «Перт», затем закупку Австралией подводных лодок класса «Вирджиния» в начале 2030-х гг. и постройку судов класса AUKUS в Австралии к 2040-м гг. Австралия намерена приобрести у США от трех до пяти подводных лодок класса «Вирджиния» (при условии одобрения Конгресса США) в начале 2030-х годов. [\[27, р. 7\]](#) Этот инициатив включает в себя широкомасштабное сотрудничество в области современных технологий, включая кибербезопасность, искусственный интеллект и квантовые технологии, жизненно важные для расширения возможностей коллективной обороны членов AUKUS [\[29\]](#). Третий этап формирования коалиции предполагает возможное расширение членского состава AUKUS, особенно в сфере оборонных технологий. На этом этапе возможно привлечение новых стран-единомышленников, и Япония считается потенциальным кандидатом в связи с совпадающими стратегическими интересами и ранее существовавшими отношениями в области обороны с членами AUKUS [\[13\]](#). Однако к этому расширению подходят осторожно, поскольку консолидация трехстороннего сотрудничества является все же приоритетной задачей. На протяжении всех этих этапов AUKUS сосредотачивается на укреплении традиционного баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе, решении проблем, вызванных напористостью Китая, и обеспечении RBIO. Поэтапный подход AUKUS отражает стратегическое и тактическое хеджирование для управления сложностями международного оборонного сотрудничества и геополитической динамикой Индо-Тихоокеанского региона.

Заключение

Взаимодействие между сигнализацией и тактическим хеджированием как инструментами формирования коалиции в формате минилатерализма имеет решающее значение в современных оборонных стратегиях, особенно в условиях стратегического соперничества и обостряющихся проблем безопасности. Эти отношения подчеркивают важность сигнализации как механизма формирования эффективных коалиций, позволяющего государствам умело маневрировать в сложных геополитических условиях. Кроме того, парадигма тактического хеджирования становится важнейшим сигнальным инструментом, облегчающим адаптацию государств к меняющейся глобальной динамике и способствующим формированию устойчивых альянсов в многополярном мире.

Развитие коалиций Quad и AUKUS отражает сложный и многогранный характер формирования международных альянсов на фоне быстро меняющейся геополитической обстановки в Индо-Тихоокеанском регионе. Начав с гуманитарной деятельности и постепенно переходя к более формализованному сотрудничеству в сфере безопасности и экономики, Quad является примером стратегического хеджирования, которое позволяет государствам-членам согласовывать свои интересы и одновременно предотвращать открытую конфронтацию с Китаем. В то же время AUKUS, в основе которого лежит двойное тактическое хеджирование, подчеркивает важность военно-технического сотрудничества между Австралией, США и Великобританией для укрепления региональной стабильности и противодействия новым угрозам. Оба альянса подчеркивают необходимость адаптации к новым вызовам и рискам и тем самым — важнейшую роль дипломатии и многостороннего сотрудничества в современном мире МО.

Библиография

1. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia // Chin. J. Int. Polit. 2010. Vol. 3. P. 381–396.
2. Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // Int. J. 1990. Vol. 45, № 4. P.

- 731–764.
3. Ruggie J.G. Multilateralism: the Anatomy of an Institution // *Int. Organ.* 1992. Vol. 46, № 3. P. 561–598.
 4. Tago A. Multilateralism, Bilateralism, and Unilateralism in Foreign Policy. Oxford University Press, 2017.
 5. Singh B., Teo S. Minilateralism in the Indo-Pacific: The Quadrilateral Security Dialogue, Lancang-Mekong Cooperation Mechanism, and ASEAN. London: Routledge, 2020. 156 p.
 6. Tirkey A. Minilateralism: Weighing the Prospects for Cooperation and Governance // *ORF Issue Brief.* 2021. № 489. P. 1–25.
 7. Naim M. Minilateralism The magic number to get real international action. 2009.
 8. Falkner R. A Minilateral Solution for Global Climate Change? On Bargaining Efficiency, Club Benefits, and International Legitimacy // *Perspect. Polit.* 2016/03/21 ed. Cambridge University Press, 2016. Vol. 14, № 1. P. 87–101.
 9. Eckersley R. Moving Forward in the Climate Negotiations: Multilateralism or Minilateralism? // *Glob. Environ. Polit.* 2012. Vol. 12, № 2. P. 24–42.
 10. Anuar A., Hussain N. Minilateralism for multilateralism in the post-COVID age // *Rajaratnam Sch. Int. Stud. RSIS.* 2021.
 11. Teo S. Could Minilateralism Be Multilateralism's Best Hope in the Asia Pacific? [Electronic resource]. 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/12/could-minilateralism-be-multilateralisms-best-hope-in-the-asia-pacific/> (accessed: 25.10.2024).
 12. Wilkin T.S. et al. Indo-Pacific Minilateralism Strategic Competition (I): Australia/Japan and Chinese Approaches Compared: Occasional Paper. Pacific Forum International, 2024.
 13. Koga K. Tactical hedging as coalition-building signal: The evolution of Quad and AUKUS in the Indo-Pacific // *Br. J. Polit. Int. Relat.* 2024. P. 1–26.
 14. Farrell J., Gibbons R. Cheap Talk with Two Audiences // *Am. Econ. Rev. American Economic Association*, 1989. Vol. 79, № 5. P. 1214–1223.
 15. Kertzer J.D., Rathbun B.C., Rathbun N.S. The Price of Peace: Motivated Reasoning and Costly Signaling in International Relations // *Int. Organ.* 2019/11/05 ed. Cambridge University Press, 2020. Vol. 74, № 1. P. 95–118.
 16. Ciorciari J.D., Haacke J. Hedging in international relations: an introduction // *Int. Relat. Asia-Pac.* 2019. Vol. 19, № 3. P. 367–374.
 17. Fenton C., Langley A. Strategy as Practice and the Narrative Turn // *Organ. Stud.* 2011. Vol. 32, № 9. P. 1171–1196.
 18. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives | Communication Power and the New World Order | A. 1st ed. New York: Routledge, 2013. 240 p.
 19. Miller J.D. The Conditions for Cooperation // India, Japan, Australia: Partners in Asia? / ed. Miller J.D. Australian National University Press., 1968. P. 195–212.
 20. Koga K. A New Strategic Minilateralism in the Indo-Pacific // *Asia Policy.* 2022. Vol. 17, № 4. P. 27–34.
 21. Hambrick D.C., Lovelace J.B. The Role of Executive Symbolism in Advancing New Strategic Themes in Organizations: A Social Influence Perspective // *Acad. Manage. Rev. Academy of Management*, 2018. Vol. 43, № 1. P. 110–131.
 22. Koga K. Japan's "Free and Open Indo-Pacific" strategy : Tokyo's tactical hedging and the implications for ASEAN // *Contemp. Southeast Asia.* 2019. Vol. 41, № 2. P. 286–313.
 23. Alvesson M. The Business Concept as a Symbol // *Int. Stud. Manag. Organ.* Taylor & Francis, Ltd., 1998. Vol. 28, № 3. P. 86–108.
 24. Koga K. Quad 3.0: Japan, Indo-Pacific and Minilateralism // *East Asian Policy.* 2022. Vol. 14, № 01. P. 20–38.
 25. The White House. Quad Leaders' Joint Statement: "The Spirit of the Quad" [Electronic resource] // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing->

- room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/ (accessed: 27.10.2024).
26. The White House. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Electronic resource] // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (accessed: 27.10.2024).
27. Bisley N. The Quad, AUKUS and Australian Security Minilateralism: China's Rise and New Approaches to Security Cooperation // J. Contemp. China. Routledge, 2024. Vol. 0, № 0. P. 1–13.
28. Koga K. Institutional Dilemma: Quad and ASEAN in the Indo-Pacific // Asian Perspect. 2023. Vol. 47, № 1. P. 27–48.
29. Wilkins T. Minilateral groupings as an alternative to multilateralism in an era of strategic competition // Issues & Insights / ed. Baker C. Pacific Forum Internatioanal, 2023. Vol. 23. P. 35–40.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Мировая политика*Правильная ссылка на статью:*

Майоров И.Е. Динамические факторы, влияющие на формирование образа России в восприятии молодежи Германии // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72859 EDN: WYFRNW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72859

Динамические факторы, влияющие на формирование образа России в восприятии молодежи Германии

Майоров Илья Евгеньевич

старший преподаватель; Общекадемический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
аспирант, институт общественных наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

124365, Россия, Москва, г. Зеленоград, ул. Разумовского, К2308А, кв. 61

✉ ilyamayorov@yandex.ru



[Статья из рубрики "Международный имидж государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72859

EDN:

WYFRNW

Дата направления статьи в редакцию:

24-12-2024

Дата публикации:

31-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается формирование внешнего имиджа России среди студенческой молодежи современной Германии. Исследование акцентирует внимание на восприятии образа России через призму десяти факторов, включая политические и экономические аспекты, диалог науки и культуры, исторический и социально-культурный контексты, роль ресурсов в отношениях, технологическое сотрудничество и другие. Особое внимание уделяется динамике восприятия с 1990-х годов до настоящего времени, что позволяет проследить изменения в образе России в связи с историческими и социальными событиями. Уникальность исследования заключается в сравнении объективных факторов, формирующих имидж страны, и субъективных, личностно значимых аспектов восприятия, которые были выявлены среди студентов немецкоязычных университетов, изучающих русский язык и российскую историю. Для

достижения целей исследования использовались методы опроса, рейтингования, анализа и синтеза, а также научного обобщения. Опрос был проведен среди студентов немецкоязычных университетов, изучающих русский язык и российскую историю, с целью выявления объективных и субъективных факторов восприятия образа России. Научная новизна исследования заключается в разработке периодизации этапов изменения отношения к России на Западе, основанной на совокупности внешних и внутренних событий в стране и мире. Впервые предпринята попытка комплексного анализа восприятия образа России в динамике, включая объективные факторы и субъективные аспекты, значимые для студенческой молодежи. Результаты исследования показывают смену парадигмы восприятия, что формирует новый облик России. Сделан вывод о том, что, несмотря на вызовы, существует реальный потенциал для укрепления позитивного имиджа России, что может способствовать развитию отношений между Россией и Германией в долгосрочной перспективе. Исследование имеет как прикладную, так и теоретическую значимость, открывая новые горизонты для изучения межкультурных взаимодействий.

Ключевые слова:

образ России, внешний имидж, динамический образ, социокультурные, политические факторы, экономические факторы, молодежь, моделирование, Исторический контекст, восприятие

Введение. Имидж государства на международной арене является важным аспектом его внешней политики и межгосударственных взаимодействий. Формирование имиджа России в Германии представляет собой сложный процесс, обусловленный множеством факторов, среди которых в самом общем виде можно выделить исторические взаимосвязи, экономические отношения, культурный обмен и успешность политических контактов. Именно факторы, влияющие на формирование образа России в глазах немецкоязычной молодежи, стали предметом нашего всестороннего изучения, в том числе мы попытались рассмотреть указанные факторы в динамике.

В настоящей статье представим некоторые из полученных результатов и сформируем круг проблем, которые требуют как научного, так и практико ориентированного осмыслиения и разрешения. Цель наших исследований – ставить список семантических слотов и динамических факторов, на основе которых формируется имидж современной России, русского языка, русской культуры в восприятии западной молодежи, с целью создания в дальнейшем концепции моделирования эффективного образа России за рубежом в современных политико-экономических условиях.

Исследователи, занимающиеся описанием факторов, влияющих на формирование внешнего имиджа государства, в большинстве своем утверждают важность комплексного подхода – факторы должны рассматриваться во взаимосвязи и взаимообусловленности, а главное – в исторической ретроспективе и контексте социальных, экономических и политических событий.

Прежде чем обратиться к рассмотрению особенностей имиджевого конструкта России за рубежом в первой трети XXI века, представим временные отрезки историко-культурных и политических процессов, которые оказали влияние на восприятие образа нашей страны в мире в конце прошлого столетия: именно эти события на слуху у молодежи обеих стран (России и Германии). В качестве рабочей периодизации мы предлагаем использовать

следующую:

1 – эпоха распада СССР и первые годы независимости «новой России» (1991-1999 гг.).

К событиям, оказавшим влияние на позиции России на международной арене, стоит отнести августовский путч 1991 года, экономический кризис 1998 года, обвал рубля, военные действия в Чечне, период тотальной приватизации и ряд других реформ Е.Т. Гайдара и Б.Н. Ельцина, переход к рыночной экономике и смена режимов правления и проч. Все они пришлись на период президентства Б. Ельцина, авторитет которого на международной арене не был высок (подробнее см.: Заец С.В. История России. XXI век. Хроника основных событий: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 48).

И если в начале и середине 90-х западное сообщество относилось к России более-менее благосклонно, то уже к концу десятилетия такое настроение сменилось настороженностью, которая была продиктована рядом событий: «снятие с боевого дежурства ракет СС-18, исключительно слабая позиция России по Югославии, присоединение России к антисербской резолюции ООН, огульная конверсия отечественной оборонной промышленности» [Жеглова, 2015; 2018].

2 – период становления «новой России» как самостоятельной державы (2000-2008 гг.).

Это период активных внутренних реформ, когда Россия концентрировалась в большей степени на внутренней политике. Были проведены административные и избирательные реформы, проведено разделение территории России на округа. Был проведен ряд экономических реформ и преобразований, направленных на восстановление экономики, увеличение ВВП страны, рост доходов граждан.

Постепенно происходило укрепление позиции официальной власти, рос коэффициент доверия к ней. К концу периода стали предприниматься попытки восстановить международный авторитет руководства страны и улучшения ее имиджа под руководством В.В. Путина, о чем писали и аналитики Запада (Smale A. Russia's Leaders Are Different It's the People Who Are the Same // The New York Times. 2002. Jan. 6.), и российские ученые (Юрьев А.И. Образ страны в условиях глобализации // Круглый стол «Образ России: новый контекст», Санкт-Петербург, Гранд Отель Европа, зал «Чайковский», 14 ноября 2003 года.). По замечанию Ю.Г. Жегловой, «формирование образа России за рубежом было поднято на уровень государственных задач в начале 2000-х гг.» [Жеглова, 2015]. Постепенно началась работа над созданием внешнего имиджа, в том числе за счет западных PR-кампаний, первой из которых стало медиаосвещение саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 году, когда был «заключен контракт с американским PR-агентством Ketchum, «дочкой» мирового рекламного гиганта Omnicom Group Inc.» (подробнее Злобин А. (2009). Peregruzka для президентов // SmartMoney. № 8). Опыт был вполне успешным: Ketchum получил награду от журнала PRWeek «за лучшую глобальную PR-кампанию года» и приз от Американского общества по связям с общественностью «Серебряную наковальню».

3 – период президентства Д.А. Медведева (2008-2012 гг.).

Президентский срок Д.А. Медведева ознаменовался рядом непростых событий – военной операции против Грузии в поддержку Южной Осетии, завершение начатой в предыдущий период политической и военной реформ, модернизация экономики, реализация новой антикоррупционной стратегии, строительство и запуск центра инновационного развития «Сколково» и др. (подробнее см.: Заец С.В. История России. XXI век. Хроника основных

событий: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017).

Невозможно отрицать влияние крупных международных событий на восприятие России в мире. К примеру, знаковым можно считать тот факт, что российские власти признали независимость Южной Осетии и Абхазии, хотя до сих пор эти государства не признаются большинством европейских стран. Непростая победа на международном песенном конкурсе «Евровидение – 2008» показала реальное отношение к стране. Об этих и других событиях эпохи и их влиянии на имидж России пишет в своем исследовании И.С. Семененко [Семененко, 2007].

В августе 2012 года завершились переговоры о вступлении России во Всемирную торговую организацию, которые длились около 20 лет, начиная с 1993 года. С одной стороны, вступление в международную организацию не привело к значительным изменениям в показателях внутри страны. Хотя, безусловно, с этого момента Россия получила доступ к новым возможностям (снижение пошлин международных рынках, активное участие в решении торговых споров в суде ВТО). В одной из научных работ прямо указывается, что к плюсам вступления России в ВТО следует отнести «улучшение имиджа страны в качестве равноправного участника мировой торговли» [Вдовина, Даутова, 2013: 681].

4 – период выраженного охлаждения отношений РФ с западными странами и США (2012-2022 гг.).

В этот период происходили события, которые способствовали поляризации мирового сообщества и заложили основы двойственного отношения к России. В частности, таким событием следует признать присоединение Крыма к России в 2014 году, в ответ на что Евросоюз и США начали вводить первые пакеты санкций против РФ [Россия и мир, 2023].

Н.П. Нарбут и И.В. Троцук определяют современные geopolитические реалии как «эпоху новых перемен», «старт которой дали разнообразные по своему содержанию события (государственный переворот в Украине, вхождение Крыма в состав Российской Федерации, миграционный кризис и террористические акты в странах Европы, военные конфликты на Ближнем Востоке, выход Великобритании из Евросоюза, заявка Каталонии на государственный суверенитет и т.д.), что повлияло на мировую политическую “повестку дня” и институциональную конфигурацию международных акторов» [Нарбут, Троцук, 2011: 109].

Военная операция в Сирии, начавшаяся в 2015 году, также стала значимым событием для внешней политики РФ и «существенно повлияла на политический имидж России на Востоке и Западе» [Озманиян, 2019: 125].

Профессор В.В. Кочетков, описывая этот этап, приходит к заключению, что в имидже современной России содержится две группы компонентов – положительные и переходные [Кочетков, 2020: 106-107]. К первым следует отнести природные богатства, мощь ВС РФ, позицию и авторитет лидера страны и коммуникативно-политическую стратегию; ко вторым – модель демократии, национальную идентичность, стратегии социальной политики и положение на международной арене. Исследователь отмечает особую роль положения президента страны В.В. Путина в международных рейтингах доверия (2-е место в рейтинге влиятельных людей Forbes 2018 г.). Очевидно, что ввиду изменившейся ситуации и разворачивании специальной военной операции с начала 2022 года такое положение, если и сохраняется, то не демонстрируется в открытых мировых источниках средств массовой коммуникации. Кроме того, в мировом рейтинге военной силы за 2019 г. Россия расположилась на второй строке после США [там же: 44]

108].

Однако, как замечает доктор социологических наук В.В. Кочетков, Россия значительно проигрывает и США, и европейским странам в реализации программ целенаправленного формирования имиджа страны на международной арене: до определенного времени такая задача даже не ставилась. Положительная тенденция наметилась начиная с 2005 года, когда был создан канал *Russia Today* и была продумана его коммуникационно-стратегическая политика на международной арене. С этого времени началось активное использование российских и пророссийски настроенных зарубежных медиа и информационных технологий в целенаправленном формировании положительного имиджа нашей страны.

Также автор провел собственное социологическое исследование и пришел к выводу о том, что Олимпиада в Сочи – 2014, Чемпионат мира по футболу – 2018 года оказали положительное влияние на восприятие образа России в мире [там же: 120-124].

В целом этот период охлаждения многие авторы связывают со следствием реализации плана внешней политики России, США и ряда европейских стран, а также с разворачиванием череды международных конфликтов (события на Украине, пакеты санкций Евросоюза в отношении должностных лиц и граждан РФ).

5 – современный период отстраивания новой независимой роли РФ на международной арене и этап укрепления традиционных ценностей (2022 г. – по настоящее время).

Безусловно, переломным считается событие, имеющее официальное название «специальной военной операции ВС РФ» в отношении Украины и активизировавшее несколько пакетов экономических санкций в отношении России со стороны европейской стран и США.

В свежем исследовании ректора МГИМО МИД России А. Торкунова и его коллеги профессора Д. Стрельцова говорится, что совокупность упомянутых выше внешних событий перевело отчасти фокус на решение внутренних проблем. В частности, актуализировался вопрос культурно-цивилизационной идентичности страны [Торкунов, Стрельцов, 2023]: «Традиционно в российском политическом дискурсе доминировала точка зрения, в соответствии с которой не предусматривалась ассимиляция РФ с одним из этих макрорегионов (европейским или азиатским – комментарий автора). Всегда подчеркивалось, что Россия в силу своего исторического пути и географического положения обладает уникальной – не европейской и не азиатской – общественно-политической культурой. Поэтому поворот на Восток рассматривался главным образом в политико-дипломатическом и экономическом, но не в цивилизационном измерении» [там же].

Получил актуализацию и вопрос социализации молодежи, формирования национальной идентичности, возвращения чувства патриотизма, принадлежности к государству [Омельченко, Лисовская, 2022].

Представленная периодизация является условным конструктом, который позволит нам продемонстрировать динамику взаимосвязанных и взаимообусловленных двух комплексов явлений: исторических, социальных, культурных процессов, протекавших внутри страны – имиджа России в мире.

На сегодняшний день будущее российско-германских отношений в контексте имиджа России представляется неоднозначным и зависит от множества факторов, как внешних,

так и внутренних. Одной из ключевых задач для улучшения восприятия России может стать укрепление доверия между странами через общие проекты в области экологии, энергетики и технологий. Эти сферы не только важны для двух стран, но и могут служить платформой для сближения позиций на международной арене.

Методы и подходы. Статья носит теоретико-аналитический характер, а потому были использованы такие методы, как теоретический анализ, синтез, систематизация, реферативное изложение. Также статья включает фрагмент обработки результатов эксперимента, в основе которого лежит опрос, элементы контент-анализа, элементы математического анализа и рейтингование.

Результаты исследования. Наше исследование состояло из двух последовательных этапов. На первом нами было проанализировано более 50 научных и социологически значимых источников (статьи, монографии, публикации в сборниках конференций, данные открытых опросов и статистических анализов), посвященных теме имиджа России в Германии и других странах Западной Европы [Жеглова, 2015, 2018; Кочетков, 2020; Мартынова, 2011; Моисеенко, 2018; Нарбут, Троцук, 2011; Юрьев, 2003 и др.]. В результате анализа было выделено 10 основных факторов, о которых пишут авторы исследований. Дадим краткую характеристику каждому из них по отдельности.

Исторические факторы.

Историческое развитие российско-германских отношений всегда оказывало и продолжает оказывать непосредственное влияние на формирование текущего образа России в германоязычном сознании. Сложные перипетии Второй мировой войны, затем так называемой Холодной войны, а также нынешние отношения между странами Европы, США и Россией оказывают существенное влияние на восприятие образа России за рубежом. Как отмечает Г.-Д.Гросс в своей работе, посвященной истории Восточной Европы, «историческая память порой формирует стереотипы, которые трудно искоренить» [Gross, 2018].

Экономические факторы.

Экономика играет ключевую роль в модернизации исторического имиджа страны. По данным статистики Федерального агентства по внешней торговле Германии, в 2022 году объем товарооборота между Россией и Германией составил 45 миллиардов евро (вопреки санкционной политике), что свидетельствует о сохранении значимости экономических связей между двумя странами. При этом важно понимать, что экономические отношения способны выступать и катализатором улучшения имиджа, и средством его дополнительного ухудшения в условиях политических трений [Bergson, 2020].

Общие политические факторы.

На политическом уровне образ России в Германии формируется через стандартные каналы дипломатического общения, а также в рамках международных организаций, включая ООН, ОБСЕ и Европейский Союз. В последние годы, как отмечает Л. Пфайфер, политические трения между Западом и Россией, такие как санкции и различия в интерпретации международного права, не способствуют позитивному восприятию России в Германии [Pfeifer, 2021], однако контакт и взаимодействие стран по разным фронтам продолжается, приобретая несколько иные формы.

Социально-культурные факторы.

Социально-культурные связи являются важным элементом народной дипломатии. Различные программы обменов, включая образовательные, культурные и научные проекты, призваны сглаживать стереотипы и создавать более положительный имидж России. По мнению Э. Шульце, культурные инициативы способны проливать свет на позитивные стороны культурного наследия и достижения России, облегчая взаимопонимание между странами и нациями [Schulze, 2019]. Кроме того, в Германии по сей день проживает значительное число русскоговорящих граждан (более 5 млн человек) и этнических русских (более 2 млн человек), что также косвенно влияет на укрепление связей между нашими странами.

Фактор технологического сотрудничества.

Важным аспектом развития российско-германских отношений может стать активное сотрудничество в области технологий и инноваций. Оба государства обладают значительным потенциалом в области научных исследований и могут извлечь взаимную выгоду из совместных разработок. В частности, четырнадцатая пятилетка, направленная на цифровизацию и развитие искусственного интеллекта в России, может коррелировать с немецкими стратегиями в этой области. Совместные научные лаборатории, технопарки и стартап-инициативы могут создать благоприятные условия для обмена опытом, содействуя улучшению взаимопонимания на уровне профессиональных сообществ, если таковое недостижимо на уровне политических и бизнес-элит.

Экологические инициативы.

Экологическая повестка становится всё более актуальной как для России, так и для Германии, и может послужить основой для продуктивного взаимодействия. Партнёрские проекты по снижению выбросов и внимание к проблемам изменения климата открывают возможности для коллaborации в сфере экологически чистых технологий. При этом важно, чтобы Россия демонстрировала готовность к соблюдению международных стандартов в этой области, что повлечёт за собой улучшение её имиджа как надежного и экологически ответственного партнёра. Совместные исследования в области биоразнообразия, охраны лесов и водных ресурсов могут укрепить позиции обеих стран на международной арене.

Фактор политической воли.

Не менее важен фактор политической воли и готовности обеих стран к конструктивному диалогу. Поддержание стабильных связей между Москвой и Берлином требует от лидеров понимания сложностей современного мира и необходимости нахождения компромиссов. Примером этому могут служить регулярные консультации и встречи, которые способствуют выстраиванию доверия и дают возможность оперативно решать возникающие проблемы. Рассмотрение исторического опыта российско-германских отношений также может помочь избежать ошибок прошлого, создавая платформу для долгосрочного устойчивого сотрудничества.

Взвешенный подход и стратегическое планирование способны существенно улучшить отношения между Россией и Германией. Доверие, основанное на общих проектах в экологии, науке и культуре, может привести к позитивным изменениям в имидже России, что, в свою очередь, создаст предпосылки для укрепления дипломатических и экономических связей.

Роль ресурсов в отношениях.

Особую роль в экономическом и политическом сотрудничестве между Россией и Германией продолжают играть энергетические ресурсы, в частности газ и нефть. Несмотря на существующие политические разногласия, Германия остается одним из крупнейших потребителей российской энергии. В то же время переход на возобновляемые источники энергии и диверсификация импорта являются частью стратегии энергетической безопасности ЕС, что создает новые вызовы для нефтегазового сектора России. Данный аспект может как улучшить, так и усложнить имидж России в зависимости от роли, которую она займет в переходе к зелёной энергии.

Диалог в сфере науки и культуры.

В текущих условиях культурный диалог представляет собой инструмент народной дипломатии, способный смягчить политическую риторику и стабилизировать отношения. Активизация культурных обменов на уровне молодых поколений может стать залогом устойчивости отношений в будущем. Инвестиции в изучение языка, поддержку совместных искусствоведческих проектов и фестивалей способны сыграть значимую роль в формировании более позитивного имиджа России, предусматривающего будущее сотрудничество без предвзятостей и негативных стереотипов.

В связи с этим, создание сбалансированной стратегии формирования имиджа государства требует учета динамических изменений как во внутренней, так и во внешней среде. Это включает идентификацию и акцентирование тех аспектов внешнего имиджа, которые могут быть успешно улучшены и использованы в качестве дипломатического ресурса. Например, Россия, обладая мощнейшими образовательными и научными традициями, имеет потенциал для усиления своих позиций через развитие международных образовательных и научных инициатив, акцент на которых будет способствовать укреплению её престижа на мировой арене.

Особую важность приобретает и работа с представителями международных культурных и молодежных общественных организаций. Участие в совместных культурных и образовательных проектах может не только улучшить имидж России за рубежом, но и способствовать развитию межкультурного диалога, что в долгосрочной перспективе усилит положение страны как мирового лидера в гуманитарной сфере.

Туристический фактор.

Кроме того, необходимо учитывать и изменяющиеся тренды в туристической области, которые способны значительно повлиять на восприятие России как привлекательного туристического направления. Хотя текущие условия заметно снизили её популярность, сосредоточение усилий на развитии уникальных туристических маршрутов, привлекающих национальную культуру и многообразие, может стать эффективной мерой для восстановления интереса и доверия иностранных туристов.

На следующем этапе нами был составлен опросный лист с просьбой составить рейтинг факторов, которые, по мнению респондентов, оказывают максимально массированное влияние на формирование образа России среди современной студенческой молодежи Германии вообще и на их личное восприятие в частности. Затем участникам предлагалось оценить, какие факторы были наиболее весомыми в начале нового тысячелетия и в 1990-е годы. В дистанционном онлайн-опросе приняли участие 45 студентов (18-27 лет) германских университетов, изучающих русский язык как иностранный, русскую культуру или историю.

Список представленных 10 факторов выглядел так, как было описано выше, то есть

следующим образом:

- Исторические факторы.
- Экономические факторы.
- Общие политические факторы.
- Социально-культурные факторы.
- Фактор технологического сотрудничества.
- Экологические инициативы.
- Фактор политической воли.
- Роль ресурсов в отношениях.
- Диалог в сфере науки и культуры.
- Туристический фактор.

По каждому фактору давался краткий комментарий с примерами на немецком языке. По итогу студенты должны были сдать четыре списка факторов:

- общий, по их мнению, отражающий современную общегерманскую молодежную тенденцию (список А);
- личный, отражающий их индивидуальное восприятие на современном этапе (список Б);
- вероятно отражающий восприятие факторов молодежью Германии в 1990-е (список В) и в 2000-2010-е годы (список Г).

Годы выбраны исходя из степени близости по времени к возрасту респондентов: большинство из них родились после 2000-х и могут иметь некоторое представление о России из детства. Представление же о 1990-х они могли иметь только в пересказе родителей и других старших (учителей, к примеру), а также из литературы прошлого, фильмов, учебников истории. Однако сделали пометку, что в случае возникновения затруднений можно не выполнять рейтингование для этого периода.

Примечательно, что только в двух опросных листах из 45 были получены абсолютно идентичные 3 или 4 варианта списков (эти работы были исключены нами как погрешность). По периоду 1990-х из оставшихся 43 были даны ответы в 27 опросниках. В остальных же случаях были зафиксированы достаточно любопытные различия, которые мы и представим в следующем разделе статьи.

Обсуждение результатов.

Представим наиболее типичные результаты по спискам А, В и Г. Отметим, что нами был высчитан коэффициент важности фактора: за каждое упоминание в опросе фактор получал по 10 баллов за каждую ступень рейтинга. То есть, если он упоминался на 10 месте, то ему присваивались 10 баллов, если на пятом – 50 условных баллов, если на первом – 100 баллов. Далее баллы из каждого опроса для каждого фактора суммировались и составлялся общий рейтинг факторов. Максимально возможный балл для фактора определялся в $43*100=4300$ баллов (и 2700 для периода 1990-х). Далее мы представим пятерку лидеров факторов по каждому из списков.

Так, согласно общим представлениям молодежи Германии о нынешнем положении дел (список А) к числу наиболее существенных факторов, формирующих современный имидж России, были отнесены следующие:

- Общие политические факторы (4030 баллов).
- Экономические факторы (3850 баллов).
- Фактор политической воли (3420 баллов).
- Роль ресурсов в отношениях (3210 баллов).
- Фактор технологического сотрудничества (1860 баллов).

Факторы, которые представителями студенческого сообщества были вынесены в число лидеров в прошлые эпохи значительно отличаются. Для удобства восприятия представим данные по пятерке факторов-лидеров в каждом временном отрезке в Таблице 1.

Таблица 1. Наиболее частотные факторы, оказывающие влияние на формирование имиджа России в Германии, по мнению студенческой немецкой молодежи

Место в рейтинге	Список А (2024 г.)	Список В (1990-е гг.)	Список Г (2000-2010-е г.)
1	Общие политические факторы (4030 баллов).	Общие политические факторы (2320 баллов).	Роль ресурсов в отношениях (3850 баллов).
2	Экономические факторы (3850 баллов).	Социально-культурные факторы (1550).	Экономические факторы (3100 баллов).
3	Фактор политической воли (3420 баллов).	Исторические факторы (1110 баллов).	Диалог в сфере науки и культуры (2560 баллов).
4	Роль ресурсов в отношениях (3210 баллов).	Фактор технологического сотрудничества (840 баллов).	Общие политические факторы (2050 баллов).
5	Фактор технологического сотрудничества (1860 баллов).	Диалог в сфере науки и культуры (570 баллов).	Туристический фактор (1870 баллов).

Как видим, изменения в факторах, первоочередно влияющих на имидж России в восприятии молодежи Германии, отражают сдвиги в геополитических реалиях, социально-экономических связях и культурных взаимодействиях за последние несколько десятилетий. В 1990-е годы, когда Россия переживала период постсоветской нестабильности, на первый план вышли общие политические факторы. В этот период политический ландшафт в значительной мере определялся внутренними изменениями в России, а также изменением ее позиции на международной арене. Социально-культурные факторы, такие как культурно-научный обмен и общественные связи, участие в международных организациях, также играли значительную роль, что зеркально

отражало интерес и настрой к построению новых связей прежде всего со стороны России.

С переходом в 2000-2010-е годы акцент несколько изменился. Роль ресурсов в отношениях вышла на первый план, что подчеркивает возрастающее значение энергетического сотрудничества и ресурсозависимости Запада в целом, что обострилось на рубеже веков. Экономические факторы заняли второе место – очевидно, в этот период наметился рост взаимовыгодной торговли и инвестиций, что было отмечено и на уровне обывательского восприятия, поскольку все эти веяния звучали во внешнем контексте – с экранов ТВ, со страниц СМИ, из светских разговоров. Более того, диалог в сфере науки и культуры также воспринимался как весомый фактор для того периода: послевкусие Железного занавеса прошло, стратегии выживания 90-х сошли на нет – у России появились иные задачи и возможности для интеграции в культурные и научные мировые сообщества.

Текущий 2024 год отражает этап сильнейшего отдаления стран за последние 30 лет. Общие политические факторы доминируют, что указывает на усиление значения политики в определении отношений между Россией и Германией (специальная военная операция РФ, санкционная западная политика). Экономические факторы остаются критически важными, отражая сохраняющуюся экономическую интеграцию и вызовы, связанные с санкциями и противодействием РФ на международных рынках. Фактор политической воли, появившийся на третьем месте, подчеркивает важность политической решимости, которая, по мнению молодежи, требуется в целях выстраивания нового типа отношений, которые придут на смену существующим разногласиям.

Отметим также, что из пятерки лидеров в 2024 году предсказуемо исчезли туристические факторы, и факторы культурно-научного обмена, активизировавшиеся в период 2000-х, и социальные факторы, занимавшие увереные позиции в формировании образа 1990-х (эмигранты, диаспоры и под.). Согласно данным, в современности наметилась обратная тенденция – возвращения на историческую родину, в Россию.

Как видим, интерес к русской культуре, литературе и искусству остается стойким, однако он все больше смешивается с контекстом современных политических и социальных вызовов. В то же время развитие информационных технологий и цифровых платформ порождает новые формы взаимодействия, позволяя гражданам разных стран обмениваться мнениями и опытом и в настоящее напряженное время.

Одновременно с этим возрастает уровень заимствования и интеграции культурных элементов, что особенно заметно в области науки и технологий. Совместные проекты и исследования, несмотря на политическую напряженность, продолжают укреплять связи между научными сообществами России и Германии, что заметно по количеству междисциплинарных подходов и инновационных разработок. Научные факторы стабильно сохраняют свои позиции, способствуя взаимопониманию и трансферу технологий.

Важным фактором, хотя и менее заметным в предыдущие периоды, становится экология и устойчивое развитие – этот фактор хоть и не входил в пятерку лидеров опроса 2024 года, но занимает устойчивое шестое место и также достоин рассмотрения. Этот аспект отношений подчеркивает растущее в обществе осознание необходимости совместных усилий в борьбе с климатическими изменениями и поддержания экологического баланса. Зеленая энергетика и технологии переработки становятся точками соприкосновения, которые могут способствовать дальнейшему укреплению

сотрудничества и понимания между странами.

Нельзя не отметить и культурный аспект экологических инициатив. Обмен знаниями и опытом в этой сфере способствует формированию нового уровня международного диалога, который выходит за рамки традиционных экономических и политических связей. Молодежь обеих стран через экологические проекты, волонтерские программы и культурные обмены начинает активно взаимодействовать, находя общие точки соприкосновения и развивая чувство ответственности за планету. Это внимание к экологическим вопросам позволяет не только искать эффективные решения для современных проблем, но и формировать основу для долгосрочного сотрудничества и укрепления взаимоотношений между Россией и Германией.

Наконец, достаточно любопытны данные можно получить при сопоставлении списков А (условно объективный рейтинг, которые студенты составляли от лица всей молодежи Германии) и списков Б (субъективный рейтинг, который составлялся ими исходя из личных представлений). Только в 3 работах из принятых к анализу 43 на первом месте рейтинга факторов стояли политические факторы. Чаще других в тройку факторов-лидеров опрашиваемые включали: диалог в сфере науки и культуры (3670 баллов), социально-культурные факторы (3120 баллов) и – что несколько неожиданно – исторические факторы (2340 баллов). Возможно, включение последней группы факторов обусловлено специфической специальностью опрашиваемых, особенностями их картины мира.

Выводы.

Таким образом, формирование имиджа России в Германии – это многокомпонентный процесс, включающий исторические, экономические, политические, культурные и другие аспекты, а следовательно, и факторы, влияющие на конечный образ страны. Как оказалось, имидж России не статическая категория, она подверглась значительным изменениям даже за прошедшие 30-35 лет, о чем свидетельствуют данные опроса студенческой молодежи Германии.

Выстраивая комплексный и многогранный подход к стратегиям внешнего имиджа, опираясь на исследования социологов, психологов и политологов в этой области, Россия, по нашему мнению, имеет возможность укрепить своё влияние на мировой арене. Учет современных реалий и тенденций в международной политике, а также грамотное использование собственных ресурсных преимуществ станут залогом её успеха в этом направлении. Кроме того, как показали результаты проведенного опроса, многие из представителей молодой Германии сохраняют личный интерес к нашей стране и не всегда оценивают ее политику как ведущий фактор.

Библиография

1. Вдовина О.В., Даутова Р.Р. (2013). Плюсы и минусы вступления России в ВТО // РОССИЯ И ВТО: экономические, правовые и социальные аспекты. Сборник статей участников IV Международного научного студенческого конгресса. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. С. 680-682.
2. Жеглова Ю.Г. (2015) Внешнеполитический имидж России ской Федерации: проблема целеполагания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 2 (713). С. 43-55.
3. Жеглова Ю.Г. (2018). Информационное сопровождение внешней политики РФ: дефицит стратегии // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. № 3. С. 313-317.

4. Кочетков В.В. (2020). Роль чемпионата мира по футболу 2018 г. в формировании имиджа России // Вестник Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. Т. 26. № 3. С. 106-126.
5. Мартынова Л.Г. (2011). Современный имидж России: дис. ... канд. полит. наук. М. 151 с.
6. Моисеенко Л.В. (2018). Лингвистические средства выражения медиаобраза России и русских в западных СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 8 (799).
7. Нарбут Н.П., Троцук И.В. (2011). Образы стран-соседей в восприятии студенческой молодежи (по результатам социологических исследований). Вестник РУДН. Серия Социология. № 4. С. 109-117.
8. Озманин М.С. (2019). Имидж современной России в представлении евразийской молодежи в период сирийского кризиса // Вестник экономики, права и социологии. Т. 2. № 3. С. 125-129.
9. Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. (2022). Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг. № 2 (168). С. 66-92.
10. Россия и мир: 2024. (2023). Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. М.: ИМЭМО РАН. 124 с.
11. Семененко И.С. (2007). Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. № 1.
12. Торкунов А., Стрельцов Д. (2023). Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски.
13. Gross G.-D. (2018). Geschichte Osteuropas. Berlin: Springer Verlag.
14. Bergson A. (2020). Wirtschaftsbeziehungen zwischen Russland und Deutschland. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
15. Pfeifer L. (2021). Politische Spannungen und ihre Auswirkungen auf die bilateralen Beziehungen. Hamburg: Nomos Verlag.
16. Schulze, E. (2019). Kulturelle Bindungen und ihre Rolle in der Diplomatie. Bonn: Vandenhoeck & Ruprecht.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают факторы, оказывающие влияние на формирование имиджа России в сознании молодёжи других стран. Учитывая охлаждение отношений России со странами Запада, а также с некоторыми странами постсоветского пространства, актуальность темы формирования имиджа страны на международной арене следует признать весьма высокой. А вот методология исследования декларирована автором довольно противоречиво. Так, заявляется, что «статья носит теоретико-аналитический характер». Однако в процессе исследования проводился дистанционный онлайн-опрос студентов германских университетов (выборка, конечно, маловата, всего 45 респондентов, да и говорить о влиянии тех или иных факторов на молодёжное сознание в целом, анализируя только групповое сознание студентов вузов не совсем корректно, но некоторую информацию о предмете исследования она вполне может дать), а это означает, что статья уже имеет не «теоретико-аналитический характер». К тому же, использование упомянутых автором методов «теоретический

анализ и синтез» в тексте не слишком заметно; скорее речь должна идти о концептуальном анализе научных публикаций, посвящённых исследованию имиджа России в Германии и других странах. Не совсем понятно также значение упомянутого автором «математического анализа». Речь, видимо, идёт о статистической обработке собранных при помощи опроса данных с последующим рейтингованием полученных результатов. Кроме того, не упомянут также метод, который явно был использован (и даже вынесен в заглавие статьи) – факторный анализ. Да, этот метод использовался не в статистическом смысле, но средствами некоего подобия экспериментального опроса (посредством выявления ключевых факторов, оказывающих влияние на предмет исследования, из научных работ), а также анализа результатов воздействия выявленных факторов (посредством опроса студентов), однако это не отменяет сам факт его применения. Тем не менее, не смотря на не совсем корректное представление использованных методов, сами методы применялись автором вполне корректно, что позволило ему получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, следует отметить систематизацию выявленных по результатам предыдущих исследований факторов, оказывающих влияние на формирование имиджа России в сознании молодёжи других стран. Первичная проверка (первичная – по соображениям, отмеченным выше: нельзя подменять предмет исследования, изучая лишь часть этого предмета, то есть опрашивать студентов и проецировать полученные результаты на молодёжное сознание в целом) степени влияния выявленных факторов на материалах опроса также может представлять некоторый научный интерес. Наконец, практический интерес представляют рассуждения автора об изменениях в восприятии имиджа России молодыми людьми в Германии на протяжении последних 30 лет и рекомендации по оптимизации этого процесса. Однако не всё изложенное автором выглядит уместным и необходимым: крайне затянутым и избыточным представляется излишне подробное описание периодизации, которая не имеет никакой научной новизны и не оказывает существенного влияния на результаты проведённого исследования. Вполне можно было бы ограничиться кратким перечислением этапов. Это, пожалуй, единственное замечание по структуре рецензируемой работы. Во всех остальных отношениях она не вызывает существенных нареканий: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что автор предпочёл принятую в мировой науке структуру научных статей IMRAD. Стиль рецензируемой работы научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, в заголовке статьи речь идёт о динамических факторах формирования образа России в восприятии германской молодёжи, а в тексте – о факторах в динамике, что не совсем одно и то же; или повторы слов, например: «цель наших исследований... с целью создания в дальнейшем...», «был составлен опросный лист с просьбой составить рейтинг факторов»; и др.) и грамматических (например, бездефисное написание выражения «практико ориентированное осмысление»; или опечатки, например, «Цель наших исследований – ставить [составить? – рец.] список...»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе упомянутых исключений довольно спорные выражения автора: «массированное влияние» [наиболее сильное, глубокое, масштабное и т. д.? – рец.], «было проанализировано 50 научных и социологически значимых источников (статьи, монографии, публикации в сборниках конференций, данные открытых опросов и статистических анализов)» [почему для анализа отбирались «социологически», а не тематически, концептуально и т. д. значимые источники? что вообще означает выражение «социологические значимые источники» в данном контексте? – рец.] и др.

Однако эти незначительные погрешности практически не оказывают влияния на общую положительную оценку рецензируемой работы. Библиография насчитывает 16 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Однако при оформлении цитирования в тексте допущен целый ряд погрешностей. В частности, смешение стилей цитирования в квадратных скобках с фамилией автора и годом публикации (так называемая «чикагская система») и подробные ссылки в круглых скобках (например: «(подробнее см.: Заец С.В. История России. ХХI век. Хроника основных событий: учебно-методическое пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 48)», «(Юрьев А.И. Образ страны в условиях глобализации // Круглый стол «Образ России: новый контекст», Санкт-Петербург, Гранд Отель Европа, зал «Чайковский», 14 ноября 2003 года.)» и др. В таком виде статью публиковать нельзя, нужно привести цитирование источников к единому стандарту в соответствии с требованиями журнала «Мировая политика». Апелляция к оппонентам имеет место при анализе концептуализации проблемы имиджа России в трудах других исследователей. К отдельно оговариваемым достоинствам статьи можно отнести попытку автора сочетать концептуальный анализ с эмпирической проверкой, хотя и имеющей некоторые погрешности, упомянутые выше.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны политологам, социологам, специалистам в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации после устранения проблем с цитированием. Рецензент рекомендовал бы автору также сократить сюжет с периодизацией во вводной части статьи.

Мировая политика*Правильная ссылка на статью:*

Шлюндт Н.Ю., Нефедов С.А., Боташева А.К. Обратные эффекты от применения финансовых инструментов в международно-политических целях: случай США // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72066 EDN: QBUIRI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72066

Обратные эффекты от применения финансовых инструментов в международно-политических целях: случай США**Шлюндт Надежда Юрьевна**

ORCID: 0000-0001-6269-1247

кандидат юридических наук

доцент, кафедра правовых дисциплин; Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

357108, Россия, Ставропольский край, г. Невинномысск, бул. Мира, 17



✉ nshlundt@yandex.ru

Нефедов Сергей Александрович

ORCID: 0000-0003-2468-9298

доктор политических наук

ведущий научный сотрудник; департамент координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре; Пятигорский государственный университет



357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9

✉ officiell@yandex.ru

Боташева Асият Казиевна

доктор политических наук

профессор; кафедра журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью; Пятигорский государственный университет



357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9

✉ ab-ww@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8671.2024.4.72066

EDN:

QBUIRI

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2024

Аннотация: Предметом исследования выступают финансовые инструменты международно-политического влияния, а именно их политическая результативность и побочные следствия для государств, решившихся на их применение. Сегодня растет объем эмпирических данных, свидетельствующих о том, что США испытывают на себе негативные последствия от применения финансовых инструментов с целью реализации своих внешнеполитических интересов. Появляются научные работы, посвященные таким темам и вопросам, как позитивные финансовые инструменты, обратные результаты и отрицательные реакции финансового принуждения. Новая реальность открывает перед рядом стран, среди которых и Россия, дополнительные возможности для утверждения многополярности и усиления своей роли в формирующемся мировом порядке. Все это актуализирует политологический анализ последствий использования финансовых инструментов, а также попытки систематизации накопленных в этой области знаний. В центре методологической базы исследования – концепция глобальной монетарной силы и соперничества и концепция инструментализации экономической взаимозависимости, развивающиеся в современной политической науке. Использовались методы сравнения, контент-анализа и классификации, давшие возможность обосновать концепт «политическая результативность финансовых инструментов» и систематизировать определенные политico-экономические последствия применения подобных средств, в частности США. Авторы приходят к выводу, что применение США финансовых инструментов негативно отражается не только на глобальной финансовой системе, которую они поддерживают, но и на международно-политической репутации Вашингтона. США, применяя финансовые инструменты, зачастую беспорядочным образом, наталкиваются на сопротивление тех, против кого они обращают финансовое давление. На фоне всех этих событий происходит подрыв доверия к существующей глобальной финансовой системе. Все чаще наблюдается усиление внимания отдельных стран к золоту, отказ ряда государств от доллара в международных расчетах, а также развертывание процесса поиска альтернатив существующим хабам глобальной финансовой системы, которые США пытаются использовать в своих международно-политических целях. В этих условиях задача России состоит в том, чтобы воспользоваться новыми возможностями, формируемыми финансово-политическими просчетами США.

Ключевые слова:

финансовые инструменты, внешняя политика, внешнеполитические инструменты, санкции, международно-политическое влияние, обратные эффекты, финансовое давление, международно-политическая репутация, монетарная многополярность, глобальная финансовая система

Введение и актуальность

Страны Запада во главе с США широко используют в своей внешней политике финансовые инструменты, в том числе и в огромных масштабах против России. Успешно противодействуя внешнему финансовому давлению, Россия способствует формированию

новой реальности, в которой ущерб ощущают страны, решившиеся на применение подобных инструментов. В таких условиях актуальность приобретают не только экономические [1] [2] [3], но и политологические исследования, касающиеся результативности и обратных эффектов применения финансовых инструментов международно-политического влияния, исследования, в которых систематизируются существующие знания в этой области.

Результативность финансовых инструментов внешней политики: историческая проекция

В период с 1960-х по 1990-е гг. включительно в среде ученых, занимающихся исследованием финансовых инструментов внешней политики, велась дискуссия о политической результативности таких инструментов. Большинство исследователей того времени соглашалось с тем, что политически результативными могут быть названы только те инструменты, которые ведут к корректировке политического курса государства-объекта («жертвы» финансового давления) либо к сохранению его курса, если он отвечает интересам государства-субъекта (инициатора финансового давления). При этом одни ученые доказывали, что финансовые инструменты не могут дать каких-либо заметных политических результатов, не могут инициировать требуемые политические изменения, поскольку в их основе лежит «порочная» логика [10]. Другие ученые, отстаивая противоположную точку зрения, защищали финансовые инструменты, утверждая, что многие эмпирические данные указывают на то, что они могут быть вполне успешными [12].

В 2000-2010-е гг. исследовательское внимание сместилось к дифференциации мотивов при оценке результативности финансовых инструментов давления [13, р. 8-14] [7, р. 214-218]. Государство, применяющее финансовые инструменты, может мотивироваться не только стремлением изменить политический курс государства-объекта, но и стремлением передать через них некое сообщение третьим государствам. Так, США часто посредством санкций пытаются заявлять о своем лидерстве в мире. Государства, руководствующиеся этим мотивом, решаются на санкции даже при минимальной вероятности их успеха, т.е. серьезно не рассчитывая на изменение поведения государств-объектов. В этих случаях государства идут на санкции потому, что издержки бездействия, в плане утраты веры в их возможности и волю, расцениваются ими более высокими, чем издержки их применения.

Государство-субъект может посредством финансовых инструментов подталкивать третьи страны к действиям против государства-объекта либо демонстрировать поддержку союзникам [20, р. 108]. Так, в свое время США ввели санкции против Аргентины в ходе Фолклендской войны, чтобы показать поддержку Великобритании, а не получить каких-либо уступок от Буэнос-Айреса [4, р. 323].

Более того, государство, обращающееся к финансовым инструментам, может мотивироваться стремлением решить собственные внутриполитические проблемы. Они, например, помогают правительствам заполучить поддержку собственного населения через апелляцию к патриотическим чувствам или, наоборот, к жажде возмездия. Так, США не раз пытались через санкции оправдать необходимость агрессивных действий за рубежом, подготавливая собственное население к предстоящей войне [11, р. 6].

Современный дискурс о финансовых инструментах

Действия США за последнее десятилетие породили волну исследований, окончательно оформившуюся в начале 2020-х гг., в рамках которой акцент делается на негативных последствиях применения финансовых инструментов для собственно государства-субъекта. Современный дискурс в основном составляют такие темы, как позитивные финансовые инструменты, обратные результаты (backfire) и отрицательные реакции (backlash) финансового принуждения.

Т. Питерсон пытается ответить на вопрос, почему поощряющие финансовые инструменты, несмотря на распространенное мнение о том, что «мед ловит больше мух, чем уксус», получают гораздо меньше внимания, чем принуждающие инструменты. При этом он подчеркивает, что негативные и позитивные инструменты давления во многом аналогичны: и одни и вторые предполагают, что государство-субъект заставляет государство-объект выбирать между сохранением предпочтительного для себя политического курса и внешним требованием. Однако позитивные инструменты, основанные на вознаграждении или поощрительных стимулах за требуемое поведение, дают государству-субъекту больше пространства для маневра, одновременно снижая риск обратной реакции государства-объекта, которая может сорвать его более масштабные внешнеполитические замыслы [\[17, р. 396\]](#).

Как доказывает в своей книге А. Демарэ, американские политики продолжают рассматривать финансовые инструменты дешевым средством достижения внешнеполитических целей, однако практика все больше и больше показывает, что они не продуктивны и, что более важно, имеют побочные эффекты, наносящие вред интересам США. Применение таких инструментов, как пишет А. Демарэ, не только стимулирует различные государства искать средства противодействия им, но и подталкивает их к сотрудничеству друг с другом, иными словами, трансформирует геополитику и глобальную экономику, а также уменьшает международное влияние США [\[6, р. ix-xii\]](#).

Д. Макдауэлл утверждает, что чем больше США используют доллар в качестве инструмента своей внешней политики, тем больше их противники переводят свою экономическую активность на другие валюты, стремясь обезопасить себя от возможного принудительного воздействия Вашингтона [\[14, р. 1-10\]](#). Другими словами, между интенсификацией применения принуждающих финансовых инструментов США и антидолларовой политикой других стран, призванной сократить зависимость от американской валюты, существует очевидная корреляция. Д. Макдауэлл среди прочего замечает, что злоупотребление США финансовыми инструментами понижает их результативность, поскольку противники Вашингтона разрабатывают различные методы и системы для минимизации потенциальных санкционных издержек, например увеличивают золотые резервы [\[16, р. 141-142\]](#).

Политико-экономические последствия применения финансовых инструментов

Применение финансовых инструментов США влечет за собой интенсификацию международных операций с золотом (его репатриацию, покупку и продажу) и отказ от доллара как резервного и платежного средства со стороны других стран.

Золото – не такое ликвидное и удобное средство как доллар, однако присущие ему свойства делают его хорошей защитой от финансового давления со стороны США, которой пользуются уже многие государства. Не считая военного вторжения, США не могут завладеть золотом, находящимся в хранилищах на территориях не подконтрольных

им государств. Золото можно перемещать по всему миру без посредничества цифровых финансовых сетей, что затрудняет отслеживание подобных операций. В сложных для себя обстоятельствах государства могут продать золото за иностранную валюту на черном рынке.

В настоящее время по всему миру увеличивается объем операций в национальных валютах, что бросает вызов господству доллара в глобальном валютном пространстве. Положение доллара в глобальном валютном пространстве объясняется его ведущей ролью в качестве средства обмена и резервного средства. По данным за март 2024 г. доля доллара в глобальных платежах составляла 47% (21% сохраняется за евро) [\[19, р. 3\]](#). На конец 2023 г. доля доллара в мировых валютных резервах равнялась 58% (доля евро – 19%) [\[5\]](#).

Вместе с тем финансово-политическому доминированию США способствует сохранение контроля над институтами, посредством которых происходит трансграничное движение долларов. Рассматривая экономическую взаимозависимость в качестве своеобразного оружия, Г. Фэррелл и А. Ньюмен доказывают, что государства, контролирующие хабы в глобальных сетях, обладают значительными возможностями для принуждения. Ограничив доступ к хабу, такие привилегированные государства могут отрезать своих противников от всей сети. Другими словами, используя преимущество «ключевого места» и преимущество «паноптикума» [\[8, р. 55-56\]](#) [\[9\]](#), они могут нанести серьезный ущерб многим государствам, ставя их тем самым в определенную зависимость.

США контролируют два основных хаба современной глобальной финансовой системы, которые формально являются независимыми, частными организациями: сеть Общества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций, ОВМФТ (Ла-Юльп, Бельгия, 1973; Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication, SWIFT) и Систему межбанковских платежей Клиринговой палаты, СМПКП (Нью-Йорк, США, 1970; Clearing House Interbank Payments System, CHIPS), созданную Компанией по платежам Клиринговой палаты. Государства, стремящиеся к многополярности, все чаще ставят задачу найти альтернативы этим хабам.

Контролируя хабы современной глобальной финансовой системы, США всеми политическими средствами расширяют и поддерживают популярность доллара в мире, поскольку это дает им целый ряд преимуществ. Во-первых, дополнительные средства для покрытия огромных военных расходов и осуществления масштабных внешнеполитических стратегий. Во-вторых, укрепляет связи со многими союзниками, которые уже адаптировали продолларовые политики. В-третьих, дает дополнительные рычаги давления на страны, нуждающиеся в экономической помощи. Среди средств расширения и поддержания привлекательности доллара числятся частные соглашения США со странами-партнерами, как, например, с Германией.

Однако в настоящий момент политическая «помощь» мировой популярности доллара обернулась для США серьезной проблемой [\[15, р. 635\]](#). Возрастающее число государств, которые недовольны или сопротивляются доминированию США, осознают, что, с одной стороны, популярность доллара несет с собой потенциальные издержки, поскольку США могут использовать его как инструмент давления (политико-рисковое измерение проблемы), и что, с другой стороны, подорвав такую популярность, можно нанести прямой ущерб США (политико-инструментальное измерение проблемы). Действительно, покупка долларов иностранными государствами повышает возможности США оказывать санкционное давление и облегчает финансирование их вооруженных сил и военных

кампаний.

Вместе с тем выводы ряда исследований показали, что если угроза применения финансовых инструментов давления не трансформировалась в действия, а действия не давали запланированных результатов, то возрастает вероятность сопротивления со стороны потенциальных государств-объектов. Учитывая специфику финансовых инструментов, заключающуюся в уменьшении их действенности со временем, их применение зачастую ведет к значительному репутационному ущербу государства-субъекта [\[18, р. 672\]](#).

Еще в 1960-е гг. появились работы, где доказывалось наличие символических целей в применении США принудительных финансовых инструментов. Государство, избрав принудительные финансовые инструменты против другого государства, нарушающего ключевые для него нормы, сообщает мировому сообществу о существовании таких норм и о высокой степени их ценности. При анализе политических последствий санкций, в частности полноты достижения запланированных результатов, менее рациональные цели, по мнению Й. Гальтунга, часто игнорируются. Однако государство может оказаться в ситуации, когда по тем или иным причинам нельзя ни с помощью военной силы, ни с помощью других инструментов изменить ход событий. В этом случае финансовые инструменты остаются средством выражения собственной приверженности определенным принципам, средством, сигнализирующем всем о вызывающем осуждение поведении государства-объекта. Как резюмировал Й. Гальтунг, если санкции не служат инструментальным целям государства-субъекта, значит они выполняют для него экспрессивные функции [\[10, р. 411-412\]](#).

К настоящему времени стало очевидным, что применение США принудительных финансовых инструментов, которые не дают желаемых политических результатов, приводит не столько к укреплению выгодных им символических образов, сколько к символической деградации самих США.

Заключение

США, приняв решение использовать финансовые инструменты для решения своих внешнеполитических задач и сталкиваясь с адекватным сопротивлением этому, оказываются перед лицом обратных эффектов от своих действий. Другими словами, они из-за просчетов несут ущерб, который по замыслу должны нести государства-объекты. К основным обратным эффектам можно отнести усиление внимания к золоту, отказ от доллара в международных расчетах, активизацию поиска альтернатив хабам глобальной финансовой системы. Вместе с тем, не добиваясь успеха в деле трансформации экономических издержек в политические дивиденды, они наносят вред своей международно-политической репутации. Следовательно, одной из актуальных задач России сегодня на фоне этого является использование новых возможностей, создаваемых финансово-политическими просчетами США, для укрепления многополярности и своей роли в новом мировом порядке.

Библиография

1. Дзобелова В. Б., Кадзаева Е. И. Обратный эффект антироссийских санкций // Учет и контроль. 2022. № 9. С. 18-20.
2. Капканщикова С. Г., Капканщикова С. В. Экономика стран-санкционеров в российской ловушке большой страны // Международная экономика. 2024. № 2. С. 96-111.
3. Федюнина А. А., Симачев Ю. В. Мир в лабиринте санкций: неоднозначность эмпирических свидетельств // Вопросы экономики. 2024. № 8. С. 5-27.

4. Acevedo D. E. The U. S. Measures Against Argentina Resulting from the Malvinas Conflict // The American Journal of International Law. 1984. Vol. 78. № 2. P. 323-344.
5. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) (March 29, 2024) // IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Demarais A. Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U. S. Interests. New York: Columbia University Press, 2022. 304 p.
7. Doxey M. P. Sanctions Through the Looking Glass: The Spectrum of Goals and Achievements // International Journal. 2000. Vol. 55. № 2. P. 207-223.
8. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependency: How Global Economic Networks Shape State Coercion // The Uses and Abuses of Weaponized Interdependence / Ed. by D. W. Drezner, H. Farrell, A. L. Newman. Washington: Brookings Institution Press, 2021. P. 19-66.
9. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependency: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42-79.
10. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19. № 3. P. 378-416.
11. Gordon J. Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 376 p.
12. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington: Institute for International Economics, 1985. 769 p.
13. Jones L., Portela C. Evaluating the «Success» of International Economic Sanctions: Multiple Goals, Interpretive Methods and Critique: Centre for the Study of Global Security and Development Working Paper 2014/4. London: Queen Mary University, 2014. 21 p.
14. McDowell D. Bucking the Buck: US Financial Sanctions and the International Backlash Against the Dollar. Oxford: Oxford University Press, 2023. 256 p.
15. McDowell D. Financial Sanctions and Political Risk in the International Currency System // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. № 3. P. 635-661.
16. McDowell D. Golden Parachute: Financial Sanctions and Russia's Gold Reserves // Digitalisation and Geopolitics: Catalytic Forces in the (Future) International Monetary System / Ed. by N. Bilotta, F. Botti. Rome: Edizioni Nuova Cultura, 2023. P. 141-157.
17. Peterson T. M. Positive Sanctions, Incentives, and Foreign Policy // The Oxford Handbook of Foreign Policy Analysis / Ed. by J. Kaarbo, C. G. Thies. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 396-411.
18. Peterson T. M. Sending a Message: The Reputation Effect of US Sanction Threat Behavior // International Studies Quarterly. 2013. Vol. 57. № 4. P. 672-682.
19. SWIFT. RMB Tracker Monthly Reporting and Statistics on Renminbi (RMB) Progress Towards Becoming an International Currency: April 2024. La Hulpe: SWIFT, 2024. 9 p.
20. Taylor B. Sanctions as Grand Strategy. Abingdon: Routledge, 2010. 124 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой публикации выступают обратные эффекты от применения финансовых инструментов в международно-политических целях, рассматриваемые авторами на материалах Соединенных Штатов Америки.

Методология исследования базируется на изучении и обобщении сведений из публикаций по рассматриваемой теме.

Актуальность темы авторы связывают с ощущаемой в нашей стране необходимостью противостоять внешнему финансовому давлению со стороны недружественных стран с использованием обратных эффектов применения финансовых инструментов международно-политического влияния.

Научная новизна исследования состоит в выводах о том, что США, приняв решение использовать финансовые инструменты для решения своих внешнеполитических задач и сталкиваясь с адекватным сопротивлением этому, оказываются перед лицом обратных эффектов от своих действий: наносят сами себе репутационный ущерб, а также усиливают внимания к золоту, отказ от доллара в международных расчетах, активизируют поиски альтернативных хабов глобальной финансовой системы.

В статье структурно выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Введение и актуальность, Результативность финансовых инструментов внешней политики: историческая проекция, Современный дискурс о финансовых инструментах, Политико-экономические последствия применения финансовых инструментов, Заключение и Библиография.

В публикации освещена научная дискуссия о политической результативности финансовых инструментов внешней политики, ориентированных на корректировку политического курса государства-объекта («жертвы» финансового давления); акцентировано внимание читателей на негативных последствиях применения финансовых инструментов для самого применяющего финансовые воздействия государства-субъекта; сказано о позитивных финансовых инструментах, обратных результатах и отрицательных реакциях финансового принуждения. Авторы считают, что контроль со стороны США над современной глобальной финансовой системой политическими средствами не только расширяет и поддерживает популярность доллара в мире, но создает потенциальные угрозы для США в виде обратных эффектов: возрастает вероятность сопротивления со стороны потенциальных государств-объектов, что зачастую ведет к значительному репутационному ущербу государства-субъекта. В подтверждение такой позиции в тексте статьи авторы пытаются привести количественные измерения обратных эффектов, освещаемых в публикации, отмечая, что в настоящее время по всему миру увеличивается объем операций в национальных валютах, что бросает вызов господству доллара в глобальном валютном пространстве. Следует отметить, что приводимые численные значения доли доллара и евро в валютных резервах на конец 2023 г. и в глобальных платежах в марте 2024 г. не позволяют выявить тенденции в изменении соответствующих показателей.

Библиографический список включает 20 источников – научные публикации зарубежных и отечественных авторов на английском и русском языках по рассматриваемой проблеме. В тексте статьи имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует тематике журнала «Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию.

Мировая политика*Правильная ссылка на статью:*

Гурковский А.А., Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Международные неправительственные организации в конструктивистской парадигме исследования международных отношений // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72029 EDN: PXMIPC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72029

Международные неправительственные организации в конструктивистской парадигме исследования международных отношений

Гурковский Александр Андреевич

аспирант; кафедра международных отношений, политологии и мировой экономики; Пятигорский государственный университет

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9

✉ gurkovskiy-93@mail.ru

Клычников Юрий Юрьевич

доктор исторических наук

профессор; кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии; Пятигорский государственный университет

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9

✉ klichnikov@mail.ru

Линец Сергей Иванович

доктор исторических наук

профессор; кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии; Пятигорский государственный университет

357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9

✉ linets-history@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72029

EDN:

PXMIPC

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2024

Аннотация: Предмет исследования составляют международные неправительственные организации (МНПО), рассматриваемые как аналитическая единица такой парадигмы исследования международных отношений, как конструктивизм. В отличие от неореализма и неолиберализма, конкурирующих теоретических школ, не оставляющих в целом места МНПО в своих построениях, конструктивизм допускает возможность участия подобных организаций в мировой политике, наделяя их ролью проводников различных идей, принципов и повесток дня, потенциально могущих привести к политическим изменениям. Тем не менее МНПО не концептуализируются конструктивизмом в качестве неких «свободных» акторов, деятельность которых никем не ограничивается. Государства, финансируя МНПО, часто ставят перед ними определенные задачи, делегируя им отдельные свои функции или даже открыто используют их как средство реализации своих международно-политических интересов. Методологию исследования формируют труды К. Уолтца, Д. Миршаймера, Д. Айкенберри, А. Вендта, которые выступают фундаментом ведущих парадигм в исследовании международных отношений (неореализм, неолиберализм, конструктивизм). Вместе с тем применялись методы классификации, сравнения и контент-анализа, позволившие обосновать открытость конструктивизма для МНПО и показать специфику их интерпретации в рамках этой парадигмы. Основными выводами выполненного исследования может считаться следующее. Неореализм и неолиберализм демонстрируют определенное безразличие к МНПО. Неореализм рассматривает государства, борющиеся друг с другом, некоторыми «черными ящиками». Поскольку МНПО базируются в том или ином государстве, то они оказываются внутри этого самого «черного ящика», не заслуживая исследовательского внимания в отличие от великих держав. Согласно положениям неолиберализма глобальный мир и сотрудничество возможны только с распространением и развитием международных институтов, которые инициируют и контролируют опять же ведущие государства, которые, следовательно, и заслуживают первоочередного исследовательского внимания. Конструктивизм, наоборот, допускает международно-политическую значимость МНПО, которые участвуют в формировании идентичностей, в продвижении идей и принципов, в исполнении ролей, могущих инициировать политические изменения.

Ключевые слова:

международные неправительственные организации, негосударственные акторы, методология политической науки, конструктивизм, неореализм, неолиберализм, мировая политика, международно-политическое влияние, отношения зависимости, глобальное гражданское общество

Введение и актуальность

Неореализм и неолиберализм как ведущие парадигмы в исследовании международных отношений демонстрируют определенное безразличие к международным неправительственным организациям (МНПО). В свое время К. Уолтц заметил, что государства не являются и никогда не были единственными международными акторами, однако структуру системы определяют не все акторы, а только главные из них [\[16, р. 88\]](#). Подобного мнения придерживается и Д. Миршаймер, утверждая, что в фокусе всегда находятся великие державы, поскольку они оказывают сильнейшее воздействие на то, что происходит в международной политике [\[12, р. 5\]](#).

Воспринимая государства «черными ящиками», неореалисты игнорируют их внутренние различия. Ни тип режима, ни экономическое устройство, ни институциональный дизайн, по их мнению, не оказывают никакого значимого влияния на поведение государств в рамках международной системы. Другими словами, в неореализме, за исключением различий в географическом положении и военной мощи, не проводится больше никаких различий между государствами. Независимо от своей внутренней организации все государства, как подчеркивается, отдают приоритет оптимизации своих шансов на выживание и, следовательно, действуют сопоставимым образом [4, р. 7]. Поскольку МНПО базируются в том или ином государстве, то они, следуя неореалистской логике, оказываются внутри этого самого «черного ящика», не заслуживая исследовательского внимания в отличие от государств, а точнее великих держав.

Неолиберализм дает больше, чем неореализм, предпосылок к исследованию МНПО. В нем постулируется идея, что в мире возможны разнообразные формы сотрудничества и транснационального взаимодействия, выходящего за пределы функциональной сферы государств. При этом делается акцент на сотрудничестве, ограничивающих международных нормах, глобальном общественном мнении и участии разнообразных негосударственных акторов в мировой политике. Однако неолиберализм в целом игнорирует МНПО, поскольку сконцентрирован на государствах, реже на ТНК, рассматривая их центральными участниках международных отношений.

Согласно положениям неолиберализма глобальный мир и сотрудничество возможны только с распространением и развитием международных институтов. При этом подобное распространение инициируют и контролируют государства, а точнее ведущие государства. Хотя следствием распространения и развития международных институтов оказывается усиление негосударственных акторов, государства считаются в неолиберализме ключевыми акторами. Как утверждают У. Демарс и Д. Дайкзоул, именно исходная идея, что государство – это причина, а международные институты – это следствие, объясняет существующий парадокс: неолиберализм признает многообразие акторов мировой политики, но редко уделяет серьезное внимание кому-либо, кроме государств [6, р. 10].

В отличие от неолиберализма и неореализма конструктивизм в большей мере открыт для МНПО, признавая возможность их участия в мировой политике. МНПО выступают проводниками различных идей, принципов и повесток дня, потенциально могущих привести к политическим изменениям. Вследствие их роли в построении картины мира и попыток проявить свое влияние в рамках разных политических площадок и форумов МНПО оказываются заметной аналитической единицей в конструктивистском подходе. Эти обстоятельства делают актуальным исследование интерпретационных особенностей МНПО в рамках конструктивизма.

Материалы и методы

Основным материалом исследования послужили научные публикации, посвященные как развитию собственно конструктивистской парадигмы (например, Д. Маккорта [10]), так и рассмотрению негосударственных акторов через призму конструктивизма (например, М. Чароунтаки [5]). Методологическим фундаментом выступили известные труды К. Уолтца [17], Д. Миршаймера [12], Д. Айкенберри [8], А. Вендта [18]. Вместе с тем применялись методы классификации, сравнения и контент-анализа, позволившие обосновать аналитическую открытость конструктивизма для МНПО и показать специфику их интерпретации в рамках этой парадигмы.

Ключевые положения конструктивизма

В конструктивизме акцент делается на идентичностях и ролях [\[14\]](#) [\[11\]](#) [\[15\]](#). Конструктивисты критикуют реалистический вывод о том, что анархия, характерная для международного уровня, неизбежно порождает дилемму безопасности, приводящую к конфликту государств. Конструктивисты настаивают на том, что международная система не является чем-то неизменным и поэтому не может определять поведение собственных акторов. Скорее международная система создается через повторяющиеся взаимодействия государств и других субъектов. То, какого вида будет международная система, зависит от ее понимания ключевыми акторами, их нарративов [\[1, с. 87\]](#). Конструктивисты доказывают, что государство будет сотрудничать или конкурировать с другим государством в зависимости от того, как оно определяет свою идентичность и идентичность противоположной стороны [\[3, р. 13-14\]](#).

Все сторонники конструктивизма, независимо от того, к какому они принадлежат поколению, утверждают, что мир создается в результате социальной практики [\[2, с. 6, 8\]](#). Получается, что международная система, включающая институты, акторов, правила, сконструирована социально [\[13\]](#) [\[18\]](#). Международная система не возникает от природы, а является следствием человеческого взаимодействия, она исторически случайна и подвержена изменениям. Субъекты, составляющие систему, интерпретируются в конструктивизме как потенциальные силы, способные привести к изменениям. К таким субъектам относятся МНПО, которые могут оказывать влияние на эволюцию международной системы, где доминируют государства.

Интерпретации МНПО в конструктивизме

Конструктивистские исследования делятся на две группы, для каждой из которых характерна своя интерпретация МНПО: плюралистические и глобалистские [\[6, р. 11-12\]](#). В плюралистических исследованиях МНПО понимаются как элемент транснационального гражданского общества, действующий преимущественно независимо от правительства. Они изображаются как «слуги» обездоленных групп, как «рупор» тех, кто лишен голоса в правительствах и международных правительственные организациях (МПО), как транснациональные «пилигримы», создающие по пути своего следования саморегулирующиеся сообщества вместо деспотического правления. В глобалистских исследованиях МНПО рассматриваются акторами, способствующими соблюдению глобальных норм, акторами, «социализирующими» государства, которые в итоге должны согласиться и принять глобальные нормы. Иногда они называются агентами ООН, несущими власть и порядок в отдаленные районы, гражданскими служащими ООН, отвечающими за реализацию многосторонних соглашений. Если в плюралистической группе МНПО считаются акторами, отстаивающими интересы общества, то в глобалистской группе – акторами, совершенствующими государства.

Природа власти МНПО с точки зрения конструктивизма

Исследуя МНПО, конструктивисты часто задаются вопросом, каким типом власти обладают эти организации. МНПО не имеют таких властных ресурсов, которыми располагают государства, они не представляют собой суверенного актора и по этой причине юридически не равны государствам. Тем не менее они – участники международной политики, обладающие некоторой властью. Власть МНПО, как подчеркивают конструктивисты, основывается на убеждении, посредством которого они пытаются показать, что существуют альтернативные способы организации современных

социальных и политических структур. Их деятельность не предполагает принуждения, вместо принуждения используется убедительная коммуникация, ориентированная на формирование или изменение понимания того, как устроен мир и почему он так устроен [\[3, р. 14-15\]](#).

Конструктивисты называют МНПО носителями одного из видов частной власти – моральной власти. Моральная власть проистекает не из возможностей принуждения тех, кто собирается ее осуществлять, а из согласия тех, кто будет ей подчиняться. Согласие, в свою очередь, зависит от убеждения и доверия. Р. Холл и Т. Бирштакер заметили, что согласие на власть социально конструируется множеством различных политических и риторических практик – от поведенческого позволения до режима, норм и публичных заявлений о признании [\[7, р. 6\]](#).

Моральная власть МНПО, согласно конструктивизму, объясняется тремя присущими им характеристиками. Во-первых, МНПО – это акторы, которые занимаются постановкой повестки дня. Они способны поднимать важные вопросы на международной арене. Во-вторых, они часто обладают опытом, который может считаться уникальным. Многие МНПО проводят экспертные консультации, стремясь повлиять на политические предпочтения. В-третьих, они претендуют на объективность и нейтральность, будучи негосударственными акторами. Считается, что многие МНПО действуют «нормативно прогрессивным образом» в качестве морального авторитета [\[7, р. 14\]](#).

Независимость МНПО: конструктивистская позиция

При этом конструктивисты не идеализируют МНПО в плане их независимости. Вовлечение МНПО в процессы управления, как утверждается, лишь дополняет, но не подменяет регулирующую деятельность государств и МПО. Многие МНПО получают огромные объемы финансирования от государств, которые тем самым приобретают возможность делегировать им некоторые свои функции или кооптировать их полностью с целью реализации собственных интересов. Следовательно, деятельность МНПО зачастую продолжает подчиняться государственно-иерархическому порядку, находясь «в тени» государств [\[9, р. 122\]](#).

В контексте конструктивистских рассуждений МНПО представляют собой агентов множества разнообразных идей, которые находят отклик среди определенных групп и индивидов, готовых финансово обеспечивать их деятельность. Вместе с тем, как подчеркивают конструктивисты, МНПО зачастую выступают в роли исполнителей, не руководствуясь ни логикой рационализма, ни логикой целесообразности.

В целом ученые, работающие в рамках конструктивистской парадигмы, сходятся во мнении, что их методология, сосредоточенная на идентичностях и ролях, идеях и дискурсах, хорошо подходит для анализа МНПО, поскольку предлагает полезные инструменты для понимания и объяснения деятельности этих акторов в различных политических обстоятельствах. Конструктивизм представляет собой методологическую площадку для исследований международных отношений с точки зрения разграничения публичной и частной сфер. Он не исключает того, что МНПО, функционирующие в разных общественных областях, могут при определенных условиях стать реальными проводниками структурных изменений, которые со временем могут перерости в системные трансформации. Однако при других ситуациях они могут сильно зависеть от государств.

Конструктивисты также отмечают, что в деятельности МНПО находят отражение многие

конструктивистские принципы, т.е. МНПО эмпирически обосновывают основные положения конструктивистской парадигмы. Они обладают потенциалом влияния, ведя пропаганду, участвуя в установке повестки дня и мониторинге. Имея соответствующие ресурсы и определенный авторитет, они, как подчеркивают конструктивисты, формируют идентичности, создают системы норм и генерируют знания, которые могут способствовать политическим изменениям, в которых заинтересованы определенные стороны, а также подрыву легитимности институтов тех или иных стран [\[9, р. 123-124\]](#).

Заключение

Таким образом, в конструктивистской парадигме МНПО интерпретируются либо как элемент транснационального гражданского общества, действующий во многом независимо от правительства, либо как акторы, способствующие соблюдению глобальных норм и «социализирующие» государства. Конструктивизм признает возможность участия МНПО в мировой политике, поскольку они зачастую являются проводниками различных идей, принципов и повесток дня, потенциально могущих привести к политическим изменениям. При этом конструктивизм далек от того, чтобы именовать МНПО полностью независимыми акторами. Вовлечение МНПО в процессы глобального управления только дополняет, но никак не подменяет регулирующую деятельность государств и МПО. Многие МНПО напрямую финансируются государствами. Последние тем самым получают возможность делегировать МНПО некоторые свои функции или кооптировать их полностью с целью реализации собственных международно-политических интересов. На основе этого можно утверждать, что конструктивистская интерпретация МНПО, постулирующая их включенность в государственно-иерархический порядок, в какой-то мере коррелирует с «государственным подходом» к исследованию МНПО, разрабатывающимся в современной политической науке.

Библиография

1. Алексеева Т. А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 77-93.
2. Алексеева Т. А. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // Социальные и гуманистические знания. 2022. № 1. С. 6-21.
3. Ahmed S., Potter D. M. NGOs in International Politics. Boulder: Kumarian Press, 2006. 285 р.
4. Buck D., Hosli M. O. Traditional Theories of International Relations // The Changing Global Order: Challenges and Prospects / Ed. by M.O. Hosli, J. Selleslags. Cham: Springer, 2020. Р. 3-22.
5. Charountaki M. Conceptualising Non-State Actors in International Relations // Mapping Non-State Actors in International Relations / Ed. by M. Charountaki, D. Irrera. Cham: Springer, 2022. Р. 1-16.
6. DeMars W. E., Dijkzeul D. Introduction: NGOing // The NGO Challenge for International Relations Theory / Ed. by W. E. DeMars, D. Dijkzeul. Abingdon: Routledge, 2015. Р. 3-38.
7. Hall R. B., Biersteker T. J. The Emergence of Private Authority in the International System // The Emergence of Private Authority in Global Governance / Ed. by R. B. Hall, T. J. Biersteker. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Р. 3-22.
8. Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 р.
9. Lilyblad C. M. NGOs in Constructivist International Relations Theory // Routledge Handbook of NGOs and International Relations / Ed. by T. Davies. Abingdon: Routledge, 2019. Р. 113-127.
10. McCourt D. M. The New Constructivism in International Relations Theory. Bristol: Bristol

- University Press, 2022. 225 p.
11. McDonald M. Constructivisms // Security Studies: An Introduction / Ed. by P. D. Williams, M. McDonald. Abingdon: Routledge, 2023. P. 52-66.
12. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, 2003. 592 p.
13. Onuf N. G. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina Press, 1989. 341 p.
14. Park S. Constructivism // International Organization and Global Governance / Ed. by T. G. Weiss, R. Wilkinson. Abingdon: Routledge, 2023. P. 133-143.
15. Reus-Smit C. Constructivism // Theories of International Relations / Ed. by R. Devetak, J. True. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 188-206.
16. Waltz K. N. Political Structures // Neorealism and Its Critics / Ed. by R. O. Keohane. New York: Columbia University Press, 1986. P. 70-97.
17. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 256 p.
18. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 450 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает концепт международных неправительственных организаций (далее МНПО) в различных теориях международных отношений. Учитывая широкое распространение, а также всё возрастающее влияние на мировую политику различных МНПО, актуальность выбранной автором темы следует признать достаточно высокой. А вот методология исследования проработана автором не очень хорошо. С одной стороны, в рецензируемой работе раскрывается источник эмпирического материала, но с другой стороны в качестве «методологической базы» называются «известные труды» (которые, разумеется, могут быть теоретической, но никак не методологической базой), а также научные практики и процедуры, которые не являются методами вообще («метод классификации», например). В числе «нормальных» методов названы только сравнительный (который *de facto* никак не используется в работе, поскольку ничего ни с чем не сравнивалось в процессе исследования) и контент-анализ, который, строго говоря, также практически не используется в работе. Тем более он никак не решает той задачи, о которой говорит автор: «обосновать аналитическую открытость [что вообще означает данное выражение? – рец.] конструктивизма для МНПО». Для того, чтобы выяснить эвристический потенциал той или иной концепции/метода/подхода и т. д. нужны другие методологические средства. Из того, применение чего удалось обнаружить рецензенту в рецензируемой работе, это метод критического концептуального анализа научных публикаций по предмету исследования, а также некоторые элементы институционального анализа. Вполне корректное применение указанных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны. Прежде всего, речь о выявленных различиях между двумя концептами международных неправительственных организаций в рамках конструктивистского подхода к исследованию мировой политики. Определённый интерес представляют также обнаруженные автором параллели между конструктивистским подходом к исследованию МНПО, и неореалистским подходом в международных отношениях. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное

впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение и актуальность», где ставится научная задача, обосновывается её актуальность, а также даётся краткий обзор основных подходов к её решению; - «Материалы и методы», где осуществляется (не очень удачная) попытка теоретико-методологической рефлексии; - «Ключевые положения конструктивизма», где раскрываются основные концептуальные положения конструктивистского подхода к мировой политике; - «Интерпретации МНПО в конструктивизме» - не очень удачный заголовок, учитывая, что следующие два заголовка также относятся к «интерпретации МНПО в конструктивизме», но являются частными случаями этой интерпретации, касающейся проблем власти («Природа власти МНПО с точки зрения конструктивизма») и независимости МНПО («Независимость МНПО: конструктивистская позиция»); - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, не очень удачные с точки зрения стиля выражения вроде «Воспринимая государства "черными ящиками"»; двусмысленности встречаются и в других предложениях, например, совершенно невозможно понять, «кто на ком стоял», кто кому делегировал и кто кого кооптировал в предложении «Последние тем самым получают возможность делегировать МНПО некоторые свои функции или кооптировать их полностью с целью реализации собственных международно-политических интересов»; или одушевление неодушевлённого существительного «государство» в предложении «Неолиберализм... редко уделяет серьезное внимание кому-либо [чему-либо? - рец.], кроме государств»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Рассматривая их центральными участниками международных отношений»; или пропущенные запятые, обособляющие обороты «согласно чему-то/кому-то», «в отличие от» и др. в предложениях «Согласно положениям неолиберализма глобальный мир и сотрудничество возможны...», «В отличие от неолиберализма и неореализма конструктивизм в большей мере открыт...»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе упомянутых исключений - «модное» слово «коррелировать/корреляция», которая означает статистическую связь, хотя нередко употребляется в расширительном смысле наличия связи между двумя явлениями. Но даже в таком широком понимании «интерпретация», взятая из одного подхода, не может «коррелировать» с другим подходом, хотя автор именно об этом и говорит: «...Конструктивистская интерпретация МНПО... в какой-то мере коррелирует с "государственным подходом" к исследованию МНПО...» О какой связи между двумя интерпретациями может идти речь в данном случае? Библиография насчитывает 18 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении альтернативных подходов к МНПО в теории международных отношений.

ОБЩИЙ ВЫВОД: несмотря на некоторую конспективность, предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны политологам, социологам, специалистам в области мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Малашевская М.Н. Культурная дипломатия Японии в КНР в 1970-1980-е гг. на примере деятельности Иноуэ Ясуси и Японо-китайской ассоциации культурных обменов // Мировая политика. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2024.4.72607 EDN: PUIJVC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72607

Культурная дипломатия Японии в КНР в 1970-1980-е гг. на примере деятельности Иноуэ Ясуси и Японо-китайской ассоциации культурных обменов

Малашевская Мария Николаевна

ORCID: 0000-0003-3087-8722

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, оф. 4а



m.malashewskaia@spbu.ru

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2024.4.72607

EDN:

PUIJVC

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2024

Аннотация: Двусторонние японо-китайские культурные связи в 1970-х – 1980-х гг. получили мощный импульс к развитию на фоне укрепления двусторонних отношений в 1970-х гг. и начавшегося поворота китайской внешней политики в сторону наращивания связей со странами рыночной экономики. Традиционно культурный трансфер из Китая в Японию занимал центральное место в контактах двух государств, однако в XX столетии политические отношения и культурный диалог пережили череду драматических изменений; после окончания Второй мировой войны несмотря на идеологические противоречия, культурные контакты между КНР и Японией устойчиво расширялись. Культурная дипломатия выступала одним из столпов внешней политики Японии в послевоенный период, однако китайское направление демонстрировало автономность от дипломатии в отношении других азиатских стран. Цель данной статьи состоит в изучении развития культурного диалога между Японией и Китаем в пятнадцатилетие,

последовавшее за нормализацией японо-китайских отношений в 1972-м г., путем исследования трех каналов дипломатии: официальной культурной деятельности МИД, культурной дипломатии общественных организаций и деятельности председателя японского Пен-клуба и известного писателя Иноуэ Ясуси. Новизна статьи состоит в том, что в ней рассмотрена деятельность общественных организаций и отдельных интеллектуалов, которые компенсировали отсутствие полнокровных отношений между Японией и КНР в 1950 – 1970-е гг., и определяли конкретное наполнение культурной дипломатии Японии в Китае после нормализации диалога в 1972 г. В статье выделены три этапа становления японо-китайских культурных контактов в 1950 – 1980-е гг., даны их характеристики и раскрыто основное содержание контактов на гражданском уровне, отмечены важные культурные проекты, например, особый проект по изучению и освещению истории Великого шёлкового пути на территории Китая. Канал гражданской культурной дипломатии и персональная роль Иноуэ Ясуси сыграли заметную роль в выстраивании конструктивного японо-китайского диалога на фоне дефицита официальных связей двух стран в 1950-1980-е гг.

Ключевые слова:

Японо-китайские культурные связи, Иноуэ Ясуси, Шелковый путь, культурная дипломатия, гражданская дипломатия, международные проекты, молодежные обмены, Западный край, Японский пен-клуб, международные отношения

Введение

Япония и Китай обладают богатой многовековой историей двусторонних контактов: воздействие китайской культуры на японское общество в двухтысячелетней перспективе сложно переоценить. Китай традиционно выступал для Японии донором высокой культуры, норм права, принципов социально-экономического устройства: на протяжении столетий художественная, научная и документальная литература Китая входила в библиотеку каждого образованного японца. После открытия Японии в (1853 - 1854) и в эпоху Мэйдзи (1868 – 1912) китайская традиция подверглась остракизму со стороны нового образованного слоя вестернизированных интеллектуалов из-за своего несоответствия новой норме прогресса и цивилизации. Тем не менее, путешествия в Китай, которые стали значительно доступнее по сравнению с эпохой «закрытой страны», позволяли новым японским вояжерам соприкоснуться с древней культурой, китайский язык (иероглифика) выступал в роли посредника между японской и западной культурами, китайская ученость продолжала сохранять важное место в процессе образования массы японской интеллигенции. Несмотря на агрессию Японии в отношении Китая в первой половине XX столетия, интерес к китайской культуре среди японских интеллектуалов не угасал. В эпоху Мэйдзи получило импульс к развитию японское востоковедение и китаеведение, выросшее на богатой традиции кангаку (китаведение). В первой трети XX века японские синологи сделали большой вклад в изучение истории Китая, в частности, Сиратори Куракити, Уно Тэцуто, Като Тораноскэ, Сионоя Он, Мисима Тюсю. Японские путешественники, как убедительно показал Дж. Фогель, стремились посетить Империю Цин на рубеже XIX – XX вв., чтобы увидеть заповедник древней истории, знакомой по художественной литературе и историческим сочинениям: «для того, чтобы понять Китай, необходимо было совершить туда путешествие» [\[1, с. xv\]](#). Соответственно, путешествие делало свидетельства очевидца достоверными в глазах соотечественников. В то же время японские интеллектуальные круги выступали

посредником в передаче знаний о Западе и западных идеях для китайских мыслителей и реформаторов благодаря общей иероглифической письменной традиции. В этой связи особенно выделяются имена Лян Цичао, Кан Ювей, Чан Кайши, Сунь Ятсэн, внесших весомый вклад в преобразование Китая в первой четверти XX в.

Несмотря на трагический период японской агрессии против Китая в 1930 – 1940-е гг., культурный диалог между народами продолжал играть немаловажную роль в интеллектуальных практиках японских интеллектуалов. Журналист, прозаик, эссеист и поэт Иноуэ Ясуси (1907 – 1991), глубоко увлекался историей Китая и китайской поэзией еще в студенческие годы. После окончания войны середины 1950-х гг. писатель активно включился в налаживание культурных связей с Китайской народной республикой посредством своего литературного творчества и участия в гражданской культурной дипломатии. Это происходило на фоне интенсивного развития неофициальных контактов между КНР и Японией. Например, на встрече общественной организации Ассоциация японо-китайской торговли в 1960-м г. премьер госсовета КНР Чжоу Энлай отметил, что двусторонние контакты стоят на трех китах: межправительственном сотрудничестве, дружественных соглашениях между японскими и китайскими предприятиями и личных контактах (周恩来中国首相の対日貿易3原則に関する談話. 27.08.1960 // 日本外交主要文書・年表(1). 中共対日重要言論集第6集. 1960 [Беседа с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем о трех принципах торговли с Японией. 27.08.1960 // Документы Министерства иностранных дел. Сборник заявлений КНР в отношении Японии: 6 т.] // База данных Национального института политологии «Япония и мир». URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/JPCN/19600827.S1J.html> (дата обращения: 15.11.2024)). Такой тип связей господствовал в двустороннем диалоге в 1960-е гг. на фоне дефицита официальных каналов связей.

Японо-китайские отношения в XX в. достаточно глубоко исследованы в отечественной и зарубежной историографии в работах советских и российских ученых, однако в них отдается приоритет изучению двусторонних экономических, политических, идеологических аспектов [2 - 10], однако проблема культурных контактов рассмотрена слабо и культурной дипломатии Японии в отношении КНР на фоне отсутствия официальных контактов, а затем их нормализации и восстановления в 1970-е гг. Ч. Ли отметил основной вектор диалога Японии и Китая в 1970-е гг., поставив на первое место экономическое партнерство, он писал: «В десятилетие после нормализации отношений в 1972 г. Япония и КНР достигли высокого уровня двустороннего сотрудничество <...> Китай охотно приветствует японский капитал и технологии в рамках амбициозной политики “четырех модернизаций”, и Япония пытается удовлетворить законные дипломатические и экономические устремления Китая посредством государственных займов, совместных предприятий, передачи технологий и освоения ресурсов» [5, с. 371]. Иноуэ Масая отметил, рубеж 1970 – 1980-х гг. стал периодом, когда Китай и Япония впервые сформулировали общие цели экономического развития [9, с. 151]. П.В. Кульнова отмечает, что после 1972 г. началось сближение стран в разных областях сотрудничества и произошел качественный переход двусторонних отношений на новый уровень развития [4, с. 20]. Многие исследователи отмечают переход экономического и политического диалога на новый уровень, однако культурное сотрудничество остается за рамками основной массы работ. Для послевоенной внешней политики Японии публичная и культурная дипломатия, становится одним из приоритетных направлений наряду с экономической дипломатией и миротворческой деятельностью за рубежом [11, с. 3]. Азиатский регион выступал важнейшим реципиентом как японской экономической помощи, так и мероприятий в рамках программы культурной дипломатии, призванной

изменить послевоенный имидж Японии в более позитивную сторону.

Цель данной статьи состоит в изучении культурной дипломатии Японии в Китае в пятнадцатилетие, последовавшее за нормализацией японо-китайских отношений в 1972-м г., путем исследования трех каналов дипломатии: основного вектора культурной деятельности официальных органов исполнительной власти Японии, культурной дипломатии общественных организаций и творческой и культурной деятельности председателя японского союза писателей Иноуэ Ясуси, выступившего в роли представителя той части интеллектуальной элиты Японии, которая была настроена в пользу диалога с КНР. Для достижения поставленной цели применены биографический метод, историко-проблемный и историко-генетический методы, изучение развития культурных контактов через опыт одной личности (Иноуэ Ясуси). Особой темой, которой отмечено литературное творчество (художественная и документальная проза) Иноуэ – это проблематика взаимодействия т.н. «Западного края» (кит. Силюй, яп. Сэйики, исторический и культурный регион Центральной и Внутренней Азии, Туркестан, объединяет страны Великого шелкового пути) и Китая: данной теме посвящены новеллы и романы 1950 – 1960-х гг., в текстах которых автор осмысливает историю Китая в его взаимосвязях с народами Западного края и конституирует одну из деидеологизированных моделей восприятия Китая как историко-культурного феномена, неразрывно взаимосвязанного с историей окружающих кочевых народов разветвленной системой путей, в частности Великого шёлкового пути. Документальная проза Иноуэ Ясуси открывала перед японским читателем, а в 1980-е гг. перед зрителем мир китайской части Туркестана, куда стало возможно попасть в 1970-е гг. на фоне улучшения двусторонних контактов. В статье прослеживается участие Иноуэ Ясуси в развитии японо-китайских культурных контактов на трех этапах исторического развития послевоенных отношений.

Первый этап развития японо-китайских культурных связей (середина 1950-х – 1972 гг.): гражданская дипломатия и частные контакты

Характер деятельности Иноуэ Ясуси выявляет исторические особенности японо-китайских отношений послевоенной эпохи: поскольку с 1952 по 1972 гг. японское правительство признавало легитимным правительство Республики Китай на Тайване, то диалог с КНР (т.н. «пекинским правительством» в японских дипломатических документах) велся на гражданском уровне, в частности, через общества дружбы, частных лиц (предпринимателей и политиков, наносивших неофициальные визиты в Китай). В 1950-е гг. между Японией и КНР не были установлены официальные дипломатические контакты, их заменой служили двусторонние гражданские организации, такие как общества дружбы, Ассоциация по продвижению международной торговли (JAPIT), Центр японо-китайской дружбы (основан в 1953 г., JCFC), Японо-китайская ассоциация культурных обменов. 23 марта 1956 г. Иноуэ Ясуси стал одним из инициаторов создания Японо-китайской ассоциации культурных обменов, обеспечивавшую культурную дипломатию Японии в КНР в последующие десятилетия. Цель организации состояла в налаживании японо-китайских гуманитарных связей в области науки, технологий, кинематографа, литературы, театра и спорта (日中文化交流 : 1957年 [Японо-китайский культурный обмен. 1957 г.] 2006. № 716 (6) // Сайт Японо-китайской ассоциации культурных обменов. URL: <http://www.nicchubunka1956.jp/wp-content/uploads/2017/06/P006-009.pdf> (дата обращения: 15.11.2024)). Уже в 1957-м г. в Китай и Япония обменялись визитами делегаций спортсменов, археологов, артистов театра и балета: в частности, была организована поездка японских ученых в буддийский пещерный комплекс Дуньхуан (日中文化交流 : 1957年 [Японо-китайский культурный обмен. 1957 г.] 2006. № 716 (6). Указ.

источн.). Активное участие в работе ассоциации стало важной вехой в практической деятельности Иноуэ Ясуси в деле налаживания и расширения двусторонних межличностных культурных связей: в 1957 г. он совершил первый визит в КНР в составе делегации японских писателей (日中文化交流 : 1957年 [Японо-китайский культурный обмен. 1957 г.] 2006. № 716 (6). Указ. источн.). На протяжении двадцати лет прозаик регулярно посещал страну по линии ассоциации, участвовал в совместных культурных мероприятиях и встречах с китайскими деятелями культуры, занимался приемом дружественных делегаций из Китая в Японии, возглавлял делегации японских литераторов во время поездок в КНР [12, с. 174-180]. За свою деятельность в деле укрепления японо-китайских созидаательных культурных контактов Иноуэ Ясуси заслужил доверие со стороны китайской культурной элиты. Его романы и автобиографические произведения о Западном крае – регионе Великого шёлкового пути – пользуются уважением среди жителей страны; деятельность писателя оценивается в качестве «мягкой силы» Японии в КНР (莫邦富. 中国でも尊敬される小説家 井上靖さん、山崎豊子さんの思い出. [Мо Банфу. Воспоминания Ямасаки Тоёко об уважаемом даже в Китае писателе Иноуэ Ясуси] // Электронный журнал Diamond-online. URL: <https://diamond.jp/articles/-/42505> (дата обращения: 15.11.2024)). Однако эта деятельность носила исключительно общественный характер на фоне отсутствия официальных культурных, технических и экономических контактов.

В 1960-е гг. японская дипломатия в Азии расширяла культурный, технологический диалог и молодежные обмены со странами Юго-Восточной Азии, Тайванем, Республикой Корея, Индией, хотя значительная часть официальных культурных мероприятий (кинофестивали, выставки, театральные выступления) проводилась для европейских государств, отдельных стран Латинской Америки, США и Азии (外交青書 : 昭和44年版わが外交の近況. 第13号 (1969). 第2部. 各説 第6章. 情報文化活動の大要 國際文化交流の現状 [Синяя книга по дипломатии: Положение дел в нашей дипломатии за 44 г. эры Сёва. (Номер 13). Часть 2. Основные проблемы нашей дипломатии. Обзор культурно-информационной деятельности: информационный и культурный обмен] // Официальный сайт МИД Японии. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1969/s43-13-2-6-4.htm#1> (дата обращения: 15.11.2024)). Отсутствие официальных культурных мероприятий в КНР покрывалось активной деятельностью Ассоциации японо-китайских культурных обменов: с 1957 по 1972 г. эта организация проводила регулярные ежемесячные обмены делегациями японских и китайских спортсменов, художников, писателей (при содействии ассоциации в 1960-м г. КНР посетил Оэ Кэндзабуро), ученых, преподавателей китайского языка; в частности, компания NHK посещала Китай по линии Ассоциации: в октябре 1965 г. в КНР прибыла группа кинодокументалистов для съемок фильма «Традиции китайской цивилизации» (日中文化交流 : 1965年 [Японо-китайский культурный обмен. 1965 г.] 2006. № 716 (22) // Сайт Японо-китайской ассоциации культурных обменов. URL: <http://www.nicchubunka1956.jp/wp-content/uploads/2017/06/P022-023.pdf> (дата обращения: 15.11.2024)). Международно-политическая ситуация и внутриполитические события оказывали мощное влияние на японо-китайские культурные связи, но ассоциация японо-китайских культурных обменов не прекращала устраивать визиты японских делегаций и приема китайских общественных деятелей в 1960-е гг., сохранялся стабильный характер диалога в области культуры. Организация выступала центральным инструментом японской культурной дипломатии в КНР.

До нормализации японо-китайских межгосударственных отношений основным инструментом развития частных контактов выступали персональные контакты и деятельность общественных организаций. Информация о меняющемся Китае распространялась через деятелей культуры, которые посещали КНР с дружественными

визитами, а также через журналистов: в 1964 г. было подписано «Японо-китайское соглашение о журналистской деятельности», согласно которому восемь японских информационных компаний получили возможность направить в Китай своих корреспондентов [13, с. 67].

Второй этап развития японо-китайских культурных связей (1972 – 1979 гг.): поиски точек соприкосновения и расширение возможностей гражданской дипломатии

Резкая перемена политики США в отношении КНР в 1971 – 1972 гг. не привела к стремительному расширению культурных мероприятий и обменов со стороны официального Токио, в том числе по линии созданного в 1972 г. Японского фонда [14, с. 48]. Диалог Токио и Пекина в основном сосредоточился на экономическом сотрудничестве. Для укрепления межнациональной дружбы немаловажную роль сыграли символические акции: в октябре 1972 г. китайская сторона подарила зоопарку Уэно двух панд в знак дружбы [4, с. 19]. «Дипломатия панд» применялась китайской стороной еще в 1940-1950-е гг. и выступала важным сигналом сближения и установления долгосрочной дружбы (Японии панды передавались несколько раз, в том числе для исследовательских целей) [15, с. 26]. Японский дипломат Тамба Минору, служивший в посольстве Японии в КНР в 1972 – 1975 гг., отмечал напряженный характер связей между японскими дипломатами и представителями китайского общества. Он прибыл в Пекин после нормализации дипломатических отношений в 1972 г. и отметил, что информация о КНР крайне скучна, и японским дипломатам, служащим там, крайне важно делиться с коллегами впечатлениями и сведениями, полученными из личного опыта пребывания в Китае [16, с. 106]. Данное замечание говорит о том, что несмотря на усилия общественных организаций по созданию условий для обмена информацией друг о друге в 1950 – 1960-е гг. и проведению дружественных встреч, к середине 1970-х гг. ощущался недостаток сведений о Китае в Японии. Ассоциации японо-китайских культурных обменов тем не менее продолжала организовывать поездки японских делегаций в КНР: в 1975 г. Китай посетила очередная делегация японских писателей, которую возглавил Иноуэ Ясуси, а в ее состав вошел и другой известный романист – Сиба Рётаро (1923 – 1996). Иноуэ Ясуси, завязавший тесные отношения с китайскими писателями, посещал КНР в годы «Культурной революции», но не имел возможности встречаться с некоторыми писателями (Ба Цзинь, Ся Янем, Цао Юй), их встреча состоялась только в мае 1975 г. (日中文化交流 : 1975年 [Японо-китайский культурный обмен. 1975 г.] 2006. № 716 (38) // Сайт Японо-китайской ассоциации культурных обменов. URL: <http://www.nicchubunka1956.jp/wp-content/uploads/2017/06/P038-039.pdf> (дата обращения: 15.11.2024)). Середина 1970-х гг. стала переломным моментом в японо-китайских культурных связях, хотя это направление демонстрировало определенную автономность от других направлений азиатской дипломатии Японии [14, с. 49].

Третий этап развития японо-китайских культурных связей (1979 – 1989 гг.): от обмена делегациями к совместным культурным проектам

В конце 1970-х гг. сложились благоприятные дипломатические условия для осуществления поездок Иноуэ Ясуси и других японских деятелей культуры в Китай на фоне интенсификации двусторонних отношений после нормализации государственных отношений в 1972 г. Этот диалог значительно расширился в связи с политикой китайского лидера Дэн Сяопина, совершившего визит в Японию в октябре 1978 г. после подписания 12 августа того же года «Договора о мире и дружбе между Японией и Китайской Народной Республикой» (外交青書:わが外交の近況 1978年版(第22号). 第3章. わが国の

行つた外交努力. 第1節. 各国との関係の増進 [Синяя книга по дипломатии за 1978 г.: Положение дел в нашей дипломатии за 1978 г. (Номер 22). Глава 3. Дипломатические усилия, предпринятые нашей страной. Раздел 1. Развитие связей с отдельными странами]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1978/s53-1-3-1.htm> (дата обращения: 15.11.2024)). Дэн Сяопин провел встречи с представителями японского правительства, а также с основателем компании Matsushita Electric (Panasonic) Мацусита Коносекэ, который несколькими месяцами ранее посещал Китай (*Fleet J.D. Van. Mr. Deng goes to Tokyo. 21.10.2021 // The China Project*. URL: <https://thechinaproject.com/2021/10/21/mr-deng-goes-to-tokyo/> (дата обращения: 15.11.2024)), выступая, как и Иноуэ Ясуси, в качестве культурного посла. В феврале 1979 г. Дэн Сяопин совершил второй визит в Японию, обозначив высокий уровень заинтересованности в развитии двусторонних связей, преследуя цель использовать экономический и технологический потенциал Японии для полномасштабной модернизации китайской экономической системы [17]. Э. Вогель подчеркивает определенную конкуренцию Японии и Китая за модернизацию, отметив, что поездки Дэн Сяопина в страны Западной Европы, США и Японию в 1977 -1980-х гг. по значимости для модернизации национальной экономики были сопоставимы с миссией Ивакура, отправившейся из Японии за границу в 1871 - 1873 гг. [17]. 1980-е гг. обозначились расширением и углублением двусторонних контактов в социально-экономической сфере и культурной области, хотя после 1982 г. страны столкнулись с политическими трениями по вопросам исторической памяти. Тем не менее, по оценке японских специалистов 1980-е гг. стали «самым лучшим десятилетием в японо-китайских отношениях» [18, с. 119]. Экономический диалог стоял в центре двусторонних отношений, а идеологические противоречия уступили место культурному единству [19, с. 146].

Видный специалист по культурной дипломатии Японии Огуря Кадзую подчеркнул, что в процессе становления послевоенного «международного сообщества» преимущественное значение приобрели идентичность, идеи и ценности, в связи с чем взаимное знакомство стран с историей, культурой, обычаями друг друга создают в этих условиях благоприятный имидж страны в мире [20, с. 248]. Культурная дипломатия занимала ведущее место в послевоенной деятельности Японии за рубежом, в частности, в социалистических странах Азии. Официальная позиция японского правительства нацеливалась на продвижение мирной политики, ориентированной на гармонизацию отношений в первую очередь с азиатскими соседями, подчеркивая свое особое положение в качестве единственной развитой индустриальной азиатской державы. МИД Японии еще в начале 1970-х гг. ставил развитие добрососедских отношений с КНР на первое место, поскольку «доверие, взаимопонимание, взаимность и равенство между Японией и Китаем как двумя азиатскими государствами будут служить главной опорой, лежащей в основании мира и стабильности не только на уровне двусторонних связей, но и в диалоге внутри Азии в целом» (外交青書:わが外交の近況 昭和47年版 (第16号). 第2章. わが外交の基調. 第2節. 諸外国との関係の増進 [Синяя книга по дипломатии за 1972 г.: Положение дел в нашей дипломатии за 47 г. эры Сёва (Номер 16). Глава 2. Основные проблемы нашей дипломатии. Раздел 2. Развитие связей с отдельными странами]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1972/s47-1-2-2.htm#k76> (дата обращения: 15.11.2024)). Культурная дипломатия способствовала углублению данных начинаний: помимо деятельности Японского фонда, в задачи которого входило продвижение японской традиционной культуры и языка за рубежом, участие японских специалистов в сохранении культурного наследия в рамках международных проектов приобретало все больший вес в международных культурных контактах. Австралийская исследовательница Акагава Нацуко отметила, что в послевоенные годы вместе с расширением помощи странам Азии, Япония выделяла значительные средства на проекты в Бирме, Таиланде,

Шри-Ланке, Бангладеш, Камбодже и других странах с целью сохранения историко-культурного наследия; в том числе по японо-китайскому соглашению 1982 г. выделялась помошь, направленная на сохранение и изучение наследия Дуньхуана в КНР [21, с. 128]. Деятельность Иноуэ Ясуси отвечала развитию культурных контактов между Японией и Китаем в 1950 – 1980-е гг., изучению культурного наследия северо-западного Китая, при ее помощи обеспечивался трансфер информации о разнообразии культуры Китая среди японской общественности. Путешествия в КНР, совершенные на фоне стремительного улучшения двустороннего диалога в конце 1970-х гг., предоставляли его автору право передавать информацию о Западном крае на правах очевидца.

В 1977 – 1980-х гг. Иноуэ Ясуси совершил пять путешествий в Северо-Западный Китай: трижды в Синьцзян-Уйгурский автономный округ и дважды в провинцию Ганьсу в район буддийского пещерного комплекса Дуньхуан – «Пещер тысячи будд». В 1977 г. писатель путешествовал по малодоступному до тех пор Синьцзян-уйгурскому автономному округу вместе с писателем Сиба Рётаро по линии Ассоциации японо-китайских культурных обменов. В 1978 г. по приглашению газеты Асахи были проведены четыре встречи между участниками поездки Иноуэ Ясуси и Сиба Рётаро, на одну из бесед были приглашены востоковед Фудзиэда Акира и археолог Хигути Такаясу, с которыми писатели обсуждали развитие исследований Западного края в Японии. В этой беседе обсуждались первые поездки японских археологов-землепроходцев под эгидой храма Ниси Хонгандзи и лично его настоятеля Отани Кодзуй в Синьцзян империи Цин в начале XX столетия, когда начала зарождаться самостоятельная японская наука о Западном крае [22, с. 141 – 143]. Западный край и регионы, прилегающие к Великому шелковому пути, осмыслились в тесной связи с историей Китая и его соседей-кочевников, однако выделялась японскими интеллектуалами особо. По определению Иноуэ Ясуси Западный край понимался им как «заповедный край» – два сочетания иероглифов представляют собой омонимы на японском языке и звучат «сэйики». В дискуссии с учеными и Сиба Рётаро, но замечание последнего, что недостаточно отдельных поездок в Восточный Туркестан японских путешественников, археологов и писателей, Иноуэ Ясуси отметил: «Конечно, ведь попасть сюда совсем непросто. Китай все еще не до конца изучен из-за того, что археологические памятники не распахнули свои двери для широкой публики» [22, с. 165]. В последующие три года японский прозаик совершил еще четыре поездки в северо-западные регионы Китая, принимая участие в поисковых и этнографических поездках в Нию, Гаочан, Дуньхуан, Хотан и другие археологические памятники, сохранившиеся от древних царств Великого шёлкового пути. Две поездки в 1979 и 1980 годах были совершены им не по линии Ассоциации японо-китайских культурных обменов, а в составе совместной японо-китайской поисковой археологической группы, созданной по инициативе японской национальной радиовещательной компании NHK для съемок документального фильма о Великом шелковом пути.

Три поездки, организованные Ассоциацией японо-китайских культурных обменов в 1977 – 1979 гг. для Иноуэ Ясуси и делегаций японских деятелей культуры, послужили подготовительным этапом первого совместного японо-китайского археолого-поискового проекта NHK и China Central Television в 1980 – 1981 гг. и последовавших за ним еще нескольких аналогичных проектов. Работа группы проходила под знаком японо-китайской дружбы, а 12 серийный фильм, продемонстрированный в 1980 – 1981 гг. стал символом начавшегося сближения Японии и КНР. В организации поездок японских и китайских кинематографистов принимали участие военные Народно-освободительной армии Китая, обеспечивавшие в том числе безопасность группы в суровых условиях пустыни Такла-Макан. Иноуэ Ясуси с особым лояльным отношением к Китаю и

некритическим взглядом на историю развития Великого шёлкового пути в тесной связи с политическими и экономическими процессами внутри самого Китая способствовал укреплению дружественных интеллектуальных связей и формированию нового образа Китая в Японии.

На рубеже 1970 – 1980-х гг. наблюдалось расширение конструктивных связей между Японией и КНР в области студенческих обменов и культурных связей: в декабре 1979 г. был подписан пакет соглашений о развитии японо-китайского партнерства, в то числе соглашение о сотрудничестве в области культуры. Следуя букве соглашения, в 1980 – 1981 гг. стороны обменивались делегациями деятелей искусства, науки, спорта; в 1981 гг. китайское правительство направило в Японию 750 студентов, уступив количеством только США, из Японии в Китай на учебы прибыли свыше 800 человек (外交青書:わが外交の近況 昭和57年版 (第26号). 第1章. 各国情勢及び我が国とこれら諸国との関係. 第1節. アジア地域 [Синяя книга по дипломатии за 1982 г.: Положение дел в нашей дипломатии за 57 г. эры Сёва (Номер 26). Глава 1. Положение дел в отдельных странах и отношения нашей страны с этими странами. Основные проблемы нашей дипломатии. Раздел 1. Азия]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1982/s57-2010102.htm#2> (дата обращения: 15.11.2024)). В 1982 г. был создан «Дом японо-китайской дружбы», приуроченный к десятилетию нормализации отношений (外交青書:わが外交の近況 昭和59年版 (第28号). 第1章. 各国情勢及び我が国とこれら諸国との関係. 第1節. アジア地域 [Синяя книга по дипломатии за 1984 г.: Положение дел в нашей дипломатии за 59 г. эры Сёва (Номер 28). Глава 1. Положение дел в отдельных странах и отношения нашей страны с этими странами. Основные проблемы нашей дипломатии. Раздел 1. Азия]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1984/s59-2010102.htm#2> (дата обращения: 15.11.2024)). В этом же году был запущен упоминавшийся выше научный проект по изучению наследия комплекса близь Дуньхуана.

Японо-китайская ассоциация культурных обменов продолжала играть немаловажную роль в проведении двусторонних встреч между деятелями культуры, науки и искусства Японии и Китая: в 1982 г. во время празднования десятилетия нормализации японо-китайских дипломатических отношений перед представителями шести обществ дружбы и сотрудничества с Китаем (Упоминавшиеся выше три организации, учрежденные в 1950-е гг., и Японо-китайская экономическая ассоциация (JCEA, создана в 1972 г.), Японо-китайский союз депутатов парламента (JCFCPU, создан в 1973 г.), Общество Япония-Китай (The Japan-China Society, Inc., основано в 1975 г.) и членами правительства (премьер-министром Судзуки Дзэнко) Иноуэ Ясуси в качестве председателя Ассоциации японо-китайских культурных обменов и главы союза шести организаций сотрудничества с Китаем выступил с дружественным приветственным словом (日中文化交流 : 1982年 [Японо-китайский культурный обмен. 1982 г.] 2006. № 716 (52) // Сайт Японо-китайской ассоциации культурных обменов. URL: <http://www.nicchubunka1956.jp/wp-content/uploads/2017/06/P052-053.pdf> (дата обращения: 15.11.2024)). Высокая интенсивность культурных связей на правительственном уровне в начале 1980-х гг. сопровождалась упорной работой Ассоциации японо-китайских культурных обменов, занимавшейся, как и в прежние годы, организацией обменами делегаций деятелей науки, культуры и предпринимателей, проведением выставок и театральных и музыкальных представлений, помогавшая работе кинодокументалистов. Это был важный неправительственный инструмент для сотрудничества и поездок в Китай для представителей газеты Асахи и Нихон кэйдзай, канала TBS; писатель Сиба Рётаро совершил путешествие в Китай в 1981 г. при содействии этой организации и написал очередной эпизод своего многосерийного проекта о путешествиях «По большим (старинным) дорогам», посвятив его Китаю (日中文

文化交流 : 1981年 [Японо-китайский культурный обмен. 1981 г.] 2006. № 716 (50) // Сайт Японо-китайской ассоциации культурных обменов. URL: <http://www.nicchubunka1956.jp/wp-content/uploads/2017/06/P050-051.pdf> (дата обращения: 15.11.2024)). В деятельности ассоциации на данном этапе развития японо-китайских культурных связей значительное место занимали мероприятия и проекты, затрагивавшие древнюю историю Китая, историко-культурную общность развития Японии и Китая, историю буддизма в Китае и развитие Дуньхуана, историю Западного края и Великого шёлкового пути, соединивших Запад и Восток. Археологические раскопки в китайской части Туркестана в 1980 – 1990-х гг., в которых приняли активное участие японские ученые, были сопоставимы с открытием сокровищ Трои для истории Восточной Азии.

Выше упоминалось, что в 1980 – 1981 гг. компания NHK показала документальный 12-ти серийный фильм о Великом шелковом пути под названием NHK特集「シルクロード—絲綢之路」(Шёлковый путь), Иноуэ Ясуси принимал участие в съемках и выступил вместе с писателями Сиба Рётаро и Тин Сюнсинем (писатель тайваньского происхождения) идейным вдохновителем проекта (NHK特集「シルクロード—絲綢之路(しちゅうのみち)ー」から、NHKスペシャル「新シルクロード」) [От спецвыпусков NHK: «Шёлковый путь – Сычуань чжи лу» к спецпроекту NHK «Новый Шёлковый путь»]. URL: <https://www2.nhk.or.jp/archives/search/special/detail/?d=specia1002> (дата обращения: 15.11.2024)). Затем в 1980-е гг. начинается «бум Шёлкового пути» в Японии: компания NHK продолжила работу в области кинодокументалистики и были осуществлены еще несколько проектов: 2-я часть проекта «シルクロード ローマへの道» («Шелковый путь: дорога в Рим», 1983 – 1984, 6 серий); «海のシルクロード» («Морской Шелковый путь», 1988 – 1989, 6 серий) и два фотопроекта в тот же период [23] (NHK特集: 海のシルクロード [Специальный выпуск NHK: Морской шёлковый путь]). URL: https://www2.nhk.or.jp/archives/tv60bin/detail/index.cgi?das_id=D0009010344_00000 (дата обращения: 15.11.2024)). Фильмы знакомили широкую аудиторию с историей и культурой народов Азии, включенных в коммуникацию по Великому шелковому пути. Специальной китайской части маршрута был посвящен только первый фильм проекта, переведенный на несколько языков, в том числе английский и корейский. Путь начинается из столицы империи Тан – Чанъяна (совр. Сиань), который группа посетила и охарактеризовала его современное состояние. Затем в фильме говорится о коридоре Хэси в провинции Ганьсу, важнейшей северной транспортной артерии Шелкового пути, рассказывается о Дуньхуане, Хара-Хото, Хотане, Турфане, руинах Нии и Гаочана, северном и южном маршрутах в предгорьях Тянь-Шаня, и пути из Кашгара к Памиру. Фильм подводит зрителей к советско-китайской границе, которую пересечет в следующем кинодокументальном проекте. В 1982 Иноуэ Ясуси, участник съемок, опубликовал «Антологию Шёлкового пути», в которой дал эмоциональную оценку пяти путешествиям по китайской части Западного края, в 1983 г. вышли два тома дневников его путешествия по этому региону КНР. Документальные сочинения прозаика и первый фильм NHK о Шелковом пути объединяет пристальный «взгляд в прошлое», с помощью которого высвечиваются нелинейность развития китайской культуры и ее многоконфессиональный полигэтнический характер. Иллюстрацией к такому ракурсу в оценке историко-культурного становления Китая может послужить запись из «Антологии Шелкового пути» Иноуэ Ясуси:

Кашгар

Город, откуда видны и Тянь-Шань, и Памир.

Город, укромно притаившийся на юго-западе пустыни Такла-Макан.

Город, где родилась и выросла «дущистая наложница» Сянфэй.

Город, где расположена самая большая мечеть в Восточном Туркестане.

Город с самым большим базаром, где толкаются и шумят уйгуры.

Знойный город, где в мае распускаются пряные цветы лоха узколистного.

Здесь затаилось древнее царство Шулэ.

Город, где в один прекрасный жаркий день, как и должно было случиться, я потерял сознание по неизвестной причине [\[24, с. 233\]](#)

В отрывке отражено культурное, природное своеобразие региона, его многоконфессиональный характер, его сопричастность с политической историей династии Цин (1644 - 1912): место насыщенно историческими событиями величественного многовекового прошлого, что привело к потере сознания писателем во время визита в город.

«Бум Шелкового пути» связан с двумя экранизациями произведений Иноуэ Ясуси в 1980-х гг. и проведением в г. Нара выставки, посвященной Шелковому пути в 1988-м г. В 1980-м г. японской телевизионной компанией Асахи был выпущен на телевизионные экраны сериал «Синий волк: жизнь Чингисхана», созданный по мотивам романа писателя «Синий волк» о становлении великого монгольского завоевателя. В 1988 г. в кинопрокат вышла совместная японо-китайская кинолента «Дуньхуан» (или «Шелковый путь»), сценарий которой был написан по роману Иноуэ Ясуси «Дуньхуан». Соглашение о съемках фильма было заключено при посредничестве Ассоциации японо-китайских культурных обменов в июле 1985 г. в Пекине (日中文化交流 : 1985年 [Японо-китайский культурный обмен. 1985 г.] 2006. № 716 (58) // Сайт Японо-китайской ассоциации культурных обменов. URL: <http://www.nicchubunka1956.jp/wp-content/uploads/2017/06/P058-059.pdf> (дата обращения: 15.11.2024)). В ленте говорится о противостоянии династии Сун (960 - 1279) и тангутского государства Западное Ся, столкновения между которыми привели к забвению буддийского пещерного комплекса в районе Дуньхуана, а коллекция манускриптов и живописи была замурована в камере 17-й пещеры комплекса. Хранилище текстов было открыто только в начале XX столетия, с чего началось всемирное признание и изучение памятников буддийского наследия Китая. Японские кинодокументальные проекты, символизировавшие созидательное начало и ориентацию на культуру в японо-китайских отношениях, ознаменовали собой новый этап изучения данной проблематики. Китаевед Баба Кимихико считает проекты NHK о Шёлковом пути наиболее значительными и успешными в культурных связях Японии и Китая в 1980-х гг. [\[25, с. 24\]](#).

Сближение интереса в научном освоении археологических памятников Восточного Туркестана подкреплялось тесными связями на самом высоком уровне: в 1984 г. в КНР с визитом прибыл премьер-министр Накасонэ Ясухиро, который оценил двусторонние отношения как тесные дружественные связи, потенциал которых формирует повестку XXI в., в целях наращивания двустороннего сотрудничества создавался «Японо-китайский комитет дружбы в XXI веке» (外交青書:わが外交の近況 昭和59年版 (第28号). 第1章. 各国の情勢及び我が国とこれら諸国との関係. 第1節. アジア地域 [Синяя книга по дипломатии за 1984 г.: Положение дел в нашей дипломатии за 59 г. эры Сёва (Номер 28). Глава 1. Положение дел в отдельных странах и отношения нашей страны с этими странами. Основные проблемы

нашей дипломатии. *Раздел 1. Азия]. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1984/s59-2010102.htm#2> (дата обращения: 15.11.2024)).* Поступательное углубление экономического сотрудничества в середине 1980-х гг. способствовало упрочнению межкультурных связей. Официальные культурные связи по линии МИД Японии в основном заключались в обмене делегациями, расширении студенческого и молодежного обмена; «Дом японо-китайской дружбы» выступал площадкой для развития обменов. Параллельно с высокой интенсивностью работы официальной дипломатии работали гражданские организации, ставившие своей целью развитие дружественных отношений между народами. Ассоциация японо-китайских культурных обменов и ее бессменный член, а в 1980-е гг. председатель Иноуэ Ясуси успешно проводили совместные культурные мероприятия и содействовали осуществлению таких знаковых событий, как реализация проекта NHK и ССТ и съемки японо-китайской ленты «Дуньхуан».

Фигура Иноуэ Ясуси в этой связи стала символом углубления взаимопонимания между Японией и Китаем. Символично то, что последним произведением, для которого прозаик в 1980-е гг. собирал в Китае материалы, стал роман «Конфуций», изданный в 1989 г. В интервью NHK незадолго до смерти Иноуэ Ясуси сказал, что этот роман говорит о вере в человечество и на пороге нового тысячелетия идеи и деяния китайского мыслителя могут быть полезны для мирового сообщества (あの人に会いたい. 井上靖: 人間を信じる [Хочу встретиться именно с ним. Иноуэ Ясуси: «Я верю в людей». Интервью с писателем] // Архивы NHK. URL: https://www2.nhk.or.jp/archives/jinbutsu/detail.cgi?das_id=D0009250072_00000 (дата обращения: 15.11.2024)). Его конструктивное отношение к диалогу с КНР способствовало созданию глубокой системы контактов между двумя странами в 1970 – 1980-е гг. Такой подход намечал японо-китайское сближение, несмотря на обострившиеся в 1980-е гг. противоречия, связанные с историческим прошлым и проблемой школьных учебников, экономические и идеологические расхождения.

Заключение

Три выделенных в данной статье этапа развития культурной дипломатии Японии в КНР характеризуются набором специфических механизмов. С середины 1950-х гг. до нормализации дипломатического диалога в 1972-м г. Токио не проводил официальные культурные мероприятия в КНР и моложёные обмены. Токио вел культурный обмен с Пекином посредством гражданской дипломатии, представлявшей собой инициативу снизу, со стороны деятелей культуры, которым оказывали поддержку члены правительства. Этой модели отвечала деятельность Ассоциации японо-китайских культурных обменов вместе с шестью японскими общественными организациями, нацеленными на развитие экономических и гуманитарных связей между народами Японии и КНР. В основе культурной деятельности стояла общественная культурная дипломатия «лицом к лицу», в которой преобладал обмен делегациями деятелей науки, спорта и культуры. Роль ярких инициаторов международного общения в области культуры, таких как Иноуэ Ясуси, носила как практический, так и символический характер, внося существенный вклад в культурный трансфер между Китаем и Японией. На передний план выводился не коммунистический характер идеологии КНР, а древность китайской культуры.

Нормализация японо-китайских дипломатических отношений в 1972 г. открыла второй этап послевоенных культурных связей двух стран, который продлился до 1979 года, т.е. до подписания Японо-китайского соглашения о сотрудничестве в области культуры, заключенного на фоне новой политики Дэн Сяопина в отношении Японии. Период 1972 –

1979 гг., несмотря на стремительное развитие дипломатических контактов, в области культуры двигался по проторенной колее: первую скрипку в наращивании культурных связей продолжали играть общественные организации. Тенденция к настоящему сближению на уровне правительства и общества наблюдалась только к концу данного этапа. Путешествия Иноуэ Ясуси в закрытый для широкой международной общественности северо-западный Китай стали важным культурным событием, переформатировавшим образ КНР, повернув взгляд на богатую историю и традиции многонациональной страны, выступавшей в роли исторического заповедника, колыбели восточноазиатской культуры, сформировавшейся под мощным влиянием непрерывной коммуникации между Востоком и Западом по маршруту Великого шёлкового пути.

Десятилетие 1979 – 1989 гг. отмечено стремительным гуманитарным сближением. В области культуры нашли баланс мероприятия, инициированные правительством, расширявшем образовательные молодежные обмены, способствовавшем организации культурных мероприятий, обмену делегациями и реализация фестивальной и выставочной деятельности. В 1982 г. широко отмечалось десятилетие нормализации японо-китайских дипломатических связей. Период характеризуется запуском совместных проектов, важную имиджевую роль в которых сыграли съемки серии документальных фильмов об истории, народах, культуре и природе Великого шёлкового пути, созданных по инициативе NHK и видных писателей – Иноуэ Ясуси и Сиба Рётаро. Евразийская тематика затронута в японо-китайском кинопроекте, связанным с созданием исторической ленты «Дунъхуан», началу работы над которым содействовала Ассоциация японо-китайских культурных обменов. Творчество и общественная деятельность Иноуэ Ясуси неразрывно связана с углублением культурного диалога между Японией и Китаем в послевоенный период. Его личный интерес к истории этой страны и особому пространству Западного края, сопряженного с Великим шелковым путем, позволили занять выгодную позицию и быть признанным как в КНР, так и в Японии. Его избрание на должность председателя Ассоциации японо-китайских культурных обменов в начале 1980-х гг. символизировало углубление дружественного диалога в области культуры. Художественные и документальные произведения прозаика о Западном крае, применявших оптику «взгляда в прошлое», позволили японской аудитории вновь осознать величие китайской культуры и создать благоприятный образ Китая в Японии. Последний роман прозаика, посвященный всемирно известному мыслителю Конфуцию, призывал японского читателя взглянуть свежим взглядом на основы японской на пороге нового тысячелетия. Все три канала культурной дипломатии: персональная дипломатия, гражданская дипломатия общественных организаций, культурная дипломатия на уровне МИД – отвечали общей цели созидания прочных дружественных многоуровневых связей, закладывая основы тесного сотрудничества между Японией и КНР в XXI веке, невзирая на сохранение территориальных и исторических противоречий.

Библиография

1. Fogel J. The Literature of Travel in the Japanese Rediscovery of China, 1862–1945. Stanford: Stanford University Press, 1996.
2. Носов М.Г. Японо-китайские отношения (1949–1975). М.: Наука, 1978.
3. Марков А.П. Послевоенная политика Японии в Азии и Китай, 1945–1977. М.: Наука, 1979.
4. Кульнова П.В. 50-летие нормализации японо-китайских отношений: итоги и проблемы // Ежегодник Япония. 2022. № 51. Р. 15-39. URL: <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-15-39>
5. Lee Chae-Jin. Japanese Policy Toward China // Japan. 1983. Vol. 82, No. 487. Pp. 371-

- 375, 391-392.
6. Johnson Ch. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952–1982 // *Pacific Affairs*. 1986. Vol. 59, No. 3. Pp. 402-428. URL: <https://doi.org/10.2307/2758327>.
 7. Iriye Akira. Chinese-Japanese Relations, 1945–90 // *The China Quarterly*. 1990. No. 124: China and Japan: History, Trends and Prospects. Pp. 624-638.
 8. Yinan He. 40 Years in Paradox: Post-normalisation Sino-Japanese relations // *China Perspectives*. 2013. No 4. Pp. 7-16. URL: <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.6314>.
 9. Inoue Masaya. Postwar Japan-China Relations // *Modern Japan's Place in World History: From Meiji to Reiwa* / ed. by Yamauchi Masayuki, Hosoya Yuichi; Transl. by Keith Krulak. Springer Singapore, 2023.
 10. Japan–China Relations in the Modern Era / By Ryosei Kokubun, Yoshihide Soeya, Akio Takahara, Shin Kawashima. Routledge, 2017.
 11. Ogoura Kazuo. Japan's Postwar Cultural Diplomacy // Freie Universität Berlin. Center for Area Studies. 2008. Working Paper No. 1. Pp. 1-7.
 12. 虞萍. 真の「文化交流」とは何か—井上靖と冰心を通して [Юй Пин. Что такое истинный «культурный обмен» – Иноуэ Ясуси и Бинсинь] // *名古屋外国語大学外国語学部紀要*. 2012, № 43. Pp. 167-202.
 13. Shi Ge. China's Cultural Revolution and Japan's Intelligentsia: Kazumi Takahashi's Humanistic Sensibilities // *Comparative Literature Studies*. 2015. Vol. 52, No. 1, Special Issue: Global Maoism and Cultural Revolution in the Global Context. P. 65-79.
 14. Otmažgin N. Geopolitics and Soft Power: Japan's Cultural Policy and Cultural Diplomacy in Asia // *Asia Pacific Review*. 2012. № 19(1). Pp. 37-61. DOI: [10.1080/13439006.2012.678629](https://doi.org/10.1080/13439006.2012.678629).
 15. У До. Китайская «дипломатия панд» и имидж государства // *Общество: политика, экономика, право*. 2019, № 3 (68). С. 25-28. DOI: [10.24158/pep.2019.3.4](https://doi.org/10.24158/pep.2019.3.4).
 16. 丹波實. 日露外交秘話 [Тамба Минору. Тайные переговоры между Японией и Россией]. 東京:中央公論新社, 2012.
 17. Vogel E. F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Cambridge, MA, and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011.
 18. 日本の外交: 6巻. 第4巻: 対外政策 地域編 / 国分良成 (編) [Дипломатия Японии: в 6-ти т. Т. 4: Внешняя политика. Региональные проблемы / ред, Кокубун Рёсэй]. 東京: 岩波書店, 2013.
 19. Togo Kazuhiko. Japan's foreign policy 1945–2003: The quest for proactive policy. Leiden-London: Brill, 2005.
 20. 日本の外交: 6巻. 第5巻: 対外政策 課題編 / 大芝 亮 (編) [Дипломатия Японии: в 6-ти т. Т. 5: Внешняя политики. Центральные проблемы / ред, Оосиба Рё]. 東京: 岩波書店, 2013.
 21. Akagawa Natsuko. Japan and the Rise of Heritage in Cultural Diplomacy: Where Are We Heading? // *Future Anterior: Journal of Historic Preservation, History, Theory, and Criticism*. 2016. Vol. 13, №. 1. P. 125-139.
 22. 井上靖, 司馬遼太郎. 西域をゆく[Иноуэ Ясуси, Сиба Рётаро. По Западному краю]. 第8刷. 東京: 文藝春秋, 2017.
 23. 井上靖, 橋口隆康. 大草原をゆく: ソビエト (1) [Иноуэ Ясуси, Хигути Такаясу. Путешествую по Великой степи: Советский Союзу (1)] // シルクロード ローマへの道 [Шелковый путь – путь в Рим]. 第九巻. 東京:日本放送出版協会, 1983.
 24. 井上靖. 私の西域紀行. 下巻. [Иноуэ Ясуси. Мои дневники путешествия по Западному краю: в 2 т. Т. 2]. 東京: 文藝春秋, 1983.
 25. 馬場公彦. 友好と離反のはざまできしむ日中関係 1979 – 1987年 – 中越戦争から民主化運動へ [Баба Кимихико. Периоды дружбы и охлаждения в японо-китайских отношениях в 1979–1987 гг.: от Китайско-вьетнамской войны к движению за демократию] // *愛知大学国際問題研究所紀要*. 2013. № 141. P. 23-60.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст "Культурная дипломатия Японии в КНР в 1970-1980-е гг. на примере деятельности Иноуэ Ясуси и Японо-китайской ассоциации культурных обменов" представляет собой обширное и достаточно глубокое исследование двухсторонних японо-китайских культурных контактов во второй половине XX века (с 1972 и до конца 1980-ых гг.) как в общем, так и в персонифицированном аспекте на примере деятельности председателя японского союза писателей Иноуэ Ясуси. Во введении автор формулирует общий культурно-политический контекст взаимоотношений двух стран к указанному периоду, указывает на слабую изученность именно культурных двусторонних контактов Японии и Китая, мотивирует оригинальность подхода к рассмотрению культурных контактов посредством рассмотрения персоны Ясуси и его роли в данных отношениях. Автор применяет в своем исследовании биографический , историко-проблемный и историко-генетический методы, включая в историко-культурный дискурс элементы литературоведения (Китаю "....посвящены новеллы и романы Ясуси 1950 – 1960-х гг., автор осмысляет историю Китая в его взаимосвязях с народами Западного края и конституирует одну из деидеологизированных моделей восприятия Китая как историко-культурного феномена,...Документальная проза Иноуэ Ясуси открывала перед японским читателем, а в 1980-е гг. перед зрителем мир китайской части Туркестана, куда стало возможно попасть в 1970-е гг. на фоне улучшения двусторонних контактов"). Деятельность конкретного общественного и литературного деятеля автор коррелирует с общей периодизацией японо-китайских отношений, выделяя три периода: до установления дипломатических отношений, после формализации дипломатических отношений (1972) и своего рода расцвет двусторонних культурных связей с конца 1970-ых. Этот третий этап автором разобран наиболее подробно, со множеством деталей относительно деятельности самого Иноуэ Ясуси а также деятельности Японо-китайской ассоциации культурных обменов. Появившиеся в это время литературные произведения, документальные фильмы и прочие результаты деятельности Ясуси позволяют автору считать персону литературного и общественного деятеля "...символом углубления взаимопонимания между Японией и Китаем "... в непростое время накануне и обострившихся в 1980-е гг. двусторонних противоречий, связанных "...с историческим прошлым и проблемой школьных учебников, экономические и идеологические расхождения.." В заключении автор указывает на специфические механизмы культурной дипломатии Японии, присущие для каждого из трех периодов. Таким образом, рассмотрение деятельности конкретного лица и конкретных организаций позволяет сделать выводы более общего характера: "Все три канала культурной дипломатии: персональная дипломатия, гражданская дипломатия общественных организаций, культурная дипломатия на уровне МИД – отвечали общей цели созидания прочных дружественных многоуровневых связей, закладывая основы тесного сотрудничества между Японией и КНР в XXI веке, невзирая на сохранение территориальных и исторических противоречий". Статья выполнена на высоком научном уровне и безусловно рекомендуется к публикации.

Англоязычные метаданные

The National Cybersecurity Strategy of the United States and Its Global Impact

Huangfu Zhenhui

PhD in Politics

Postgraduate student; Department of International Security, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie gory str., 1

✉ hfstudy@yandex.ru



Abstract. In the context of increasingly intensive digitalization, cybersecurity is becoming a key element of the global political agenda. The United States, being the birthplace of the Internet and leaders in the field of information technology, significantly influences the formation of global standards for cybersecurity management. This article presents an analysis of American official documents to assess changes in the Biden administration's cybersecurity policy and their potential impact on international relations and global cyberspace management standards. The analysis begins with a review of the market-oriented approach of the Clinton era, moves on to the strategic inclusion of cybersecurity in the national security architecture under the Bush administration, and also concerns the differences in the approaches of the Obama and Trump administrations. Special attention is paid to a detailed review of the Biden administration's "National Cybersecurity Strategy," highlighting innovations in strengthening network regulation, deepening cooperation between the state and the private sector, and reforming cybersecurity responsibility. The article also explores how these changes may affect international standards in the field of cybersecurity, and analyzes the strategic importance and global implications of cooperation between China and Russia in this area, justifying their importance for the future global governance of cyberspace. The research methodology is based on the analysis of official documents and strategies of the US administration in the field of cybersecurity. The article identifies trends and strategic changes, assessing their global impact and interaction with the private sector. The scientific novelty of this article is expressed in a thorough analysis of the reform of the cybersecurity strategy under the Biden administration, especially in the context of its impact on international relations and global standards of cyberspace management. The study reveals the deepening of interaction between the state and the private sector, as well as the strengthening of regulatory mechanisms, which differs from previous approaches based on a voluntary basis. Special attention is paid to the trend of global network security transition from a single model to multi-level cooperation and competition. The article emphasizes that the introduction of a zero-trust framework can provoke global changes that enhance the complexity and diversity of international relations in the field of cybersecurity. The main conclusion of the work is the recognition of the strategic importance of cooperation between China and Russia in cybersecurity, which significantly affects the global management of cyberspace and emphasizes the need for international coordination in this area.

Keywords: National Cybersecurity Strategy, Global cybersecurity governance, Cooperation in cyber policy, International cyber relations, digital sovereignty, Zero Trust model, information era security, Biden administration's cybersecurity, cybersecurity, cybersecurity management

References (transliterated)

1. The White House. A Framework for Global Electronic Commerce// The White House, 1997 // URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
2. The White House. The National Strategy to Secure Cyberspace // The White House. February 2003 // URL: www.us-cert.gov (data obrashcheniya: 20.02.2024).
3. Korsakov G. B., Informatsionnoe oruzhie superderzhavy // IMEMO RAN. 2012. № 1 (42). (data obrashcheniya: 20.02.2024).
4. Bleiberg, Joshua; West, Darrell M. Obama Argues for Technology Policy Reforms in State of the Union/ Joshua Bleiberg, Darrell M. West, 20.01.2015. URL: <https://www.brookings.edu/articles/obama-argues-for-technology-policy-reforms-in-state-of-the-union> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
5. Baylon, Caroline. Expert view: Tracking the Sony hackers/ Caroline Baylon//The World Today, 6.02.2015 // URL: <https://www.chathamhouse.org/2015/02/expert-view-tracking-sony-hackers>(data obrashcheniya: 20.02.2024).
6. The White House. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative // Obama Belyi dom: arkhivy // URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/cybersecurity/national-initiative> (data obrashcheniya: 24.02.2024).
7. United States. White House Office. National Cyber Strategy of the United States of America/ United States. President (2017-2021: Trump); United States. White House Office // Washington D.C.: United States. White House Office, 2018 // URL: <https://www.whitehouse.gov/>(data obrashcheniya: 24.02.2024).
8. The White House. FACT SHEET: President Signs Executive Order Charting New Course to Improve the Nation's Cybersecurity and Protect Federal Government Networks / The White House, 12.05.2021 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/12/fact-sheet-president-signs-executive-order-charting-new-course-to-improve-the-nations-cybersecurity-and-protect-federal-government-networks> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
9. The White House. National Cybersecurity Strategy/ The White House. – March 2023 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
10. Internet Security Alliance. ISA and Executive Order 13636 – Internet Security Alliance // Internet Security Alliance. – URL: <https://isalliance.org/isa-and-executive-order-13636> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
11. The White House. FACT SHEET: Biden-Harris Administration Announces National Cybersecurity Strategy // The White House – Briefing Room – Statements and Releases. – March 02, 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/02/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-national-cybersecurity-strategy> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
12. Yang, Shalanda D. M-22-09 Memorandum dlya rukovoditelei ispolnitel'nykh departamentov i vedomstv. Tema: Perekhod pravitel'stva SShA k printsipam kiberbezopasnosti s nulevym doveriem [Tekst] // Vashington, Okrug Kolumbiya, 26 yanvarya 2022 g. – Perevod. FGBU «NII»Integral»».
13. The White House. National Cybersecurity Strategy, March 2023. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/05/2024-Report-on-the-Cybersecurity-Posture-of-the-United-States.pdf>, svobodnyi

Prospects for China's Use of Artificial Intelligence in the Context of the US-China Geopolitical Rivalry

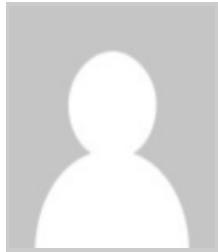
Kocherov Oleg Sergeevich

PhD in Politics

Associate Professor; Faculty of Political Science, GAUGN

603064, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Lenin, 70, sq. 40

✉ netherdead@yandex.ru



Abstract. Artificial intelligence (AI) is becoming an increasingly important factor in the dynamics of international relations and the transformation of war in the 21st century. Of particular interest is the analysis of the political development of the AI program in China, which sees "smart" technologies as the most important means of achieving its project of "new type of international relations". This paper attempts to explore the prospects for the use of AI by China in the framework of the Sino-American political war in the context of China's foreign policy strategy. Based on the analysis of regulatory documents, the institutional transformation of the PRC in recent decades, and the conceptual foundations of China's foreign policy course, three most promising dimensions of the Sino-American AI confrontation are identified: strategic control over spaces, the creation of dual-use bases, and the formation of an international agenda beneficial to China. First, China can use AI to advance its interests in the Indo-Pacific through the concept of "deterrence through detection," as well as the use of swarm intelligence. Second, China can both access natural resources in the Arctic and ocean trenches and project its influence in these regions and shape the norms of behavior in them. Third, China can use AI to exercise its "discursive power" through a variety of methods: from creating meta-norms in the field of global AI governance to using "smart" bots for "dialogue propaganda" among Internet users and even using the potential of strong AI to generate new "Confucian-Marxist" political concepts. The article also concludes with recommendations regarding potential tracks of Sino-Russian AI cooperation: Russia's involvement in the Chinese military-civil integration program, coordination of discursive confrontation with the United States using "smart" technologies, as well as cooperation on the Arctic issue.

Keywords: three warfares, discourse power, strategic stability, deterrence by detection, global AI governance, US-China rivalry, intelligentized warfare, political warfare, artificial intelligence, dual-use base

References (transliterated)

1. Voronova O.E., Trushin A.S. Sovremennye informatsionnye voiny: strategii, tipy, metody, priemy. M.: Aspekt Press, 2021.
2. Denisov I.E., Zuenko I.Yu. Ot myagkoi sily k diskursivnoi sile: novye ideologemy vneshnei politiki KNR. M.: MGIMO-Universitet, 2022.
3. Dun Yue, Shen Tszyan'nin. Zhengun chzhinen fachzhan' dui beitszi an'tsyuan' taishi de insyan khe Chzhungo tsan'yui [Vliyanie razvitiya iskusstvennogo intellekta na arkticheskuyu bezopasnost' i prisutstvie Kitaya v regione] // Chzhungo khaiyan dasyue syuebao shekhuei kesyue ban' [Vestnik Okeanicheskogo universiteta Kitaya: obshchestvennye nauki]. 2024. № 1. S. 14-26. URL: <https://doi.org/10.16497/j.cnki.1672-335X.202401002>
4. Initsiativa global'nogo upravleniya iskusstvennym intellektom // Sait Ministerstva inostrannykh del KNR. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjdt/gb/202310/t20231024_11166700.html (data obrashcheniya: 10.11.2024)

5. Kamennov P.B. Voenno-grazhdanskaya integratsiya v KNR na sovremennom etape: dostizheniya i problemy // Problemy Dal'nego Vostoka. 2022. № 5. S. 119-131. URL: <https://doi.org/10.31857/S013128120022590-0>
6. Kashin V.B. XX s"ezd KPK i ego vliyanie na politiku KNR v sfere oborony // Zhurnal «Rossiiskoe kitaevedenie. 2023. № 1. S. 35-45. URL: <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.79.99.002>
7. Kashin V.B. KNR i «Tret'ya strategiya kompensatsii» Ministerstva oborony SSHA // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2016. T. 8. № 3. S. 52-71.
8. Kutnyak R.A. Kak razvitiye professional'nogo masterstva v oblasti iskusstvennogo intellekta i novykh tekhnologii vliyayut na vooruzhennye sily: na primere armii Kitaya // Informatsionnye tekhnologii i informatsionnaya bezopasnost' v professional'noi deyatel'nosti. Novosibirsk, 2022. S. 55-58.
9. Leksyutina Ya.V. Zlonamerennoe ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta: riski dlya informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti Kitaya // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istorya i sovremennost'. 2021. № 26. S. 256-273. URL: <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-256-273>
10. Lo Veikhua. Tishen zhen'gun chzhinen an'tsyuan' chzhili de Chzhungo khuayui tsyuan' [Razvivat' kitaiskuyu diskursivnyu silu v sfere upravleniya bezopasnost'yu iskusstvennogo intellekta] // Zhen'min' zhibao: teoriya. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0408/c40531-40211326.html> (data obrashcheniya: 10.11.2024)
11. Pashentsev E.N. Iskusstvennyi intellekt i geopolitika: doklad. M.: DA MID Rossii, 2024.
12. Pestsov S.K. Sostyazanie v diskursivnoi sile: global'naya initsiativa razvitiya Kitaya // Rossiya i ATR. 2024. № 3. S. 62-83. URL: <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2024-3-62-83>
13. Razumov E.A. Analiz politiki KPK po vnedreniyu iskusstvennogo intellekta v voennye operatsii NOAK // Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2023. T. 42. S. 98-110. URL: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-98-110>
14. Si Tszin'pin: mei yu vanlo an'tsyuan' tszyu mei yu gotszya an'tsyuan' [Si Tszin'pin: bez bezopasnosti v Internete net i natsional'noi bezopasnosti] // Sait Gosudarstvennoi kantselyarii Internet-informatsii KNR. URL: https://www.cac.gov.cn/2018-12/27/c_1123907720.htm (data obrashcheniya: 28.11.2024)
15. Sin' shidai de Chzhungo gofan [Natsional'naya oborona Kitaya v novyyu epokhu] // Sait Gosudarstvennogo soveta KNR. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (data obrashcheniya: 13.11.2024)
16. Sin'idai zhen'gun chzhinen fachzhan' guikhua de tunchzhi [Soobshchenie o plane razvitiya iskusstvennogo intellekta novogo pokoleniya] // Sait Gosudarstvennogo soveta KNR. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (data obrashcheniya: 10.11.2024)
17. Fan Syuidun. Zhutszya dui zhen'gun chzhinen lun'li de i ge kenen gunsyan': tszin"yu Bosytelomu er sy [Vozmozhnyi vklad konfutsianstva v etiku iskusstvennogo intellekta: otvet N. Bostromu] // Chzhungo isyue lun'lisyue [Kitaiskaya meditsinskaya etika]. 2020. № 7. S. 778-788. URL: <https://doi.org/10.12026/j.issn.1001-8565.2020.07.01>
18. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: opyt Kitaya // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 1. S. 46-73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>
19. Fen Yu-lan'. Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii / per. na rus. R.V. Kotenko. SPb:

- Evraziya, 1999.
20. Khuan Zhikhan', Yao Khaolun. Bei chunsu de shitsze? ChatGPT tszyuetsi sya zhen'gun chzhinen yui gotszya an'tsyuan' sin' techzhen [Transformiruyushchiisya mir? Novye osobennosti iskusstvennogo intellekta i natsional'noi bezopasnosti v usloviyakh razvitiya ChatGPT] // Gotszi an'tsyuan' yan'tszyu [Issledovaniya mezhdunarodnoi bezopasnosti]. 2023. № 4. S. 82-106.
21. «Chzhun yun» («Sledovanie seredine») / per. s kit. A.E. Luk'yanova // Konfutsianskoe «Chetveroknizhie» («Syshu») / pod red. L.S. Perelomova. M.: Vost. lit., 2004. S. 123-148.
22. Chzhungo gunchan'dan di shitszyu tsze chzhun"yan veiyuan'khuei di u tsy tsyuan'ti khueii gunbao [Kommyunike pyatogo plenarnogo zasedaniya TsK KPK 19-go sozyva] // Sait kommunisticheskoi partii Kitaya. URL: <https://www.12371.cn/2020/10/29/ARTI1603964233795881.shtml> (data obrashcheniya: 13.11.2024)
23. Chzhungo zhen'min' tszefantszyun' chzhenschhi guntszo tyaoli [Pravila politicheskoi raboty NOAK] // Sait Gosudarstvennogo soveta KNR. URL: https://www.gov.cn/test/2005-06/28/content_10543.htm (data obrashcheniya: 11.11.2024)
24. Baele S.J. et al. AI IR: Charting International Relations in the Age of Artificial Intelligence // International Studies Review. 2024. T. 26. № 2. <https://doi.org/10.1093/isr/viae013>
25. Bommakanti K. AI in the Chinese Military: Current initiatives and the implications for India. Observer Research Foundation, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20230712112837.pdf> (data obrashcheniya: 28.11.2024)
26. Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R.S. Charting the Emerging Geography of AI // Harvard Business Review, December 12, 2023. URL: <https://hbr.org/2023/12/charting-the-emerging-geography-of-ai> (data obrashcheniya: 10.11.2024)
27. Chen S. Beijing plans an AI Atlantis for the South China Sea – without a human in sight // South China Morning Post, November 26, 2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2174738/beijing-plans-ai-atlantis-south-china-sea-without-human-sight> (data obrashcheniya: 28.11.2024)
28. Fan Anqi. China accelerates big data, AI application in ocean industry, anticipating revolutionary changes // Global Times, September 26, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202409/1320435.shtml> (data obrashcheniya: 12.11.2024)
29. Hannigan J. The Geopolitics of Deep Oceans. Hoboken: John Wiley & Sons, 2016.
30. Kania E.B. Chinese military innovation in artificial intelligence. Washington: Center for a New American Security, 2019.
31. Kennan G.F. Policy Planning Staff Memorandum // Foreign Relations of the United States, 1945-1950, Emergence of the Intelligence Establishment / ed. by C.T. Thorne, Jr., D.S. Patterson. Washington: United States Government Printing Office, 1996. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269> (data obrashcheniya: 10.11.2024)
32. Kissinger H., Allison G. The Path to AI Arms Control: America and China Must Work Together to Avert Catastrophe // Foreign Affairs, October 13, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/henry-kissinger-path-artificial-intelligence-arms-control> (data obrashcheniya: 08.11.2024)

33. Layton P. Algorithmic warfare: Applying artificial intelligence to warfighting. Canberra: Air Power Development Centre, 2018.
34. Mahnken T.G., Sharp T., Kim G.B. Deterrence by Detection: a key role for unmanned aircraft systems in great power competition. Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2020. URL: [https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA8209_\(Deterrence_by_Detection_Report\)_FINAL.pdf](https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA8209_(Deterrence_by_Detection_Report)_FINAL.pdf) (data obrashcheniya: 12.11.2024)
35. Mansoor S. India's AI Militarization: Security Repercussions for Pakistan // Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/Analytics-and-Comments/columns/military-and-security/india-s-ai-militarization-security-repercussions-for-pakistan/> (data obrashcheniya: 12.11.2024)
36. New Partnership with India to Explore Semiconductor Supply Chain Opportunities // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/new-partnership-with-india-to-explore-semiconductor-supply-chain-opportunities/> (data obrashcheniya: 12.11.2024)
37. Position Paper of the People's Republic of China on Regulating Military Applications of Artificial Intelligence (AI) // Sait postoyannogo predstavitel'stva KNR pri OON. URL: https://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202112/t20211213_10467517.htm (data obrashcheniya: 13.11.2024)
38. Puranen M., Kopra S. China's Arctic Strategy: A Comprehensive Approach in Times of Great Power Rivalry // Scandinavian Journal of Military Studies. 2023. T. 6. № 1. S. 239-253. URL: <https://doi.org/10.31374/sjms.196>
39. Science of Military Strategy / ed. by Xiao Tianliang // China Aerospace Studies Institute. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Translations/2022-01-26%202020%20Science%20of%20Military%20Strategy.pdf> (data obrashcheniya: 13.11.2024)
40. Shanghai Declaration on Global AI Governance // Sait Ministerstva inostrannykh del KNR. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zxw/202407/t20240704_11448351.html (data obrashcheniya: 10.11.2024)
41. Sridhar S. India's Key to Keeping the Status Quo on Its Border With China // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2023/03/indias-key-to-keeping-the-status-quo-on-its-border-with-china/> (data obrashcheniya: 10.11.2024)
42. Tan R., Karklis L. Vietnam accelerates island building to challenge China's maritime claims // The Washington Post, August 9, 2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2024/vietnam-south-china-sea-islands-growth/> (data obrashcheniya: 10.11.2024)
43. The Military Balance 2024 / ed. by R. Wall. London: Routledge, 2024.

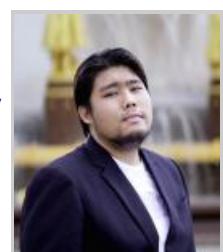
Signaling and Tactical Hedging as Political Tools in the Formation of Minilateral Security Coalitions: Quad and AUKUS in the Indo-Pacific Region

Mafuang Supat

Postgraduate student; Department of Comparative Politics; RUDN University

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ supatatmafuang@gmail.com



Abstract. This article explores the dynamics of minilateral institutions such as the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) and the Trilateral Security Partnership (AUKUS). As the global order shifts from unipolarity to multipolarity, finding truly "like-minded" allies for strategic coordination remains a challenging task. Thus, states as hedgers deploy signaling and tactical hedging to build mutual trust and "like-minded allies". The revival of QUAD in 2017 was a response to strategic competition in the Indo-Pacific region, where China is increasingly influencing the regional security architecture. The recent creation of AUKUS can be seen as a tactical hedging by the US, UK and Australia against challenges from China in the South China Sea disputes. In this article, signaling and tactical hedging approaches are considered as a means of assessing the readiness of allies to cooperate in a minilateral format. Minilateral partnerships facilitate cooperation among key regional actors, while signaling mechanisms are used to convey intentions and deter adversaries. Additionally, the concept of tactical hedging is analyzed, highlighting the nuanced strategies used by countries to navigate a complex security environment. The analysis shows that states resort to tactical signaling and hedging maneuvers to advance their interests and limit the influence of competitors, while avoiding unnecessary confrontation. For instance, the implications of minilateralism extend beyond mere military cooperation; they also encompass economic and diplomatic dimensions that can shape regional stability. For instance, while QUAD emphasizes a Free and Open Indo-Pacific (FOIP), its focus on non-traditional security issues such as climate change and health policy. Minilateral formats like QUAD and AUKUS are thus increasingly important as flexible cooperation tools for regulating security in the region. By exploring these interrelated elements, the article aims to provide insights into the evolving security architecture of QUAD and AUKUS in the Indo-Pacific.

Keywords: Japan, Australia, USA, multilateralism, tactical hedging, Indo-Pacific region, minilateralism, signaling, Quad, AUKUS

References (transliterated)

1. Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia // Chin. J. Int. Polit. 2010. Vol. 3. P. 381–396.
2. Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // Int. J. 1990. Vol. 45, № 4. P. 731–764.
3. Ruggie J.G. Multilateralism: the Anatomy of an Institution // Int. Organ. 1992. Vol. 46, № 3. P. 561–598.
4. Tagg A. Multilateralism, Bilateralism, and Unilateralism in Foreign Policy. Oxford University Press, 2017.
5. Singh B., Teo S. Minilateralism in the Indo-Pacific: The Quadrilateral Security Dialogue, Lancang-Mekong Cooperation Mechanism, and ASEAN. London: Routledge, 2020. 156 p.
6. Tirkey A. Minilateralism: Weighing the Prospects for Cooperation and Governance // ORF Issue Brief. 2021. № 489. P. 1–25.
7. Naim M. Minilateralism The magic number to get real international action. 2009.
8. Falkner R. A Minilateral Solution for Global Climate Change? On Bargaining Efficiency, Club Benefits, and International Legitimacy // Perspect. Polit. 2016/03/21 ed. Cambridge University Press, 2016. Vol. 14, № 1. P. 87–101.
9. Eckersley R. Moving Forward in the Climate Negotiations: Multilateralism or Minilateralism? // Glob. Environ. Polit. 2012. Vol. 12, № 2. P. 24–42.
10. Anuar A., Hussain N. Minilateralism for multilateralism in the postCOVID age // Rajaratnam Sch. Int. Stud. RSIS. 2021.

11. Teo S. Could Minilateralism Be Multilateralism's Best Hope in the Asia Pacific? [Electronic resource]. 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/12/could-minilateralism-be-multilateralisms-best-hope-in-the-asia-pacific/> (accessed: 25.10.2024).
12. Wilkin T.S. et al. Indo-Pacific Minilateralism Strategic Competition (I): Australia/Japan and Chinese Approaches Compared: Occasional Paper. Pacific Forum International, 2024.
13. Koga K. Tactical hedging as coalition-building signal: The evolution of Quad and AUKUS in the Indo-Pacific // Br. J. Polit. Int. Relat. 2024. P. 1–26.
14. Farrell J., Gibbons R. Cheap Talk with Two Audiences // Am. Econ. Rev. American Economic Association, 1989. Vol. 79, № 5. P. 1214–1223.
15. Kertzer J.D., Rathbun B.C., Rathbun N.S. The Price of Peace: Motivated Reasoning and Costly Signaling in International Relations // Int. Organ. 2019/11/05 ed. Cambridge University Press, 2020. Vol. 74, № 1. P. 95–118.
16. Ciorciari J.D., Haacke J. Hedging in international relations: an introduction // Int. Relat. Asia-Pac. 2019. Vol. 19, № 3. P. 367–374.
17. Fenton C., Langley A. Strategy as Practice and the Narrative Turn // Organ. Stud. 2011. Vol. 32, № 9. P. 1171–1196.
18. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives | Communication Power and the New World Order | A. 1st ed. New York: Routledge, 2013. 240 p.
19. Miller J.D. The Conditions for Cooperation // India, Japan, Australia: Partners in Asia? / ed. Miller J.D. Australian National University Press., 1968. P. 195–212.
20. Koga K. A New Strategic Minilateralism in the Indo-Pacific // Asia Policy. 2022. Vol. 17, № 4. P. 27–34.
21. Hambrick D.C., Lovelace J.B. The Role of Executive Symbolism in Advancing New Strategic Themes in Organizations: A Social Influence Perspective // Acad. Manage. Rev. Academy of Management, 2018. Vol. 43, № 1. P. 110–131.
22. Koga K. Japan's "Free and Open Indo-Pacific" strategy: Tokyo's tactical hedging and the implications for ASEAN // Contemp. Southeast Asia. 2019. Vol. 41, № 2. P. 286–313.
23. Alvesson M. The Business Concept as a Symbol // Int. Stud. Manag. Organ. Taylor & Francis, Ltd., 1998. Vol. 28, № 3. P. 86–108.
24. Koga K. Quad 3.0: Japan, Indo-Pacific and Minilateralism // East Asian Policy. 2022. Vol. 14, № 01. P. 20–38.
25. The White House. Quad Leaders' Joint Statement: "The Spirit of the Quad" [Electronic resource] // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/> (accessed: 27.10.2024).
26. The White House. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Electronic resource] // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (accessed: 27.10.2024).
27. Bisley N. The Quad, AUKUS and Australian Security Minilateralism: China's Rise and New Approaches to Security Cooperation // J. Contemp. China. Routledge, 2024. Vol. 0, № 0. P. 1–13.
28. Koga K. Institutional Dilemma: Quad and ASEAN in the Indo-Pacific // Asian Perspect. 2023. Vol. 47, № 1. P. 27–48.
29. Wilkins T. Minilateral groupings as an alternative to multilateralism in an era of

strategic competition // Issues & Insights / ed. Baker C. Pacific Forum Internatioanal, 2023. Vol. 23. P. 35-40.

Dynamic factors influencing the formation of Russia's image in the perception of German youth

Mayorov Ilya Evgenyevich 

Senior Lecturer; Faculty of General Academic; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Postgraduate student; Institute Institute of Social Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave., Moscow, 124365, Russia

 ilyamayorov@yandex.ru

Abstract. The article examines the formation of Russia's external image among the student youth of contemporary Germany. It focuses on the perception of Russia through ten factors, including political and economic aspects, the dialogue of science and culture, historical and socio-cultural contexts, the role of resources, technological cooperation, and others. Special attention is given to the dynamics of perception from the 1990s to the present day, revealing changes in Russia's image linked to historical and social events. The study uniquely compares objective factors shaping the country's image with subjective, personally significant aspects of perception identified among students of German-speaking universities studying the Russian language and Russian history.

To achieve the research objectives, methods such as surveys, ranking, analysis, synthesis, and scientific generalization were employed. The survey targeted students of German-speaking universities specializing in Russian language and history to uncover both objective and subjective factors influencing Russia's image.

The scientific novelty lies in developing a periodization of changing attitudes toward Russia in the West, based on external and internal events in the country and globally. For the first time, the perception of Russia's image is analyzed dynamically, combining objective factors with subjective aspects significant to students. The results highlight a paradigm shift in perception, shaping a new image of Russia. The study concludes that, despite challenges, there is significant potential to strengthen Russia's positive image, fostering long-term relations between Russia and Germany. This research holds both practical and theoretical significance, offering new perspectives for studying intercultural interactions.

Keywords: perception, Historical context, modeling, youth, economic factors, political factors, socio-cultural, dynamic image, image of Russia, external image

References (transliterated)

1. Vdovina O.V., Dautova R.R. (2013). Plyusy i minusy vstupleniya Rossii v VTO // ROSSIYa I VTO: ekonomicheskie, pravovye i sotsial'nye aspekty. Sbornik statei uchastnikov IV Mezhdunarodnogo nauchnogo studencheskogo kongressa. M.: Finansovyi universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. S. 680-682.
2. Zheglova Yu.G. (2015) Vneshnepoliticheskii imidzh Rossii skoi Federatsii: problema tselepolaganiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. № 2 (713). S. 43-55.
3. Zheglova Yu.G. (2018). Informatsionnoe soprovozhdenie vneshnei politiki RF: defitsit strategii // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya. № 3. S. 313-317.

4. Kochetkov V.V. (2020). Rol' championata mira po futbolu 2018 g. v formirovaniu imidzha Rossii // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. T. 26. № 3. S. 106-126.
5. Martynova L.G. (2011). Sovremennyi imidzh Rossii: dis. ... kand. polit. nauk. M. 151 s.
6. Moiseenko L.V. (2018). Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya mediaobraza Rossii i russkikh v zapadnykh SMI // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. № 8 (799).
7. Narbut N.P., Trotsuk I.V. (2011). Obrazy stran-sosedei v vospriyatiu studencheskoi molodezhi (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovanii). Vestnik RUDN. Ceriya Sotsiologiya. № 4. S. 109-117.
8. Ozmanyan M.S. (2019). Imidzh sovremennoi Rossii v predstavlenii evraziiskoi molodezhi v period siriiskogo krizisa // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. T. 2. № 3. S. 125-129.
9. Omel'chenko E.L., Lisovskaya I.V. (2022). Molodezh' kak barometr budushchego? Molodezhnaya povestka v sovremennoi Rossii skvoz' mneniya ekspertov po molodezhnoi politike // Monitoring. № 2 (168). S. 66-92.
10. Rossiya i mir: 2024. (2023). Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz / Ruk. proekta: A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii; otv. red.: I.Ya. Kobrinskaya, G.I. Machavariani. M.: IMEMO RAN. 124 s.
11. Semenenko I.S. (2007). Kul'tura, obshchestvo i obraz Rossii // Neprikosnovennyi zapas. № 1.
12. Torkunov A., Strel'tsov D. (2023). Rossiiskaya politika poverota na Vostok: problemy i riski.
13. Gross G.-D. (2018). Geschichte Osteuropas. Berlin: Springer Verlag.
14. Bergson A. (2020). Wirtschaftsbeziehungen zwischen Russland und Deutschland. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
15. Pfeifer L. (2021). Politische Spannungen und ihre Auswirkungen auf die bilateralen Beziehungen. Hamburg: Nomos Verlag.
16. Schulze, E. (2019). Kulturelle Bindungen und ihre Rolle in der Diplomatie. Bonn: Vandenhoeck & Ruprecht.

The Backfires of the Use of Financial Instruments for International Political Purposes: the Case of the United States

Shlyundt Nadezhda Yuryevna

PhD in Law



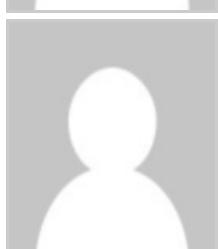
Associate Professor; Department of Legal Disciplines; Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

357108, Russia, Stavropol Territory, Nevinnomyssk, blvd. Mra, 17

✉ nshlundt@yandex.ru

Nefedov Sergei Aleksandrovich

Doctor of Politics



Leading Researcher; Department of Coordination of Research and Innovation and Project Activities in the Specialty, Master's and Postgraduate Studies; Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9

✉ offiziell@yandex.ru

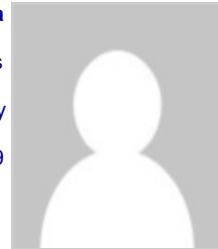
Botasheva Asiyat Kazievna

Doctor of Politics

Professor; Department of Journalism, Media Communications and Public Relations; Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9

✉ ab-ww@mail.ru



Abstract. The subject of the study is financial instruments of international political influence, namely their political effectiveness and side effects for states that have decided to use them. Today, there is a growing body of empirical evidence indicating that the United States is experiencing negative consequences from the use of financial instruments in order to realize its foreign policy interests. There are scientific papers devoted to such topics and issues as positive financial instruments, reverse results and negative reactions of financial coercion. The new reality opens up additional opportunities for a number of countries, including Russia, to assert multipolarity and strengthen their role in the emerging world order. All this actualizes the political science analysis of the consequences of using financial instruments, as well as attempts to systematize the accumulated knowledge in this area. The methodological basis of the research focuses on the concept of global monetary power, competition and the concept of instrumentalization of economic interdependence, which are developing in modern political science. The methods of comparison, content analysis and classification were used, which made it possible to substantiate the concept of "political effectiveness of financial instruments" and systematize certain political and economic consequences of the use of such tools, in particular the United States. The authors conclude that the use of financial instruments by the United States has a negative impact not only on the global financial system that they support, but also on Washington's international political reputation. The United States, using financial instruments, often in a disorderly manner, encounters resistance from those against whom it turns financial pressure. Against the background of all these events, confidence in the existing global financial system is being undermined. There is an increase in the attention of individual countries to gold, the refusal of a number of states from the dollar in international settlements, as well as the deployment of the process of searching for alternatives to the existing hubs of the global financial system, which the United States is trying to use for its international political purposes. In these circumstances, Russia's task is to take advantage of the new opportunities created by the financial and political miscalculations of the United States.

Keywords: monetary multipolarity, international political reputation, financial pressure, backfires, international political influence, sanctions, foreign policy tools, foreign policy, financial instruments, global financial system

References (transliterated)

1. Dzobelova V. B., Kadzaeva E. I. Obratnyi effekt antirossiiskikh sanktsii // Uchet i kontrol'. 2022. № 9. S. 18-20.
2. Kapkanshchikov S. G., Kapkanshchikova S. V. Ekonomika stran-sanktsionerov v rossiiskoi lovushke bol'shoi strany // Mezhdunarodnaya ekonomika. 2024. № 2. S. 96-111.
3. Fedyunina A. A., Simachev Yu. V. Mir v labirinte sanktsii: neodnoznachnost' empiricheskikh svidetel'stv // Voprosy ekonomiki. 2024. № 8. S. 5-27.
4. Acevedo D. E. The U. S. Measures Against Argentina Resulting from the Malvinas Conflict // The American Journal of International Law. 1984. Vol. 78. № 2. P. 323-344.

5. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) (March 29, 2024) // IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
6. Demarais A. Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U. S. Interests. New York: Columbia University Press, 2022. 304 p.
7. Doxey M. P. Sanctions Through the Looking Glass: The Spectrum of Goals and Achievements // International Journal. 2000. Vol. 55. № 2. P. 207-223.
8. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependency: How Global Economic Networks Shape State Coercion // The Uses and Abuses of Weaponized Interdependence / Ed. by D. W. Drezner, H. Farrell, A. L. Newman. Washington: Brookings Institution Press, 2021. P. 19-66.
9. Farrell H., Newman A. L. Weaponized Interdependency: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42-79.
10. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19. № 3. P. 378-416.
11. Gordon J. Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 376 p.
12. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington: Institute for International Economics, 1985. 769 p.
13. Jones L., Portela C. Evaluating the «Success» of International Economic Sanctions: Multiple Goals, Interpretive Methods and Critique: Centre for the Study of Global Security and Development Working Paper 2014/4. London: Queen Mary University, 2014. 21 p.
14. McDowell D. Bucking the Buck: US Financial Sanctions and the International Backlash Against the Dollar. Oxford: Oxford University Press, 2023. 256 p.
15. McDowell D. Financial Sanctions and Political Risk in the International Currency System // Review of International Political Economy. 2021. Vol. 28. № 3. P. 635-661.
16. McDowell D. Golden Parachute: Financial Sanctions and Russia's Gold Reserves // Digitalisation and Geopolitics: Catalytic Forces in the (Future) International Monetary System / Ed. by N. Bilotta, F. Botti. Rome: Edizioni Nuova Cultura, 2023. P. 141-157.
17. Peterson T. M. Positive Sanctions, Incentives, and Foreign Policy // The Oxford Handbook of Foreign Policy Analysis / Ed. by J. Kaarbo, C. G. Thies. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 396-411.
18. Peterson T. M. Sending a Message: The Reputation Effect of US Sanction Threat Behavior // International Studies Quarterly. 2013. Vol. 57. № 4. P. 672-682.
19. SWIFT. RMB Tracker Monthly Reporting and Statistics on Renminbi (RMB) Progress Towards Becoming an International Currency: April 2024. La Hulpe: SWIFT, 2024. 9 p.
20. Taylor B. Sanctions as Grand Strategy. Abingdon: Routledge, 2010. 124 p.

International Non-Governmental Organizations in the Constructivist Paradigm of International Relations Research

Gurkovskii Aleksandr Andreevich

Postgraduate student; Department of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9

✉ gurkovskiy-93@mail.ru



Klichnikov Yurii YUr'evich

Doctor of History

Professor; Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology,
Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9

✉ klichnikov@mail.ru



Linets Sergei Ivanovich

Doctor of History

Professor; Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology,
Pyatigorsk State University

357532, Russia, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9

✉ linets-history@yandex.ru



Abstract. The subject of the study is international non-governmental organizations (INGOs), considered as an analytical unit of such a paradigm of international relations research as constructivism. Unlike neorealism and neoliberalism, competing theoretical schools that generally do not leave a place for INGOs in their constructions, constructivism allows for the possibility of participation of such organizations in world politics, giving them the role of conductors of various ideas, principles and agendas that could potentially lead to political changes. Nevertheless, INGOs are not conceptualized by constructivism as some kind of "free" actors whose activities are not limited to anyone. When states finance INGOs, they often set certain tasks for them, delegate certain functions to them, or even openly use them as a means of realizing their international political interests. The research methodology is formed by the works of K. Waltz, J. Mearsheimer, J. Ikenberry, A. Wendt, which serve as the foundation of the leading paradigms in the study of international relations (neorealism, neoliberalism, constructivism). The main conclusions of the completed study can be considered as follows. Neorealism demonstrate a certain indifference to the INGOs. Neorealism views states fighting each other as some kind of "black boxes". Since INGOs are based in a particular state, they find themselves inside this very "black box", not deserving of research attention, unlike the great powers. According to the provisions of neoliberalism, global peace and cooperation are possible only with the spread and development of international institutions, which are initiated and controlled by the leading states, which, therefore, deserve priority research attention. Constructivism, on the contrary, allows for the international political significance of INGOs that participate in the formation of identities, in the promotion of ideas and principles, and in the performance of roles that can initiate political change.

Keywords: global civil society, dependency relations, international political influence, world politics, neorealism, neoliberalism, constructivism, methodology of political science, non-state actors, international non-governmental organizations

References (transliterated)

1. Alekseeva T. A. Agent-strukturnye otnosheniya: metodologiya konstruktivizma // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 77-93.
2. Alekseeva T. A. «Tret'e pokolenie» konstruktivizma: chto novogo? // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. № 1. S. 6-21.
3. Ahmed S., Potter D. M. NGOs in International Politics. Boulder: Kumarian Press, 2006. 285 p.
4. Buck D., Hosli M. O. Traditional Theories of International Relations // The Changing Global Order: Challenges and Prospects / Ed. by M.O. Hosli, J. Selleslaghs. Cham: Springer, 2020. P. 3-22.
5. Charountaki M. Conceptualising Non-State Actors in International Relations // Mapping Non-State Actors in International Relations / Ed. by M. Charountaki, D. Irrera. Cham: Springer, 2022. P. 1-16.
6. DeMars W. E., Dijkzeul D. Introduction: NGOing // The NGO Challenge for International Relations Theory / Ed. by W. E. DeMars, D. Dijkzeul. Abingdon: Routledge, 2015. P. 3-38.
7. Hall R. B., Biersteker T. J. The Emergence of Private Authority in the International System // The Emergence of Private Authority in Global Governance / Ed. by R. B. Hall, T. J. Biersteker. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 3-22.
8. Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 p.
9. Lilyblad C. M. NGOs in Constructivist International Relations Theory // Routledge Handbook of NGOs and International Relations / Ed. by T. Davies. Abingdon: Routledge, 2019. P. 113-127.
10. McCourt D. M. The New Constructivism in International Relations Theory. Bristol: Bristol University Press, 2022. 225 p.
11. McDonald M. Constructivism // Security Studies: An Introduction / Ed. by P. D. Williams, M. McDonald. Abingdon: Routledge, 2023. P. 52-66.
12. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, 2003. 592 p.
13. Onuf N. G. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South Carolina Press, 1989. 341 p.
14. Park S. Constructivism // International Organization and Global Governance / Ed. by T. G. Weiss, R. Wilkinson. Abingdon: Routledge, 2023. P. 133-143.
15. Reus-Smit C. Constructivism // Theories of International Relations / Ed. by R. Devetak, J. True. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 188-206.
16. Waltz K. N. Political Structures // Neorealism and Its Critics / Ed. by R. O. Keohane. New York: Columbia University Press, 1986. P. 70-97.
17. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 256 p.
18. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 450 p.

Cultural diplomacy of Japan towards the PRC in the 1970s and 1980s: the case Inoue Yasushi and Japan-China Cultural Exchange Association activities

PhD in History

Associate Professor; Department of the Theory of Social Development of Asian and African Countries; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 11, office 4a

✉ m.malashevskaya@spbu.ru



Abstract. Japan-China cultural ties in the 1970s and 1980s received a powerful impetus for development against the background of strengthening bilateral relations in the 1970s and the beginning of a turn in Chinese foreign policy towards increasing ties with market economies. Traditionally, cultural transfer from China to Japan has occupied in the center of contacts between two states, but in the 20th century, political relations and cultural dialogue have undergone a series of dramatic changes. After the end of the Second World War, despite ideological contradictions, cultural contacts between China and Japan expanded steadily. The purpose of this article is to study the development of cultural dialogue between Japan and China during 15 years following the normalization of Japanese-Chinese relations in 1972, by exploring three channels of diplomacy: the official cultural activities of the Ministry of Foreign Affairs, cultural diplomacy of public organizations and the creative and cultural activities of the chairman of the Japanese Pen Club Inoue Yasushi, who acted as a representative of the part of the intellectual elite of Japan that was set up in favor of dialogue with the PRC. The article highlights three stages of the formation of Japanese-Chinese cultural contacts in the 1950s – 1980s, gives their characteristics and reveals the main content of contacts at the civil level, highlights important cultural projects, for example, a special project to study and highlight the history of the Great Silk Road in China. The channel of civil cultural diplomacy and the personal role of Inoue Yasushi played a significant role in building a constructive Japanese-Chinese dialogue against the background of a shortage of official ties between the two countries in the 1950s – 1980s.

Keywords: Western Region, youth exchanges, international projects, civil diplomacy, cultural diplomacy, Inoue Yasushi, Silk Road, Japanese-Chinese cultural relations, Japanese pen Club, international relations

References (transliterated)

1. Fogel J. The Literature of Travel in the Japanese Rediscovery of China, 1862–1945. Stanford: Stanford University Press, 1996.
2. Nosov M.G. Yapono-kitaiskie otnosheniya (1949–1975). M.: Nauka, 1978.
3. Markov A.P. Poslevoennaya politika Yaponii v Azii i Kitai, 1945–1977. M.: Nauka, 1979.
4. Kul'neva P.V. 50-letie normalizatsii yapono-kitaiskikh otnoshenii: itogi i problemy // Ezhegodnik Yaponiya. 2022. No 51. R. 15-39. URL: <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-15-39>
5. Lee Chae-Jin. Japanese Policy Toward China // Japan. 1983. Vol. 82, No. 487. Pp. 371–375, 391–392.
6. Johnson Ch. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952–1982 // Pacific Affairs. 1986. Vol. 59, No. 3. Pp. 402–428. URL: <https://doi.org/10.2307/2758327>.
7. Iriye Akira. Chinese-Japanese Relations, 1945–90 // The China Quarterly. 1990. No. 124: China and Japan: History, Trends and Prospects. Pp. 624–638.
8. Yinan He. 40 Years in Paradox: Post-normalisation Sino-Japanese relations // China Perspectives. 2013. No 4. Pp. 7–16. URL:

[https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.6314.](https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.6314)

9. Inoue Masaya. Postwar Japan-China Relations // Modern Japan's Place in World History: From Meiji to Reiwa / ed. by Yamauchi Masayuki, Hosoya Yuichi; Transl. by Keith Krulak. Springer Singapore, 2023.
10. Japan-China Relations in the Modern Era / By Ryosei Kokubun, Yoshihide Soeya, Akio Takahara, Shin Kawashima. Routledge, 2017.
11. Ogoura Kazuo. Japan's Postwar Cultural Diplomacy // Freie Universität Berlin. Center for Area Studies. 2008. Working Paper No. 1. Pp. 1-7.
12. 虞萍. 真の「文化交流」とは何か—井上靖と冰心を通して [Yui Pin. Chto takoe istinnyi «kul'turnyi obmen» – Inoue Yasusi i Bincin'] // 名古屋外国語大学外国語学部紀要. 2012, № 43. Pr. 167-202.
13. Shi Ge. China's Cultural Revolution and Japan's Intelligentsia: Kazumi Takahashi's Humanistic Sensibilities // *Comparative Literature Studies*. 2015. Vol. 52, No. 1, Special Issue: Global Maoism and Cultural Revolution in the Global Context. R. 65-79.
14. Otmaigin N. Geopolitics and Soft Power: Japan's Cultural Policy and Cultural Diplomacy in Asia // *Asia Pacific Review*. 2012. № 19(1). Rr. 37-61. DOI: 10.1080/13439006.2012.678629.
15. U Do. Kitaiskaya «diplomatiya pand» i imidzh gosudarstva // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2019, № 3 (68). S. 25-28. DOI: 10.24158/pep.2019.3.4.
16. 丹波實. 日露外交秘話 [Tamba Minoru. Tainye peregovory mezhdu Yaponiei i Rossiei]. 東京: 中央公論新社, 2012.
17. Vogel E. F. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Cambridge, MA, and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011.
18. 日本の外交: 6巻. 第4巻: 対外政策 地域編 / 国分良成 (編) [Diplomatiya Yaponii: v 6-ti t. T. 4: Vneshnyaya politika. Regional'nye problemy / red, Kokubun Resei]. 東京: 岩波書店, 2013.
19. Togo Kazuhiko. Japan's foreign policy 1945–2003: The quest for proactive policy. Leiden-London: Brill, 2005.
20. 日本の外交: 6巻. 第5巻: 対外政策 課題編 / 大芝 亮 (編) [Diplomatiya Yaponii: v 6-ti t. T. 5: Vneshnyaya politiki. Tsentral'nye problemy / red, Oosiba Re]. 東京: 岩波書店, 2013.
21. Akagawa Natsuko. Japan and the Rise of Heritage in Cultural Diplomacy: Where Are We Heading? // Future Anterior: Journal of Historic Preservation, History, Theory, and Criticism. 2016. Vol. 13, №. 1. R. 125-139.
22. 井上靖, 司馬遼太郎. 西域をゆく [Inoue Yasusi, Siba Retaro. Po Zapadnomu krayu]. 第8刷. 東京: 文藝春秋, 2017.
23. 井上靖, 樋口隆康. 大草原をゆく: ソビエト (1) [Inoue Yasusi, Khiguti Takayasu. Puteshestvuyu po Velikoi stepi: Sovetskii Soyuzu (1)] // シルクロード ローマへの道 [Shelkovyi put' – put' v Rim]. 第9巻. 東京: 日本放送出版協会, 1983.
24. 井上靖. 私の西域紀行. 下巻. [Inoue Yasusi. Moi dnevniki puteshestviya po Zapadnomu krayu: v 2 t. T. 2]. 東京: 文藝春秋, 1983.
25. 馬場公彦. 友好と離反のはざまできしむ日中関係 1979 – 1987年 – 中越戦争から民主化運動へ [Baba Kimikihiko. Periody druzhby i okhlazhdeniya v yapono-kitaiskikh otnosheniyakh v 1979–1987 gg.: ot Kitaisko-v'etnamskoi voiny k dvizheniyu za demokratiyu] // 愛知大学国際問題研究所紀要. 2013. № 141. P. 23-60.